

Донато Карризи

Я — бездна

* * *

Посвящается моим сыновьям

Антонио и Витторио —

лучшему, что я создал

Why I should pity man more than he pities me?

«Почему я должен жалеть человека больше, чем он жалеет меня?»

Мэри Шелли. Франкенштейн, или Современный Прометей. 1818

(Перевод З. Александровой)

«Он здесь!»

«Франкенштейн»

(реж. Джеймс Уэйл), 1931

7 июня

Высоко-высоко наверху — надпись. Каких-то букв не хватает, какие-то покосились. Мальчику всего пять лет, он еще не ходит в школу, но все же узнает «Г» и «Р». Он знает, что буква «О» похожа на круг, и сейчас это «О» застыло на его изумленных губах.

— «Гранд-отель», — читает Вера для него, пока они подходят ближе, и указывает на высокое здание, которое поджидает их, объятые сном, зияет ослепшими глазами-окнами. По морщинистым стенам расползаются борозды, словно от высохших слез. Яркие граффити не могут оживить старого исполина, с ними он кажется еще печальней. Парадные двери заколочены деревянными досками и напоминают вход на сломанную карусель. Голые ветки кустов пробиваются сквозь асфальт, точно пальцы скелета, рвущегося из могилы.

Дружный хор невидимых цикад прерывается стуком деревянных подошв Веры и шарканьем пластиковых детских шлепанцев. Мальчик в синеньких шортах и майке не поспевает за матерью, не попадает в шаг. Вера с высоты своих туфель на деревянной платформе, с блестящей застежкой, – точно уверенная в себе, устремленная ввысь элегантная розовая птица фламинго.

Яркое солнце слепит глаза. Но мальчик не решается поднять голову и взглянуть на мать, пока они шагают бок о бок. На Вере темные очки с оправой «кошачий глаз», три крупных браслета соскальзывают к локтю, пока она придерживает соломенную шляпку, которая так нравится мальчику. Ту самую, которую они стащили в сувенирном магазине, с розовой лентой вокруг тульи. Он сам попросил Веру надеть ее, когда они собирались на улицу, и она согласилась. Под кофточкой и шортами на Вере купальник с зелеными и желтыми цветами, как у актрисы. Пышные светлые волосы блестят в лучах солнца. У Веры нежная и гладкая кожа с мелкими родинками, которые можно заметить, только если стоять совсем рядом.

Мальчику грустно смотреть на мать. Ему часто кажется, что он не заслуживает такой красоты. Он такой нелепый и нескладный, а она – само совершенство.

– Давай, мы почти пришли! – раздраженно подгоняет его Вера.

Ребенок тяжело дышит, ему хочется попросить ее идти медленнее, но он боится, что мать отпустит его руку и уйдет вперед. Она так редко берет его за руку – ему даже не верится, что она до сих пор не освободилась от его потной ладони.

Но сегодня особенный день.

У Веры на плече большая сумка, куда она сложила два бутерброда, кока-колу и вспененные подстилки. Из сумки доносится запах мортаделлы и позвякивание бутылок.

Сегодня день Великого Испытания.

Последние недели они только о нем и говорили. Идея принадлежала Вере, и это немного настораживало. Иной раз мальчику казалось, что мать, как всегда, забудет об обещании. Но этого не произошло. Похоже, она была настроена сдержать слово.

Не страшно, что место для Великого Испытания оказалось совсем не таким, как он себе представлял. Они одни, и это уже хорошо, очередного поклонника не видно. Когда мать идет по улице, на нее постоянно оборачиваются мужчины, они пожирают ее глазами и что-то неразборчиво гундят себе под нос, точно назойливая мошкара. Кажется, будто только она их не замечает. Иной раз очередному ухажеру удастся ее рассмешить, и тогда Вера впускает его в свою жизнь, не спрашивая мнения сына. Но сегодня все по-другому. Сегодня никто не посмеет отвлечь Веру от сына.

Сегодня она принадлежит только ему.

Мальчик уже понял, что ее мужчины приходят и уходят. Иногда Вера сама устает от них, а иногда они от нее. Ребенка они не замечают, а он и рад. Правда, иной вдруг замечает, начинает изображать из себя отца и решает заняться воспитанием мальчика. Воспоминание о последнем преподанном уроке до сих пор дает о себе знать под мышкой, где гладкий ожог от сигареты.

Кто его настоящий отец, мальчику неизвестно. Он никогда не спрашивал. Наверное, один из таких мимолетных ухажеров. Нелепый и полный тип, который, перед тем как исчезнуть, оставил Вере напоминание о своем

уродстве. И вот результат. Наверное, поэтому Вера не хочет, чтоб он звал ее мамой. Он называет ее так только про себя, когда думает о ней. У них не принято говорить «семья». Но даже Вера знает, что, если у тебя появился ребенок, будь любезна рассказать ему о том, что собой представляет этот мир, научи его жить, убедись, что он усвоил урок. Вот, например, пару недель назад они посмотрели фильм о «семье», поехавшей в отпуск к морю. С ними был мальчик. Отец подарил ему маску для плавания, научил, как ею пользоваться.

В этом и заключалось Великое Испытание. Вера пообещала научить его плавать. Вот только у него не было плавков. Перед тем как выйти из дома, он попробовал об этом напомнить, но Вера заметила, что и трусы отлично стодятся, так что плавки ни к чему.

Ну и ладно, ему и так хорошо. Сердце бешено рвется из груди, вслед за Верой он протискивается меж кустов, хрустя битым стеклом и осыпавшейся штукатуркой. Они кружат вдоль забора «Гранд-отеля», пока не оказываются на заднем дворе.

— Ну, что я тебе говорила? — задорно объявляет Вера, указывая на изогнутый, как фасолина, бассейн.

Ладонь мальчика невольно выскальзывает из материнской руки, и он застывает на месте как вкопанный. Несмотря на то что ему всего пять лет, он уже понял, как больно бывает, если попадаешь в ловушку собственных иллюзий. Особенно если предложение исходит от Веры. Но теперь все еще хуже. Ком в горле мешает вдохнуть.

Вода в бассейне черного цвета. Крохотные насекомые и несколько стрекоз кружат над поверхностью, покрытой маслянистой пленкой.

— Ну, что не так? — В голосе Веры звучит недовольство.

— Ничего... — неубедительно выдавливает он из себя.

— Вперед, чего ты.

Но мальчик не в силах скрыть разочарование.

— Тогда пошли домой, — угрожает мать.

— Нет! — торопливо отвечает он, в ужасе оттого, что все испортил. — Давай останемся!

Вера колеблется, вопросительно поднимая бровь за линзой очков. Она оглядывается по сторонам.

— Давай загорать, — подытоживает она, доставая из сумки полотенце. Они располагаются на площадке, посреди сломанных лежаков. Вера стягивает с себя майку и шорты и растягивается на полотенце.

— А ты чего стоишь одетый? Шевелись!

Мальчик стягивает шорты и лишь затем майку. Мать неотрывно смотрит на него, и ему неловко. Он ждет от матери упрека за то, какой он жирный или пухлый. Но в этот раз она молчит.

— Не хочешь окунуться?

Мальчик молча смотрит на бассейн.

Заметив его нерешительность, Вера заливается смехом, но тут же запускает руку в сумку и говорит:

— Смотри, что у меня есть.

Обычно ничего хорошего от Веры ждать не приходится. Как-то раз она сказала, что пойдет в магазин купить ему подарок ко дню рождения, и пропала на целых три дня.

Но теперь она протягивает ему надувные нарукавники.

— Поначалу они тебе пригодятся, — замечает Вера, надувая их. — Так ты быстрее научишься.

Мальчик не верит собственным глазам. Максимум, чего можно ждать от его матери, — это мелкой кражи из детского отдела супермаркета. Обычно она крадет там одежду или обувь. Все, что есть у сына, включая несколько игрушек, Вера украла или подобрала на помойке. Закончив с нарукавниками, она помогает мальчику их надеть. Он радостно разглядывает оранжевые бублики на своих плечах. Теперь надо только набраться смелости, чтобы шагнуть в воду.

— Готово, — поторапливает Вера.

Мальчик шагает вперед, но, не дождавшись знакомой тени, застревает на полдороге и оборачивается на мать. Вера сидит на полотенце, раскуривая сигарету.

— А ты?

— Докурю и приду, — заверяет она. — Ты первый.

Но он не хочет идти один, и Вера это чувствует.

— Что случилось? Боишься?

Мальчику не нравится этот тон, но Вера часто говорит с ним так. Иногда даже в присутствии очередного мужчины. Тогда они подтрунивают над ним вместе.

— Нет, — отвечает он, изображая уверенность.

Он так боится испортить замечательный день. И идет к бассейну. С бортика вытягивает ногу и дотрагивается большим пальцем до воды, похожей на желе. Он знает, что мать наблюдает, чувствует ее взгляд промеж лопаток. Поэтому раздумывать некогда. Он садится на бортик и погружает ноги в воду до колен. Они исчезают в темной воде, и по взмокшей спине пробегает холодок. Растерянный и неловкий, мальчик старается дышать как можно глубже.

— Наруканники не дадут тебе утонуть, — кричит ему Вера. — Я за тобой приглядываю.

Мальчик пытается найти в себе силы опустить тело в неподвижную жижу. Он понимает, что времени нет. Время — сообщник страха. Он понял это, когда расстроенная и крепко выпившая в тот день Вера запустила в него стеклянной пепельницей. Всего секунда промедления — и за левым ухом образовалась кровотокающая ссадина.

— Сам не пойдешь — сброшу тебя в этот гребаный бассейн, — мрачно угрожает Вера, выдыхая облако сигаретного дыма.

Мальчик закрывает глаза и отпускает борттик.

Сначала он погружается в воду с головой, но что-то выталкивает его на поверхность. К счастью, нарукавники и правда держат его на плаву в этом темном вареве. Но ему кажется, что бассейн точно ожил, и это пугает. Он принимается шевелить ногами, но не для того, чтобы плыть, – скорее, пытаясь убежать.

– Видишь, не так уж и сложно, – замечает Вера. – Ну-ка, попробуй немного проплыть вперед.

Проплыть? Это как? Да он едва может развернуться. Однако мальчик боится разочаровать мать. Поэтому, поднапрягшись, он начинает мельтешить руками и перемещается к центру бассейна. Тот факт, что он проплыл, даже совсем немного, переполняет его гордостью. Правда, ненадолго. Ему вдруг кажется, что внизу до него кто-то дотронулся. Кто-то цапает его прямо за ногу. Как будто там, внизу, чья-то рука пытается утянуть его вниз. Он резко разворачивается, вырывается, отчаянно кричит (совсем как девчонка, сказала бы Вера) и старается оттолкнуть ногой непонятный предмет, который от толчка на секунду всплывает, а потом снова уходит под воду. То, что он принял за руку, – сухая узловатая ветка. Издалека до него доносится смех матери. Но вдруг это становится совсем не важно. Его внимание привлекает легкое дуновение воздуха, касающееся его щеки. Откуда это? Он поворачивает голову вправо.

В оранжевом нарукавнике зияет дыра. Совсем крохотная, но этого достаточно, чтобы весь воздух быстро вышел. Пока оранжевый бублик сдувается, мальчик чувствует, как тяжелеет его рука. Вот бы оттолкнуться и очутиться у бортика! Но, не успев об этом подумать, он уже чувствует, что другая рука тоже осталась без поддержки.

Его ненадежная экипировка больше не помогает держаться над пропастью.

Он мечется на месте в полной уверенности, что грязная вода хочет его проглотить. Подбородок то оказывается в воде, то снова задирается вверх, губы тоже погружаются в черную жижу. Этот бассейн просто так не отпустит. Мальчик хочет закричать, позвать на помощь Веру. Ему удастся приподнять голову и приоткрыть рот, чтобы издать крик. Однако то, что он видит, наполняет его животным ужасом.

Вера берет полотенце с земли и кладет в сумку.

Мальчика сковывает страх, и от ужаса он вновь погружается в воду. С большим трудом ему удастся вынырнуть на поверхность. Барахтаясь, он вновь пытается разглядеть мать. Вера надевает соломенную шляпу и солнечные очки и идет прочь. Ее бедра покачиваются: она размеренно шагает в своих босоножках на высокой деревянной платформе и с блестящей застежкой. Мальчику не верится, что все это происходит на самом деле. Он кричит, взывая к ней изо всех сил. Но только еще больше захлебывается мутной водой и не может вдохнуть. Его тянет ко дну, он размахивает руками. Пытается откинуть голову назад, чтобы разглядеть мать, но ее нигде нет. Она ушла.

Мамы нигде нет!

Бесполезные нарукавники безжизненно повисли на плечах. Мальчик плачет и колотит руками воду. Из водной пропасти всплывают и окружают его грязные пакеты, ржавые канистры, алюминиевые банки и пластиковые бутылки. В отчаянной попытке спастись он цепляется за всплывший мусор, но все напрасно. Он задыхается от собственного плача, а горячие слезы стекают по грязному лицу. Животный ужас раздирает его изнутри. Край бассейна так

близко и так далеко! Мальчик снова и снова погружается в воду, и все же ему удастся удерживать голову на поверхности. Но сколько он продержится? Как рыба, которую засасывает в сливную трубу, он бьется в бассейне, точно в гигантской раковине. Скоро, скоро настанет его последний вздох. Но он не готов сдаться и сучит ногами. Бортик бассейна очень близко, но ему не дотянуться.

Не дотянуться!

Силы покидают его. Ноги сводит судорогой, тело не слушается, он почти не чувствует рук. «Толстяк тонет, толстяк идет ко дну», – твердит он про себя, имитируя насмешливый, безжалостный голос матери, который точно поддразнивает его.

Но в эту самую секунду происходит нечто неожиданное. В нем просыпается что-то незнакомое, какая-то сила, таившаяся бог знает сколько времени под складками жира.

Неведомая сила.

Беспомощно повисшие вдоль тела руки сами собой тянутся вперед и начинают энергично бить по воде, ноги и стопы вступают в решительный бой. Он и сам не знает, откуда это в нем. Точно в его безвольное тело вселился какой-то чужак. Голова поднимается над водой, и ему удастся сделать живительный вдох. Еще один гребок, и еще, и еще. И так продолжается до тех пор, пока руки не касаются цементного бортика бассейна. Мальчик цепляется за скользкий край и застывает, не в силах унять дрожь. Побелевшие пальцы впились в плитку, тело сводит судорогой. Так проходит минута за минутой.

А вокруг никого, только равнодушный стрекот цикад.

Держась за край бассейна, мальчик осторожно движется к проржавевшей лесенке. Цепляясь за оставшиеся ступеньки, он выбирается из черного колодца. Ему ужасно холодно, несмотря на жару. Он даже не замечает, что от страха описался. В ушах – только стук сердца, бешено рвущегося из груди.

– Мама... – издает он сдавленный крик. – Мама, мама, – снова и снова повторяет он, давясь икотой, забыв о том, что ему может достаться за нытье.

Он не знает, куда идти и что теперь делать.

Ясно только, что теперь он совсем один, мать бросила его. И что он научился плавать.

1

Самое спокойное место на Земле.

Об этом Чистильщик прочел давным-давно в газете, которую кто-то забыл в автобусе. В заголовке фигурировало озеро Комо.

На самом деле в статье говорилось не о людях, а о недвижности. Пустующие дома, отличные инвестиции. Так, по крайней мере, он понял из статьи. Он

плохо умел читать, смысл прочитанного ускользал от него. Но все же эти слова его поразили, и он решил воспринимать их как знак свыше.

Об этом он думал и тем весенним утром, оглядывая ухоженные газоны и зеленые изгороди богатого района в поисках мусора.

На циферблате кварцевых часов, которым он доверил отсчет времени собственной жизни, было без десяти пять. Еще не рассвело. Озеро виднелось на горизонте, похожее на длинную черно-серебряную графитовую черту. На извилистой дороге, что поднималась по холму, не было ни души. Кроме него, разумеется. Он сидел за рулем сине-зеленого фургончика мусорной компании. Окно было приоткрыто – ровно настолько, чтобы пробивающийся в щель холодный воздух не растрепал аккуратно зачесанные набок рыже-каштановые волосы.

Он поглядывал на дома вдоль дороги, стараясь разгадать, что скрывают их закрытые двери и царящая внутри тишина. Жители еще спали, пригравшись под теплыми одеялами. Юные парочки и пары постарше, успевшие обзавестись детьми, пары в возрасте и совсем пожилые. Все они лежали в своих кроватях. Лежали в кроватях и те, у кого по той или иной причине не было семьи. Вдовцы, разведенные, одиночки, которые за всю жизнь так никого и не встретили. У многих и родственников-то нет – вот почему, когда они умирают, дома остаются пустовать.

– Самое спокойное место на земле, – чуть слышно промурчал он. А еще пустынное место – правда, об этом как раз умалчивают. Впрочем, потому он сюда и перебрался лет десять назад. И его одиночество слилось со множеством других.

Он припарковался у тротуара и заглушил мотор. Осторожно, чтобы не повредить прическу, надел кепку с логотипом жилищного хозяйства. Выйдя из машины, он медленно закрыл дверь и погрузился в спокойную, безопасную обстановку – как будто ему на плечи набросили теплый плед. Он снял очки в никелевой оправе, тщательно протер прозрачные линзы краем оранжевого передника, который надевал поверх зеленой формы, и снова водрузил очки на нос. Оставалось только оглядеться. Недалеко от места его парковки вот-вот зажгутся несколько окон – первые признаки неминуемой утренней суеты. Скоро суета опять поглотит мир.

Но пока было тихо. В этот час он по-прежнему мог считать себя безраздельным властелином мира.

В его распоряжении оставалось еще несколько минут. Скоро начнется смена. В оставшееся время он решил насладиться бездействием. Самые обычные жесты ранним утром приобретали особый, столь любимый им смысл. Например, можно было вытянуть руки вперед и, сцепив пальцы в замок, услышать тихий щелчок пальцев, который через несколько часов непременно потонул бы в городском гуле. Но еще больше ему нравилось вдыхать полной грудью. Чувствовать, как наполняются воздухом легкие, и выдыхать. Особое, ни с чем не сравнимое удовольствие, многими забытое и незаметное. Но он научился ценить возможность дышать давным-давно, когда в пять лет чуть не стигнул в черной, прогнившей пучине старого бассейна.

Утром воздух всегда какой-то особенный. Вот почему он старался получить первую смену. Помимо прочих радостей, можно было наслаждаться одиночеством и тишиной, тогда как днем полагался напарник. Но он не собирался делиться этой привилегией ни с кем. Чистильщик все время молчал. Даже когда он думал, это были скорее не мысли, а немые картинки, пробегающие в голове длинной чередой, перемежающиеся самыми простыми ощущениями.

Однако он быстро понял, что его замкнутость не нравится людям.

Он не хотел раздражать окружающих своим присутствием. Никому не нравится, когда с ним рядом сидит тип, что лишний раз и слова не вымолвит, не курит, не пьет, не интересуется ни спортом, ни женщинами, не жалуется на жену и детей, не делится проблемами. У которого нет ни жены, ни детей. У него и друзей-то нет, как заметил бы кто-нибудь. «Тот, кто в них не нуждается», — ответил бы Чистильщик, если бы смог сформулировать нужную мысль. Когда он думал о себе, он не мог найти подходящих слов.

Больше всего о нем говорила его работа.

Он понимал, что обычные люди не уважают представителей его профессии. Большинство понимает, что кто-то должен собирать и вывозить мусор, который они производят, однако к ним, мусорщикам, или, лучше сказать, Чистильщикам, относятся с сочувствием и презрением. Будто такая работа — это наказание или же каторга. Впрочем, ему нравилось. Его не раздражали неприятные запахи, он не стеснялся ковыряться в том, что другим противно. Кто-то же должен заниматься этим неприятным делом, таков закон жизни, ничего не поделаешь.

В районе города Комо и одноименного озера работать нужно было особенно тщательно. Это своего рода вопрос престижа. Каждую ночь, пока жители спали, мусорщики и дворники начищали город до блеска. Три раза в неделю перед мытьем дорог небольшие зелено-голубые фургончики сновали по улицам в поисках пакетов, которые законопослушные граждане выставляли вдоль тротуара. Разноцветные пакеты, рассортированные по типам перерабатываемого вторсырья, выставлялись на улицу строго по дням недели.

В четверг собирали органические отходы.

Кварцевые часы на руке Чистильщика издали короткий сигнал: пять утра. Пора за работу. Он достал из фургона и надел пару рабочих перчаток. В тот самый миг, когда первые всполохи солнца заиграли на поверхности озера тысячами ярких искорок, он зашагал вперед по дороге, останавливаясь у каждой калитки, под которой лежал пакет. Собрав достаточно пакетов, он возвращался к фургону и аккуратно складывал по одному в мусорный контейнер. Тщательно и бесшумно. После чего приминал пакеты специальной палкой.

Его отправили в этот район не так давно, но завтра предстоял новый перевод: Чистильщики должны меняться каждые шесть недель. Жаль было покидать привычное место, отказываться от повседневных маленьких радостей. Предстояло привыкать к чему-то новому, создавать новые обряды.

Например, он уже шесть недель подряд останавливался у дома номер 23 и смотрел на старый особнячок начала двадцатого века со странными стрельчатыми окнами, остроконечными шипцами и железной оградой. Нечто среднее между церковью и крохотным замком. Кружевные занавески всегда задернуты, но на широком подоконнике виднелась большая подушка, где лежали, свернувшись, пять котов: серебристый, черно-белый, рыжий и два серо-полосатых. На том же подоконнике стоял горшок с гортензией.

И вот теперь, намереваясь попрощаться, он в последний раз оказался у этого дома. Чистильщик поправил очки, сползшие на нос, и поднял пакетик, лежавший у калитки.

Не больше двух килограммов.

Комо — город покоя и одиночества. Его собственное одиночество примешивалось к одиночеству обитателя странного дома.

Чистильщик вернулся к фургону, но, вместо того чтобы бросить пакет к остальным, открыл водительскую дверь и затолкал его под сиденье.

Затем залез в кабину, завел мотор и поехал дальше.

2

Около трех часов тем же солнечным, но прохладным днем обычный служащий, каких сотни, неприметно одетый, вышел из здания муниципального предприятия после окончания смены.

Именно таким, по крайней мере, он себя видел. Снимая форму, он надевал простую одежду, купленную в дешевом гипермаркете. Обычно он старался найти что-то неброское, нейтральных цветов. Светлые джинсы, черные ботинки на шнурках, темно-серый свитер и белую рубашку – в крайнем случае голубую. Простенькую светло-серую куртку со спрятанным в воротнике капюшоном на случай дождя.

Сегодня у него была черная сумка через плечо.

До дома он ехал с тремя пересадками, хотя мог бы поехать на прямом автобусе. Особой причины для усложнения маршрута не было, просто он был предусмотрителен.

Он вышел на остановке и, глядя себе под ноги и засунув руки в карманы, зашагал к площадке, окруженной многоэтажными зданиями. При каждом шаге сумка ритмично ударяла по бедру. Пробрался через толпу ребятишек, гонявших мяч по расчерченному неуверенной детской рукой асфальтовому полю. Прошел мимо женщин, сбившихся в группки. Некоторые женщины курили, некоторые что-то бурно обсуждали между собой или по телефону на непонятном языке, иная укачивала ребенка в коляске, другая активно жестикулировала. Мужчины стояли чуть в стороне – у каждого в руке по пиву, на лице показное спокойствие. На заднем плане слышался гул, из открытых припаркованных машин вырывалась ритмичная музыка. Он был чужаком среди этого шумного, вычурного мира. Незнакомцем, забредшим на чужую территорию. Казалось, все взгляды должны быть устремлены на него. Однако с ним никто не здоровался, никто его даже не замечал. Казалось бы, он должен избегать скопления людей, вот только Чистильщик давно понял, что в любой толпе он остается незамеченным. Даже таракану на танцполе достается больше внимания. Когда-то его это печалило, но со временем он научился смотреть с другой стороны. Скольким людям давалось подобное умение? Именно это выделяло его из толпы простых смертных.

«Я невидимка», – сказал он себе.

Он шагнул в арку, ведущую во двор. На крыше дома виднелся большой резервуар для воды. Чистильщик вызвал единственный работающий лифт и поднялся на седьмой этаж. Его квартира располагалась в самом конце узкого темного коридора. Чтобы попасть внутрь, нужно было открыть три замка, которые он поставил в тот самый день, когда поселился в квартире. Он порылся в кармане дешевой куртки и достал маленький игрушечный танк, к которому были привешены ключи, после чего принялся орудовать ими в замочной скважине.

Переступив порог, он с облегчением оставил внешний мир по ту сторону железной двери.

В квартире было две комнаты и тесная уборная. Первая комната использовалась как гостиная с отведенным для готовки уголком, и там же стоял раскладной диван, ночью превращавшийся в кровать. Вторую комнату отделяла от первой зеленая дверь с тремя секциями и потемневшей латунной ручкой.

Дверь была заперта на ключ.

Привалившись спиной к входной двери, Чистильщик ждал. Снаружи доносился шум улицы и телевизора, домашние ссоры соседей и детский плач. Но уже через несколько секунд у него приятно зазвенело в ушах и все звуки стихли.

Из окна пробивался слабый, словно мутный свет. Хозяина не интересовал вид, а сама мысль о том, что соседи будут смотреть на него через стекло, была невыносима – вот почему окна были затянуты матовой пленкой. Когда глаза привыкли к слабому свету, он обошел территорию – хотел убедиться, что там не побывали непрошенные гости. Правда, лишь призраки могли бы проникнуть в квартиру без ключей и так же из нее выйти, однако предчувствие подсказывало, что лучше в этом удостовериться. В квартире не было ничего ценного. Ни компьютера, ни телевизора. Звонить тоже было некому, так что в мобильнике он не нуждался. Что до денег, компания переводила их на его счет в банке, и он снимал деньги лишь в случае крайней необходимости. И все же мысль о том, что некто чужой мог ворваться в его дом, нарушить гармонию его пространства, беспокоила Чистильщика. Однако все вещи лежали именно там, где он их оставил, когда ушел на работу. Все было на месте.

Стол, что стоял посреди комнаты, тоже остался на месте. На нем лежало несколько предметов, накрытых скатертью в цветочек.

Не развязывая шнурки, Чистильщик надавил носком одного ботинка на пятку другого, разулся и поставил ботинки у порога. Лишь после этого он зашел в единственное используемое помещение квартиры. Снял сумку, повесил на крючок и направился к небольшому шкафу. Открыв левую дверцу, он снял с себя одежду, развесил на плечиках и разложил по полкам, туда же, где были остальные вещи. Оставшись в голубых трусах и белых носках, он несколько минут смотрел на свое отражение в зеркале. Полное, дряблое тело, выступающие бока, светлая кожа, покрытая мелкими родинками, очки с толстыми стеклами, каштановые с рыжиной, идеально уложенные волосы.

«Не хочешь окунуться?»

Он помотал головой и закрыл шкаф, отгоняя от себя воспоминание. Затем взял темный длинный фартук из полиэтилена и надел его через голову. Потом вернулся к сумке. Медленно расстегнул молнию, запустил руку в мягкое чрево и выудил черный пакет, подобранный у дома номер 23. Отнес мешок к столу, держа за уголок, свободной рукой отодвинул скатерть в цветочек, обнажив таившиеся под ней сокровища.

Расставленные в ряд слева направо, на столе красовались семь пустых баночек от кошачьей еды, три коробочки из-под кошачьих лакомств, четыре разбитых пузырька глистогонных капель, почти пустая баночка антивозрастного крема для лица с истекающим сроком годности (внутри – пожелтевшие остатки крема), использованный тюбик антицеллюлитного крема, пустой блистер от таблеток для похудения, компрессионные колготки со стрелкой, двенадцать полосок для депиляции с приклеившимися темными волосками, почти использованный флакон краски для волос цвета платиновый

блонд, розовая зубная щетка с растрепанной щетиной, девятнадцать смятых пачек от ментоловых сигарет «Вог», салатовая зажигалка «Бик», три пустые бутылки из-под дешевой водки, две пластиковые бутылки от тоника для лица объемом 700 мл, просроченный рецепт, где значилось: «„Лоразепам“ в каплях, 20 мг, 3 р. в день», три пустых пузырька «Лоразепама», использованная телефонная карточка, несколько старых женских журналов, пачка чеков, которые он сам скрепил скрепкой. И наконец, коробок спичек с рекламой ночного клуба.

«Блу».

Чистильщик рассматривал коллекцию сокровищ, которые вытащил из мусора, оставленного перед домом номер 23. Он отбирал их кропотливо, исходя из простого правила, выведенного им за долгие годы.

Мусор рассказывает о человеке всю правду. Потому что, в отличие от человека, мусор не умеет лгать. Из того, что люди выбрасывали, о них многое можно было узнать. И по сути, именно мусор был для него посредником в общении с другими людьми. Однако не со всеми. Его интересовали лишь люди, похожие на него самого.

Одиночки.

Под столом стоял голубой тазик. Чистильщик расположил его на столе, в специально отведенном месте. Положил в тазик завязанный мусорный пакет. Открыл ящик стола, вытер запотевшие ладони о фартук, надел латексные перчатки и вооружился ножницами.

Осторожно разрезав пакет сверху, он высыпал содержимое в таз.

В пакете не обнаружилось ничего нового: остатки еды подтверждали уже изученные пищевые привычки жительницы дома 23. Чистильщик осторожно погрузил пальцы в мусор – проверить, не пропустил ли что-нибудь важное. Остатки продуктов вкупе с сокровищами со стола говорили о том, что женщина, проживающая в доме 23, не располагала большими деньгами. О том же свидетельствовали и обнаруженные чеки. Но было в этом мусоре кое-что еще.

Нечто неприметное, невидимое для неопытного глаза.

Чистильщик умел подмечать скрытые знаки, в этом состоял его особый дар. Благодаря небольшой кучке мусора он легко мог составить себе представление о женщине, которая заботилась о кошках куда больше, чем о себе. Алкоголь и курение были для нее не просто дурной привычкой, но способом бороться с одиночеством и тоской.

В том, как одержимо она пользовалась кремами и прочими средствами, читалась отчаянная попытка удержать ускользающую молодость, пока не стало слишком поздно. Оставалось только завидовать другим, любоваться чужой жизнью. Совсем другой жизнью, так откровенно глядевшей на нее с глянцевого страниц желтой прессы.

Помимо этих предположений, было еще одно важное для Чистильщика обстоятельство: мусор явно свидетельствовал о том, что за шесть недель у жительницы дома 23 ни разу не было гостей. Никто ни разу не заходил к ней ни на ужин, ни даже просто на дневной чай или кофе. Порции на одного свидетельствовали о бесконечном одиночестве этой женщины. Кто знает, куда она отправлялась, когда больше не могла довольствоваться обществом кошек? Быть может, она искала человеческого тепла в случайных знакомствах, вроде тех, что заводят в посредственных клубах?

Вроде того самого «Блу».

Чистильщик снял перчатки, взял из ящика тетрадку в линейку и вытащил заложенный меж листов карандаш. День за днем он отмечал в ней каждый предмет, обнаруженный в мусоре дома 23. Кто-то мог бы заметить ему, что не стоит вмешиваться в чужую жизнь. Кое-кто даже одернул бы его за это.

«Ах ты мелкий, проклятый паршивец, опять суешь свой нос куда не надо!»

На что он мог бы ответить, что это не то, чем кажется, ведь именно так сортируют мусор, чтобы подарить ему вторую жизнь. Стекло, железо, сталь — все эти материалы могут быть переработаны. И он помогает дарить отходам новую жизнь, замыкая этот волшебный круг.

Все, что он спасал из мусора, имело особую ценность.

Он тщательно дополнил список, понимая, что цель наконец достигнута. Когда он закрыл тетрадь, накатило удовлетворение от отлично выполненной работы. Скоро он снова сложит в пакет остатки еды и выбросит в помойку. Но теперь можно избавиться и от остального: жизнь женщины из дома 23 лежала перед ним как на ладони. Может быть, он знал теперь о ней больше всех. Никому не было до нее дела. Он же считал себя сосудом, наполненным жизнью другого человеческого существа. И женщина могла ни о чем не беспокоиться: он никому не раскроет ее секретов, использует их исключительно в благих целях.

Он уже собирался спрятать тетрадь, как вдруг его внимание привлекло нечто блестящее, оставшееся на дне таза. Он наклонился и кончиком карандаша подцепил что-то маленькое и красное, не замеченное прежде. Он осторожно ухватил вещь пальцами, протер фартуком и поднес к глазам, чтобы лучше разглядеть.

Кусочек сломанного ногтя, покрытый красным лаком.

Он долго разглядывал его с чувством необъяснимого изумления. Ведь это не какой-то там мусор. Это частичка той самой женщины.

Реликвия.

Он осторожно положил осколок на стол. Ноготь словно испускал странное излучение, какой-то сигнал, понятный лишь ему одному. Внутри зашевелилось нечто похожее на возбуждение. Этот кусочек ногтя стал своего рода первой встречей с избранной.

Чистильщик повернулся к зеленой двери. Он снова почувствовал в себе готовность переступить порог.

Пора рассказать обо всем Микки.

Клуб «Блу» представлял собой приземистое бетонное здание посреди пустыря.

В девять пятнадцать вечера Микки вышел на парковку. К тому моменту на площадке едва насчитывалось восемь машин, припаркованных на щебенке у

самого входа. Там же стоял старый микроавтобус — многие пользовались им как маршрутным такси, чтобы добраться до места. Неоновая надпись, что должна была гласить «Танцевальный клуб „Блу“», местами погасла, некоторые буквы едва угадывались. Окна заведения были замазаны синим, но сквозь отдельные трещинки в краске из зала наружу проникал свет стробоскопических ламп.

Микки заглушил мотор, но не спешил вылезать из машины. За эти годы он научился никуда не торопиться. Оставаться терпеливым было важно, чтобы сохранять самоконтроль. Это входило в придуманные им для себя же правила, и теперь он подчинил себе свои желания полностью. Он умел сохранять терпение и умел наблюдать. Это тоже было важным качеством.

Из заведения раздавались громкие басы. В его голове этот гул превращался в молитвенный хор. И все голоса молились за него.

Они знали, что он на подходе.

Но все нужно было делать взвешенно и неспешно; «взвешенно и неспешно», — повторял он себе, сдерживая желание, что отзывалось давящим ощущением в животе. И лишь убедившись, что никаких сюрпризов не ожидается, он вышел из машины и направился ко входу.

На нем был черный кожаный блейзер и брюки под цвет. Светлая рубашка в цветочек с заостренным воротничком. Тонкий бордовый галстук. Ремень с серебряной пряжкой и высокие ботинки.

Волосы цвета пепельный блонд.

Скучающая кассирша в окошке с помощью штампа оставила невидимый отпечаток на внутренней стороне его правого запястья.

— Первый напиток бесплатно, — сообщила она.

Микки отдернул красную занавеску и очутился в большом зале, залитом рассеянным светом. Тогда он увидел, что на руке в месте отпечатка проступил купон на бесплатный напиток. «Интересный эффект», — подумал он, глядя на надпись при свете ультрафиолетовых ламп.

Заведение устраивало «тематические танцевальные вечеринки по четвергам». Сегодняшний вечер был посвящен фолку, но большинство присутствующих были больше вдохновлены скидкой по будням и бесплатным напитком.

Сквозь тонированные линзы очков Микки посмотрел по сторонам.

На небольшой сцене группа из пятерых человек играла какой-то медляк, в темп которого под диско-шаром танцевали в обнимку несколько парочек. Всего в заведении — в баре, на танцполе и на диванчиках — он насчитал около сорока посетителей. Он внимательно вгляделся в каждого. Как он и предполагал, завсегдатаями «Блу» были те, кому за шестьдесят.

Уже через несколько секунд он углядел блондинку, которая одна-одинешенька сидела в зоне для курящих: дымящаяся сигарета «Вог» с ментолом дымилась меж ее пальцев, а в пластиковом стаканчике рядом с ней наверняка была водка с тоником.

Все точно так, как говорил ему Чистильщик.

Микки подошел к стойке, протянул бармену руку с синей печатью и попросил налить ему колы. Заполучив пластиковый стаканчик, он принялся прохаживаться по залу с напитком в руке, покачивая головой в такт музыке.

и изображая, будто она ему нравится. На самом деле он тайком, не глядя прямо на нее, наблюдал за блондинкой, которая курила.

Он надеялся, что она сама его заметит.

«Должна заметить», — думал он. Она же здесь не просто так. Все остальные уже нашли пару, остальные одинокие самцы никак не могли с ним соперничать. Потому что Микки располагал качеством, которым остальные были обделены.

Он был молод.

Микки разбавлял средний возраст посетителей заведения. Он так выделялся на фоне остальных, что этого было достаточно, чтобы обратить на себя внимание женщины в летах.

Как он и думал, белокурая курильщица вскоре заметила его.

Краем глаза он увидел, что она подвинулась, чтобы лучше разглядеть загадочного незнакомца, в одиночку слонявшегося по клубу. Должно быть, в эту минуту она спрашивала себя, каким ветром его занесло в подобное заведение.

«Сегодня она еще никого не нашла», — подумал Микки. Что ж, тем лучше для него. То, что блондинка им заинтересовалась, стало еще очевиднее, когда она вежливо отшила какого-то типа, подкатившего с предложением потанцевать.

«Она ждет меня», — самодовольно подумал Микки и приступил к сближению.

Сначала он сделал несколько шагов к дивану, затем, оказавшись на подходящем расстоянии, вытащил из кармана пачку «Мальборо» и зажигалку. Теперь у него был повод переместиться в зону для курящих и оказаться за диваном.

Женщина смотрела на танцующих, но чувствовала на себе взгляд Микки. Она сидела так, чтобы выглядеть как можно привлекательнее, выставляя напоказ свои женские прелести. Со своего места Микки мог как следует разглядеть ее профиль. На вид ей было лет шестьдесят пять, плюс-минус. Толстый слой макияжа скрывал морщины на лице и складки на шее, а сероватый цвет кожи выдавал заядлую курильщицу. На ней было черное кружевное платье с глубоким вырезом, броская бижутерия, босоножки на высоком каблуке, не скрывавшие выступающую косточку рядом с большим пальцем. Едкий запах духов смешивался с запахом ментоловых сигарет.

Изображая безразличие, женщина протянула руку к столу и взялась за стаканчик. Выпив остатки водки с тоником через соломинку, испачканную красной помадой, она начала постукивать кончиками пальцев по пустому пластиковому стакану. Тогда-то он и заметил ее ногти, покрытые красным лаком. Один из них, на среднем пальце, был сломан. Незнакомка, что сидела перед ним, проживала в доме номер 23. Хотя он и так это знал: с самого начала он в этом даже не сомневался.

Хорошо, что Чистильщик заметил эту важную деталь.

Она потянулась вперед, чтобы затушить окуроч в пепельнице, и тут же открыла серебристую сумочку со стразами в поисках новой. Микки воспользовался случаем и протянул ей зажигалку из-за спины. Женщина обернулась, изображая удивление. Но затем расплылась в улыбке:

— Магда, будем знакомы.

— Микки, — в тон ей ответил он и присел рядом.

— Ты здесь впервые, Микки? — спросила она, намеренно выделяя его имя.

— Слышать слышал, но зашел первый раз. Тут не так уж и плохо, — добавил он, оглядывая заведение.

— Жаль, что сегодня как-то тоскливо, — заметила женщина, указывая в сторону почти пустого танцпола.

— Так ты здесь часто бываешь?

— Как получится, — кивнула она. — По выходным народу побольше, в будни ходит маршрутка, возит таких вот, типа меня, кто без машины. Музыка здесь неплохая, мне нравится.

Из динамиков раздавалась перепевка фолковой мелодии, которую ему уже приходилось слышать. Наверняка известная, вот только названия он не помнил. Он надеялся, что Магда не потянет его танцевать. «Только не это», — вертелось у него в голове.

— Что пьешь? — спросила она.

Он поднял стакан к глазам, точно хотел удостовериться, что там внутри.

— «Куба либре», — солгал он. Алкоголь притуплял чувства, а ему следовало сохранять ясность ума.

— Чем занимаешься? Кем работаешь? — Магда подкидывала темы для разговора, чтобы ускорить процесс знакомства.

— Торговым представителем, — ответил он. — Продаю женскую обувь.

Однажды он где-то услышал, что женщины любят покупать обувь настолько, что готовы говорить о ней вечно. Присутствующие посмеялись, но, видимо, это была правда: сейчас его ответ, кажется, вызвал у собеседницы интерес.

— Разъезжаю туда-сюда, — добавил он. — Работа нелегкая, но мне нравится. Есть возможность посмотреть новые места, познакомиться с новыми людьми.

— Кто знает, со сколькими красивыми и юными дамами ты уже познакомился, — прошелестела Магда, намекая на разницу в возрасте.

— Что есть, то есть, — небрежно ответил он, глядя на кольцо с бирюзой, которое носил на мизинце правой руки. — Но я не сужу человека по тому, что написано в паспорте. Да и не всякая женщина произведет на меня впечатление.

Собеседница с равнодушным видом пропустила комплимент мимо ушей.

— И что же нужно сделать женщине, чтобы произвести на тебя впечатление? — уточнила она.

— Она должна быть блондинкой, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. И это действительно было так.

Магда улыбнулась, и он воспользовался возникшей паузой, чтобы взять ее за руку.

— Позволишь? — спросил он, вглядываясь в ее ладонь.

— Ты что, читаешь по руке? — рассмеялась она.

— Бывает.

— Ну что ж, пожалуйста... — согласилась она, заинтригованная.

Микки снял темные очки, нахмурил лоб и сосредоточился, делая вид, будто пытается проникнуть в тайны бытия, сокрытые в линиях бледной кожи.

— И что же ты там увидел? — с любопытством поинтересовалась она.

Меж тем он нежно скользил подушечкой пальца по линиям ее руки, пробуждая у нее ощущение легкого возбуждения и щекотку.

— Я вижу, что ты долго и безнадежно ждала; а еще большую любовь. Несчастную любовь.

Рука женщины немного напряглась.

— Судьба была к тебе несправедлива, ты не смогла воплотить в жизнь свои мечты о любви. На твоём пути было много завистников и негодяев.

Женщина молчала, и это молчание говорило само за себя.

— Когда ты уже отчаялась встретить того единственного, ты бросилась в объятия случайных мужчин, но и это не смогло растопить твоё одиночество. Короткие интрижки не спасали. Тебя ранили раз за разом. Ты перестала доверять мужчинам, и правильно сделала.

— А о будущем там ничего нет? — робко спросила она.

Микки улыбнулся:

— Ты отправишься в длинное путешествие — ты ведь всегда мечтала посмотреть мир. Затем произойдет нечто неожиданное. Я вижу встречу, которая изменит твою жизнь. Человека, который...

— И кто же он?

Микки оторвал взгляд от руки и посмотрел ей прямо в глаза, намекая, что ответ она должна найти внутри себя.

— Да у тебя талант, — нежно проворковала она. — Пожалуй, я готова еще выпить. — И с этими словами ее рука выскользнула из его ладони. Она вдруг развернула ее внутренней стороной запястья — той, где был светящийся отпечаток, — как бы намекая, что угощает он. Ей явно нравилось мужское внимание.

— Конечно, — кивнул Микки, поправляя очки. — Пойду закажу.

— Мне водку с тоником, — уточнила она, указывая взглядом на пустой стакан.

«Знаю, знаю», — подумал Микки про себя.

По пути от дивана до стойки он думал о том, как удачно все складывается. Так естественно. Поэтому он уже предвкушал кульминацию вечера. Когда с церемониями будет покончено, можно будет наконец перейти к сути. Я ведь знаю, что тебе нужно, хоть ты и стараешься изображать невинность. Если бы ты этого не хотела, тебя бы здесь сейчас не было. Ему нужно было лишь

сохранять осторожность, чтобы не показаться слишком нетерпеливым. Надо было особенно тщательно подбирать каждое слово. Сколько раз он бывал так близок к цели, как вдруг терял с трудом завоеванное расположение из-за случайно оброненного слова. Вскоре он вернулся к дивану с коктейлем в руке.

— Не хочешь потанцевать? — спросила Магда, беря стакан у него из рук.

Он промолчал. Заметив его колебания, она огорчилась.

— Уже поздно, — попробовал исправиться Микки, поглядывая на позолоченные часы. — Я заехал ненадолго, завтра рано вставать на работу.

— Не страшно, — обиженно ответила она, чувствуя себя отвергнутой. И снова принялась рассматривать танцующие пары.

Выражение его лица выдавало человека, который только что все испортил и раскаивается.

— Моя бывшая ушла и бросила на меня своего кота... Похоже, ему не нравится ночевать одному.

Такая внезапная откровенность смягчила блондинку, и она снова повернулась к нему:

— Так у тебя есть кот?

— Не то чтобы он мой, но теперь он живет у меня.

— У меня тоже кошки, я понимаю, что это такое.

— И не говори, — поддакнул он с загадочным видом.

— Ну что же, пожалуй, я тоже поеду. Не хочешь меня подвезти?

— Само собой.

Он помог ей надеть легкий плащик, и оба направились мимо танцпола к выходу. На улице они свернули к парковке. Оба молчали, но Микки всем телом ощущал напряжение, повисшее в воздухе. На улице было свежо, при выдохе изо рта вырывалось белое облачко пара. Микки пропустил спутницу вперед, озираясь, чтобы удостовериться, что они одни. На площадке раздавался лишь цокот ее каблучков. Его «фиат-фьорино» стоял дальше всего от входа, поближе к дороге. Микки ускорил шаг, как бы указывая спутнице дорогу.

Она же медлила, и по звуку шагов он почувствовал ее нерешительность.

«Она увидела старый фургон, — подумал он. — Она почуяла неладное и дала задний ход». Но Микки предвидел такой поворот событий. Он обернулся к женщине и улыбнулся.

— Любишь носить туфли? — спросил он и продолжил шутливо: — Ну конечно, дурачок, какая женщина не любит туфли. У меня тут их целая машина. Хочешь померить? Посмотрим, что тебе подойдет. Какой у тебя размер? На первый взгляд тридцать восьмой.

— Так и есть, — заметила она слегка дрожащим голосом, недоверчиво поглядывая на фургон. Оставалось пройти всего несколько метров, но Магда застыла на месте.

Микки сделал вид, что ничего не заметил.

— Самый ходовой размер, ты в курсе? Но сегодня тебе повезло — я как раз затарился образцами. — И он вытащил из кармана брелок в виде игрушечного танка, на котором болтались ключи. — Подарок от племянника, — заметил он. — Мальчишка подарил мне его на день рождения, я с ним не расстаюсь.

Услышав «племянник», Магда немного расслабилась.

— Как мило, — заметила она. — Я уже кое-что о тебе знаю: у тебя есть кот и племянник.

Кажется, подобное открытие ее позабавило. Еще поразмыслив, она в конце концов решила, что этой информации вполне достаточно, чтобы довериться незнакомцу.

И снова зашагала к фургону.

Как настоящий джентльмен, Микки открыл дверцу кабины и подождал, пока она устроится на сиденье, а сам обошел вокруг и занял место водителя. Он завел мотор и, заметив, что Магда продрогла, сразу включил печку.

— Спасибо, — сказала она, застегивая воротничок плаща.

В машине пахло сосновым освежителем, который был закреплен на решетке одного из воздухозаборников. Включилась магнитола, и тут же запело ретрорадио. Из колонок зазвучала известная песня о любви.

Микки развернулся у входа в «Блу» и выехал за ворота. Машина понеслась по пустой дороге, вдоль которой расстилались окутанные туманом поля.

— Твоим пятерым котикам тоже грустно, когда тебя нет дома? — спросил он, возобновляя прерванный разговор.

— О да. Иногда мне кажется, что они в доме хозяева, а я — гостья, — засмеялась Магда.

И тут же глубоко задумалась.

Микки только этого и ждал: он не просто так задал вопрос. Ему хотелось, чтобы она сама все осознала, так будет правильно.

— Слушай... — сказала избранница дрожащим голосом. — Я тебе говорила, что у меня есть кошки, но не говорила, что их пять.

Микки помедлил с ответом.

— Так и есть, — спокойно произнес он, не отрывая глаз от дороги. — Ты не говорила.

Щетки автомойки производили на него гипнотический эффект.

Держа руки в карманах, Микки смотрел, как они ерзают по «фиату». Внутри разливался благословенный покой. На мойке никого не было, к запаху ночного воздуха примешивался запах бензина. Это бодрило. Микки тщательно отмыл сиденья, прошелся по салону озонатором. Когда цикл мойки закончился, он снова влез в машину, чтобы отогнать ее на многоуровневую парковку, где собирался накрыть фургон серым чехлом.

Домой он вернулся около часа.

У двери спокойно разделся, собрал одежду с пола и как попало закинул в черный мусорный мешок, который понес в ванную.

Включив свет, он посмотрелся в зеркало.

Снял темные очки, аккуратно сложил и оставил на раковине, а с ними и кольцо с бирзовым камнем, и позолоченные часы.

Глядя на свое отражение, он отклеил брови и вытащил голубые линзы.

Заведя руки за уши, медленно стянул блондинистый парик, обнажив лысый череп больного алопецией. Провел по голове ладонью, стряхивая остатки засохшего клея, и погладил два ровных шрама, симметрично рассекающих голову. Двадцать семь швов с одной стороны, двадцать три с другой.

«Два разряда молнии...»

Микки водрузил парик на голову манекена рядом с другим, каштановым, который обычно носил Чистильщик. Потом расчесал шевелюру, уложил феном и sprysнул лаком.

После этого он залез под душ и принялся натирать голое, без единого волоска, тело мочалкой, намыленной мылом с хлоркой. Кожу немного жгло, зато действовало отлично. Вычистив грязь под короткими ногтями металлической щеткой, он тщательно смыл с правой руки синюю печать.

Потом взялся за одежду.

Положил рубашку, штаны, носки и трусы в ванную, налив туда пятновыводителя, который разрушал белковые связи между органическими загрязнениями и волокнами ткани. Затем добавил ложку специального порошка, что обычно покупают домохозяйки, дабы придать нежность жаркому из говядины, или мясники, чтобы отстирать рабочую одежду от следов разделки туш. Такой есть в любом супермаркете. Пока остальная одежда сохла, он надел маску и тщательно отчистил тканевую подкладку кожаного блейзера и галстук с помощью баллончика для сухой чистки — в нем были дистиллированная вода и тетрахлорэтилен. Кожаный верх он промокнул льняной тряпкой, пропитанной раствором очищенного бензина. Продезинфицировал часы, кольцо, кошелек и ремешок специальной салфеткой, смоченной в аламиноле. То же самое проделал с ключами и брелком. Затем натер подошвы ботинок специальной пастой с добавлением хрома, а затем снял слой пасты вместе с остатками земли и волокон. Протер ботинки раствором карбоновой кислоты с семидесятипроцентным спиртом и снова протер маслом и кремом для обуви. Наконец, все еще не одеваясь, он отгладил и тщательно сложил каждую вещь.

Закончив ритуал, Микки отправился в свою комнату. Через некоторое время оттуда показался Чистильщик. Он закрыл зеленую дверь на ключ.

Опираясь на потемневшую латунную ручку, он думал о том, как ему жаль каждый раз расставаться с Микки. Сначала они не ладили, но затем их отношения стали почти идеальными. Микки всегда был рядом. Пусть они и

разные, но идеально дополняют друг друга. Он скромн, а Микки дышит уверенностью в себе, умеет общаться с людьми; он же совсем не умеет. В лексиконе Микки нередко проскакивали словечки, которые Чистильщик слышал от ухажеров, вертевшихся вокруг Веры. Так, например, когда-то сербский дальнбойщик уверял ее, что умеет гадать по руке, и она залипла на него по полной. Микки дарил ему то, чего у него никогда не было: настоящую жизнь. Взамен Чистильщик старался за ним присматривать. Покупал ему новую одежду, экономил на всем, чтобы Микки мог сходить куда-нибудь оторваться. Они жили в полной гармонии друг с другом. И отлично друг друга понимали.

Но что самое главное, Микки, в отличие от остальных, никогда бы не бросил его.

«Где бы ты ни был, нарисуй зеленую дверь, и я буду рядом».

Короткий электронный сигнал привел его в чувство: стрелка часов показывала две минуты четвертого. За окном было еще темно.

Начинался замечательный день.

День после всегда был невероятный, особенный, лучший. Он понимал, что сделал все, как надо, и внутри еще сохранялось приятное чувство отлично выполненной работы. Вскоре воспоминания о пережитом стирались, растворяясь в привычном безразличии к жизни, но в такие дни все было иначе. Сейчас ему предстояло насладиться драгоценными часами.

Он насыпал в гейзерную кофеварку кофе и поставил на плиту так, как делал всегда. Скоро нужно будет идти на работу. Важно не изменять своим привычкам. Он устал, но спать не хотелось, в крови еще оставался запас адреналина. Он понимал, что скоро усталость даст о себе знать, но вполне мог дотянуть до возвращения домой – завтра суббота, и уж тогда можно отоспаться.

В конце такого чудесного дня он всегда спал как младенец.

После чашечки кофе он стргб разноцветные мешки для мусора и сложил в них то, что собрал за последние недели у дома блондинки. По дороге на работу в городскую жилищную службу он выбросил каждый куда полагается. Пока он раскладывал сокровища по мешкам, на него накатило странное чувство опустошения. К пониманию того, что столь кропотливая и долгая работа ныне завершена, примешивались сожаление и горечь оттого, что пришла пора проститься с тем, что наполняло его жизнь в последние недели.

По крайней мере, пока Микки не доверит ему новое задание.

С этим горьким чувством он протер пустой стол тряпочкой с «белизной», стирая следы пребывания избранницы в его квартире.

Когда все было закончено, он натянул обычную одежду, которую скоро предстояло сменить на зеленую форму уборщика. Затем нацепил на голову каштановый парик и надел очки в никелевой оправе. Выходя из дома, он помедлил на пороге, сжимая в руке связку ключей с игрушечным танком.

«Я невидимка», – сказал он себе. Начинался идеальный день.

Островок Комачина, поросший буйной растительностью, поднимался из вод озера, точно древнее ископаемое. Полоску пляжа омывали ленивые волны. Добраться до нее можно было по тропе, вьющейся по крутому лесистому склону. В выходные, уже с ранней весны, сюда приезжали семьи с детьми: на пикник или просто на прогулку. Но по будням здесь всегда было безлюдно.

В то утро Чистильщик должен был пройти по тропе, чтобы заменить мусорные пакеты в урнах вдоль маршрута, а на следующей неделе приехать еще раз и их забрать. Он припарковался на площадке над озером и пошел вниз по лесной тропе. Вокруг разливались птичьи трели, слышался плеск воды, легкий ветер сбегал с гор и ворошил листья лаврового куста, разнося вокруг его пряный запах.

Как всегда, Чистильщик старательно отдавался работе. Натянув на урны новые пакеты, он немного замешкался у подъема, оглядывая панораму. Горные вершины Альп обрамляли зеркало озера. Было не слишком жарко, но Чистильщик уже вспотел и вытащил платок, чтобы протереть шею и лоб. Маленький красный обломок ногтя выпал из платка к его ногам. Он наклонился, чтобы получше его разглядеть.

Тот самый, который он нашел в отходах избранницы. Его реликвия. Он поднял обломок ногтя, сдул с него песок и замер в замешательстве. Как он оказался в кармане рабочего костюма? Впервые в жизни его железная дисциплина и самоконтроль дали сбой. Как он мог упустить такую важную деталь? Подобная ошибка была непростительна и заслуживала наказания. Он понимал, что не успокоится, пока не найдет объяснения. Но пока Чистильщик мучительно напрягался, чтобы найти ответ, он вдруг понял, что у него нет ни малейшего желания подниматься к парковке и садиться за руль. Ему и здесь хорошо.

Он хотел было выбросить ноготь, но в последнюю минуту остановился и снова завернул его в платок. Он подумал, что было бы логичнее избавиться от него в другом месте, не связанном с работой, но это было правдой лишь отчасти. Что-то все еще мешало ему расстаться с уликой. Он и сам не мог ответить, что именно. Он невольно вздрогнул. В этом малюсеньком, на первый взгляд ничтожном предмете крылась опасность. Мысль об этом его возбуждала. Не поддающиеся контролю эмоции тоже таили в себе угрозу, поэтому, чтобы прийти в себя, он положил мозолистую руку на ствол кипариса и закрыл глаза. Он представил, как дерево дышит, и его охватил неведомый ранее покой.

И тут он услышал крики.

Чистильщик открыл глаза и встревоженно огляделся. Снова стало тихо, и он подумал, что ему просто почудилось, но через несколько секунд снова услышал крик. Сердце бешено забилося. Он не понимал, что происходит, пока наконец не посмотрел на озеро.

Сквозь ветви деревьев он разглядел на поверхности воды чье-то тело.

Утопающий находился метрах в десяти от берега. С такого расстояния добраться до пляжа ничего не стоило; вода была спокойной, поэтому держаться на плаву тоже было несложно. Тогда Чистильщик понял, что тело неведомого незнакомца подхватило водоворотом, о которых нередко рассказывали местные. Водоворот тянет ко дну, и вырваться невозможно. Чистильщик поймал себя на мысли, что не хочет присутствовать при этой сцене. Такая бессмысленная смерть его ужасала. И потому казалась особенно жуткой. И в то же время он не мог отвести взгляда от утопающего.

Не мог игнорировать происходящее.

Он раздвинул ветви, чтобы получше разглядеть этого человека. Тело погружалось в воду и вновь всплывало на поверхность в отчаянных попытках схватить воздух ртом. На секунду Чистильщику удалось разглядеть лицо несчастного. Это был мальчик. Но не просто мальчик.

Полный, нескладный мальчик в сдутых оранжевых нарукавниках.

Не раздумывая ни секунды, Чистильщик бросился вниз, скидывая на ходу тяжелые рабочие ботинки. Очки тоже остались на галечном пляже. Он вошел в темную и холодную воду, с трудом продвигаясь вперед сквозь плотную жидкость, которая, казалось, не хотела его пропускать. Как будто озеро требовало крови, человеческой жертвы за то, что ему удалось выбраться из гнилой воды, из заполненного мусором бассейна много лет назад. Кто-то хотел вернуть себе старый долг.

Но Чистильщик этого не допустит.

Зайдя в воду по пояс, он бросился вперед вплавь, пустив в ход все навыки, полученные во время единственного урока, преподанного ему матерью вопреки ее желанию.

Нужно плыть.

Он делал большие гребки руками и энергично толкался ногами, стараясь держать темп, чтобы не растратить силы.

«Смотри, Вера, как у меня здорово получается!»

И греб, греб вперед, туда, где барахтался ребенок.

Через несколько метров он почувствовал холод, точно кто-то потянул его вниз. Подземный ключ казался щупальцем гигантского спрута. Чистильщик замедлил ход, но не сдался и быстро высвободил ногу. Меж тем малыш уже едва держался: он больше не мог кричать и беспорядочно бил руками по воде, как марионетка с отрезанными ниточками. Чистильщик хотел было крикнуть ему, что он уже рядом, что нужно потерпеть.

Но малыш вдруг замер и камнем пошел ко дну.

Тогда Чистильщик глубоко вдохнул и тоже нырнул, мысленно моля о том, чтобы ему хватило дыхания. Он вытянул руку вперед, продираясь сквозь зеленые водоросли, не понимая, куда плыть. И вдруг что-то нащупал и инстинктивно схватил, потянул к себе.

Это была рука — точнее, предплечье.

Он держал мальчика не очень крепко, но времени на вторую попытку не было; он поднял голову, и в ту секунду, когда свет погас и тьма готова была сомкнуться над его головой, изо всех сил толкнулся вверх.

Он оказался на поверхности с безжизненной ношей. Жив мальчик или нет, Чистильщик не знал, — оставалось только тащить тело к пляжу.

Время тянулось бесконечно, пока наконец он не почувствовал под ногами каменистое дно. Он шел, таща за собой безвольное тело, даже не оборачиваясь, чтобы посмотреть на мальчика или проверить, что с ним. Он понял, что рука как-то неестественно выгнулась, — возможно, он вывихнул утопающему плечо. Но он не мог остановиться и оглянуться. Пока что не мог.

Добравшись до пляжа, он упал на четвереньки, пытаясь отдышаться. И только потом обернулся.

Не мальчик, а девочка.

Она лежала лицом вниз, но длинные темные волосы и хрупкое тело не вызывали сомнений в том, что это девочка. Чистильщик не задавался вопросом, почему она оказалась в воде одетой: в черных джинсах, кроссовках и с ярким рюкзаком за плечами. Ясное дело, что она не купаться пришла.

Девочка вяло пошевелилась. Она была жива. Она пыталась вдохнуть.

Непонятно, как он принял ее за пятилетнего ребенка. Однако думать об этом было некогда; Чистильщик перевернул девочку на спину, чтоб она не задохнулась. И, заглянув ей в лицо, отпрянул. Черты ее лица были тонкие и нежные. Растекшийся карандаш вокруг глаз, сережки в ушах, фиолетовая прядь, прилипшая ко лбу.

На вид ей было лет двенадцать, самое большее тринадцать.

Глаза девочки закатились, изо рта и носа шла белая пена. Чистильщик неподвижно глядел на нее, не решаясь пошевелиться.

Девочка не дышала. Жить ей оставалось недолго.

«К чему тогда столько усилий, если она умрет здесь, на пляже», — думал он. Что-то внутри отказывалось это принять. Он набрался смелости и сел на нее сверху, затем положил обе руки на грудь девочки и надавил. Сильнее, еще и еще.

Он не знал, нужно ли это делать. Он чувствовал под руками хрупкие, похожие на птичьи, косточки. Грудная клетка поднималась и с глухим хрипом опять опускалась. Он снова и снова нажимал ей на грудь, пока наконец изо рта девочки не выплеснулся фонтанчик, а вслед за ним не раздался короткий гортанный звук. Чистильщик замер в нерешительности, но понял, что его тактика сработала, и снова принялся за дело.

Вскоре девочка закашлялась и начала плевать желтоватой жидкостью. Когда дыхание восстановилось, ее резко затрясло, как сломанную куклу. Чистильщик понял, что это судороги. Он вспомнил страшный день из своего детства, когда его в таком же состоянии забрала «скорая помощь». Поэтому он достал из кармана носовой платок и положил его девочке в рот, чтоб она не прикусила язык. Когда Чистильщик понял, что ей стало легче, он попытался встать, но едва не упал. Он не мог, никак не мог уйти. Он застыл на месте, каштаново-рыжий парик сбился вперед. И вдруг она успокоилась и в тот же миг открыла глаза. Огромные, глубокие и грустные карие глаза.

И он понял, что она его увидела.

«Но я же невидимка, — подумал он. — Ты не можешь меня увидеть». Она лежала неподвижно, и он поймал себя на том, что дрожит. Все остальное произошло быстро. Издали послышались голоса, по пляжу к ним направлялись какие-то люди.

Кто-то увидел происходящее, и теперь они шли сюда.

И прежде чем разглядеть, кто они, он принял решение. Нельзя оставаться на пляже. И хотя он не сделал ничего плохого, он не знал, как объяснить

подобную сцену. Да и кто бы ему поверил. Опыт говорил о том, что чужакам доверять нельзя. Тогда он бросил последний взгляд на девочку с фиолетовой челкой, спрашивая себя, что таят ее бездонные глаза, неотрывно глядевшие на него.

Он хотел было забрать платок, но она не ослабляла хватку.

Счет шел на секунды. Он быстро подобрал очки и сброшенные впопыхах ботинки и босиком взбежал вверх по тропе, стараясь затеряться среди деревьев. Оказавшись на площадке, где был припаркован фургон, он услышал голоса сбежавшихся людей. Он понадеялся, что они будут слишком заняты девочкой и никто не станет его преследовать. Но обернуться побоялся.

Добравшись до машины, он вскочил в кабину, тут же завел мотор и рванул вперед. Только тогда он мельком посмотрел в зеркало заднего вида, но увидел позади лишь пустую дорогу.

19 сентября

Запах развеял сон. Мальчик уже знал этот запах, вот только не помнил откуда.

Мальчик попробовал открыть глаза, но веки оказались невероятно тяжелыми. Поэтому он все никак не мог понять, спит он или все-таки уже нет. Ему казалось, что он снова проваливается в сон, в животе что-то урчало, а потом голова выныривала на поверхность, опять и опять — вверх-вниз, как будто на американских горках, но вокруг темнота. Ни капли не весело.

Голова болела. Как будто ее сжали железным обручем от уха до уха.

А запах становился все ближе, пронизывал все вокруг. Запах дезинфицирующего средства, запах больницы. Да. «Я опять в больнице, — подумал он. — Точно».

— Как ты не понимаешь, так больше не может продолжаться, — кричал кто-то.
— На этот раз повезло, а что потом? Мы едва успели.

Это голос Мартины из службы опеки. С кем она говорит?

— Но я... я... — всхлипывал кто-то.

— Что «я»? Это твоя ответственность, Вера. Ты мать, ты должна о нем заботиться.

Они в его палате. Голоса становятся тише, наверное, чтобы не разбудить его, а может, они думают, что он ничего не слышит. Он может представить их обеих и с закрытыми глазами. Вера в короткой юбке, на высоких каблуках, она ужасно хочет закурить и потому обкусывает кутикулу. У нее длинные накрашенные ногти. Волосы Мартины собраны в хвост, она смотрит на Веру снизу вверх, на ней кеды, и поэтому она ниже, и хотя она сильно моложе Веры, говорит с ней так, словно его мать — нашкодившая девчонка.

— Я не знала, что все так плохо, — оправдывается, всхлипывая, Вера.

— А что ты думала, у него две дырки в черепе!

«Два разряда молнии...»

Мальчик запомнил этот голос, этот смех, долетевший до подвала, и запах крови. Его крови.

— Он никогда его не обижал, говорил, что он ему как сын. Даже в зоопарк водил.

— Вера, ну как ты можешь быть такой наивной? Или ты просто тупая?

Он никогда еще не слышал, чтобы Мартина ругалась. Обычно она такая милая и всегда улыбается.

— Откуда мне было знать? Я пришла домой, он спал у себя в комнате. Он перебинтовал мальчишке голову, а мне сказал, что тот упал с лестницы.

— Он не спал, Вера. Он был в коме.

Вера расплакалась.

«Видишь, что ты натворил? Ты сам во всем виноват».

«Но я не падал с лестницы», — хотел возразить он.

— Нет, я не верю.

Настроение Веры всегда менялось внезапно. Теперь она строила из себя обиженную.

— Во что ты не веришь?

— Микки не мог! Уж я его знаю, он на такое не способен.

— Почему ты его защищаешь? Да он чуть не убил твоего сына!

— Он нас любит!

— Мне дела нет до того, с кем ты спишь, — резко сказала Мартина. — Но если твой сожитель от скуки решил проверить, насколько крепкий череп у твоего шестилетнего сына, ты как минимум должна на него заявить.

«Иди сюда, дружок, мы с тобой немного поиграем...»

Люк в полу открывается. Он зеленый, а ход ведет в подвал. Спуск в подвал находится на кухне. Они держатся за руки, ступенька, еще ступенька... Мальчик покорно спускается вниз: если тебя любят, бояться нечего, никто не сделает тебе больно.

— Ну да, Микки, когда выпьет, немного теряет голову. Но он не злой. И потом, когда он приходит в себя, ему так жаль! Мы как-то поссорились, и он мне нос сломал, так сам потом больше меня плакал. Всю ночь пришлось успокаивать.

— Не знаю, что мне с тобой делать, Вера. Ну правда, — по голосу слышно, что Мартина устала. — Микки разыскивает полиция. Если он даст о себе знать, ты должна на него заявить. Ясно?

— Ладно, ладно, — бурчит Вера.

— И займись уже своим сыном. Купи ему нормальные вещи, из этих он вырос. Проверь, чтобы он ел как следует, он выглядит младше своего возраста.

— Может, ты подыщешь ему другую семью, — предлагает мать примирительным тоном. — Так было бы лучше для всех. Для него в первую очередь.

— Ты сама знаешь, чем это кончилось в прошлый раз.

— Ну можно же еще раз попробовать, — просит Вера, как ребенок, когда уговаривает родителя купить очередную игрушку.

Но Мартина твердо стоит на своем:

— Никто не возьмет твоего сына, Вера. Как только узнают о его прошлом, откажутся. А теперь, после такой травмы, станет только хуже, ты сама понимаешь.

«Как только узнают о моем прошлом, — думает мальчик, погружаясь в забытие. — Каком еще прошлом?»

6

Он вошел в квартиру и быстро закрыл за собой дверь.

Внутри было тихо, слышалось лишь его учащенное дыхание. Он сразу рванул домой, не позаботившись о том, чтобы вернуть рабочий фургон на стоянку и даже не переодевшись. Форма все еще была мокрой, на полу образовались небольшие лужицы. Сбившийся парик выглядел как намокшая тряпка, на лицо стекала вода.

«Что я наделал? — подумал он, злобно сорвав парик с головы. — Что же я наделал?»

В его памяти постоянно возникал образ распластанного на мокрых камнях тела; он видел широко раскрытые глаза девочки с фиолетовой челкой, смотревшие прямо на него. Он не мог избавиться от ощущения, будто она видит его прямо сейчас. Она знала, кто он, знала, где он живет, хотя он никогда никого не приводил к себе домой. Но что самое ужасное, она видела его истинную суть.

«Я невидимка», — твердил он. И все же он еще никогда не чувствовал себя таким уязвимым.

Обычно это Микки решал, когда придет время снять маску. И когда они всё понимали, времени на осознание уже не оставалось: этот миг был очень краток, мысль вспыхивала во взгляде за секунду до того, как потухал огонек жизни.

Теперь же все было кончено. Появился свидетель.

Если бы она утонула, ничего этого бы не случилось. Он решил вмешаться в ход событий и теперь чувствовал, как внутри расползается какое-то позабытое чувство.

Страх.

Он давно избавился от страха, поклявшись самому себе, что у него все будет под контролем, включая и этот непристойный, низменный инстинкт. Но теперь его сердце билось в бешеном ритме, как бьются сердца самых обычных тру?сов.

— Нет, — раздался чей-то голос и снова решительно повторил: — Нет, этому не бывать.

Чистильщик направился к закрытой комнате. Там, за дверью, слышался голос Микки. И как по приказу, сердце Чистильщика стало биться ровней и спокойней.

— Помнишь, чему я тебя научил тогда в подвале?

Он помнил. Помнил блеклый свет из маленького окошка. Запах скипидара. Коробки с гвоздями, шурупами, гайками. Верстак с аккуратно разложенными инструментами. И огромные железные челюсти, распахнутые над ним.

— Тогда повтори...

Чистильщик невольно потянулся руками к голове, словно старые шрамы напомнили ему пережитую боль и заныли.

— Никогда не плачь и не кричи, — твердо сказал он.

Он почувствовал невыносимую боль, слишком сильную для его маленького тела. И запомнил глядевшее на него лицо с сигаретой в уголке рта.

«Это ради твоего же блага, сынок. Ради твоего же блага».

— Чему еще я тебя научил? — спросил Микки.

— Что бояться нет смысла, что страх меня не спасет.

— Хорошо, — ответил наставник. — А что полагается тому, кто позволил страху овладеть собой?

Чистильщик помедлил с ответом.

— Наказание.

Он знал, что нужно делать. Он вернулся в маленькую комнатку и направился к кухне. Открыв ящик для посуды, он достал большой острый нож и обхватил его левой рукой.

А затем сильно сжал лезвие в ладони.

Боль отогнала прочь страх, вернув прежнюю ясность чувств. Он разжал ладонь и бросил нож в раковину, после чего обернул руку кухонным полотенцем, сразу окрасившимся кровью.

— Молодец, мой мальчик, — послышался голос Микки; и тут же растворился за зеленой дверью.

Все утро и большую часть дня он просидел на диване, глядя в пустоту. Надо было придумать вескую причину, почему он не вернул фургон, — может, проколоть шину или поцарапать дверцу, вроде как попал в аварию, — но сейчас все это казалось далеким и не важным, и он медлил и откладывал решение проблемы.

Он чувствовал только, что форма, согретая его теплом, понемногу высыхает, и больше ничего.

В комнате стемнело. Он резко поднялся на ноги, будто внутри сработал какой-то выключатель. Полотенце, которым он обернул руку, пропиталось кровью, но рана уже не кровоточила, и недавняя боль сменилась колючей щекоткой.

Он пошел в ванную комнату.

Там он зашил рану простой иглой и специальной хирургической ниткой, затем наложил повязку. Потом направился на кухню, растворил в кастрюле бульонный кубик, насыпал немного вермишели, сел за стол. На нем были только трусы и носки. Автоматически зачерпывая ложкой жидкую пищу, он напряженно думал. Кожа немного покраснела. Но, несмотря на долгий горячий душ, он все еще чувствовал холодную воду озера, словно она пропитала его тело до самых костей. Это было терпимо, но неприятно. Покончив с ужином, он сполоснул тарелку и ложку и положил их на место, в сушилку. Как всегда, разложил диван-кровать и подготовил чистые простыни. Затем выключил свет и улегся на спину.

Закрыв глаза и попытался уснуть.

Невольно вслушиваясь в тишину, он надеялся уловить привычный звук, помогавший ему расслабиться, — гудение бака для воды, установленного на крыше. Накопитель свистел, как кит, или постанывал, и эти звуки долетали до него через вентиляционные отверстия.

Наверное, система с годами поломалась, как и многие другие коммуникации этого дома, брошенного на произвол судьбы. Но мысль о том, что над ним зависла неподвижная водная масса и их разделяют всего несколько сантиметров, не пугала, а, скорее, придавала уверенности в себе.

Словно у него над головой был целый бассейн.

Но в этот вечер цистерна не издавала ни звука, словно предупреждая о чем-то.

По плану отличный день обычно заканчивался крепким сном. Он падал на подушку и просыпался лишь спустя несколько часов, хорошо отдохнувшим. То была особая награда за поиски и кропотливую работу последних недель, которую он проделал перед тем, как заявиться в «Блу». Но утренний эпизод поставил с ног на голову все, включая заслуженный отдых. Казалось, что прошлая жизнь осталась теперь далеко позади. А главное, отношения с Микки тоже утратили прежнюю гармонию. Кроме того, внутри затаилось какое-то новое, незнакомое чувство, для которого у него не было слов.

Мысли так и копошились в голове, и он никак не мог их отогнать. Он открыл глаза.

Отмахиваться от реальности и дальше казалось невозможным. Весь день пошел наперекосяк, ничего не помогало. Делать вид, что ничего не произошло, не получалось. Ему нужно было узнать что-нибудь о девочке с фиолетовой

челкой. Не важно, кто она и почему оказалась в озере, главный вопрос был в другом.

Выжила ли она?

Он бросил ее на пляже и бежал. Он видел, как к ней приближались люди, но не знал, что было дальше.

— Ну же, давай, скажи! — раздался из-за зеленой двери подбадривающий голос Микки.

— Если она выжила, она меня запомнила, — прошелестел он дрожащим голосом.
— Если же она умерла, меня станут искать.

Впервые за долгое время его судьба вдруг переплелась с судьбой другого существа. Он понимал, что не может просто сидеть и ждать, — нужно что-то делать.

— Ты знаешь, что нужно делать...

— Нет, не знаю, — попробовал отмахнуться Чистильщик, хотя это было неправдой. Он все прекрасно знал.

— У тебя мало времени. Скоро они будут здесь.

Сама эта мысль пугала его до смерти. Но Микки прав, решение только одно.

Он отбросил одеяло и встал с кровати.

8

Он вышел из дома в двадцать три часа, одетый в черное, в черной же бейсболке, надвинутой козырьком как можно ниже, чтобы не было видно лица и бритой головы.

Девочку следовало найти.

Поскольку интернета у него не было, он мог узнать о ней только из местных газет. Поэтому он пока не знал, в какую больницу ее увезли. Единственным вариантом оставалось проверить их все, одну за другой. Он уже побывал в «Менаджо» (ближайшей к озеру больнице) и в «Вальдуче». Пока безрезультатно. Около часу ночи он сел в пустой автобус, который шел к больнице Святой Анны. Остановка была прямо у входа, но он вышел на следующей и прошел обратно пешком.

У входа в больницу стоял фургончик съемочной группы новостного канала. Они ждали. Должно быть, здесь что-то произошло. Присутствие репортеров вызывало беспокойство, но в то же время указывало, что он попал на след.

Он решил не идти через центральный вход, поэтому, обойдя здание, отыскал запасной выход, куда подъезжали мусоровозы для сбора медицинских отходов. Показал охраннику, сидевшему в кабине, карточку мусорной компании, тот больше ничего не спросил, и Чистильщик прошел через турникет и оказался внутри.

Ему уже приходилось бывать здесь ночью. Иной раз случалась ночная смена в этом районе, в других случаях нужно было кое-чем обзавестись. Например, той самой ниткой, которой он сегодня зашивал руку. Он сразу направился к раздевалке для персонала. Здание казалось совершенно пустым. Выбрав первый попавшийся шкафчик, он достал из кармана отвертку и вскрыл замок. Внутри была голубая форма санитара. Он скинул одежду и натянул эту форму, нацепил бахилы и прозрачную шапочку, аккуратно натянув ее на уши, чтобы скрыть шрамы. Затем закрыл дверцу, зашел в подсобку, выкатил оттуда оборудование для уборки и направился к грузовому лифту.

Расчет был на то, что ночью в больнице почти никого не будет, и оказался верным. Однако у Чистильщика было мало времени.

Он приступил к поискам в отделении интенсивной терапии и в реанимации. Здесь все пахло стерилизующим раствором, немногочисленные медсестры были в масках. Он тоже надел маску, чтобы никто не увидел его лица.

Затем он включил полумоечную машину. Щетки басовито зашелестели, этот звук мгновенно смешался со звуком респираторов и легким попискиванием кардиомониторов.

Таким образом ему удалось пройти по коридору и заглянуть в палаты. В каждой было по четверо пациентов, в основном пожилые мужчины. Казалось, что они вот-вот улетят прочь, как воздушные шарики. Если хорошо присмотреться, можно было разглядеть тонкую ниточку, связывающую каждого из них с этим миром.

Самой юной пациентке этого вместилища ду?хов была отведена отдельная палата в конце коридора. В палате сидела заспанная медсестра, фиксировавшая в карточке данные с монитора. Закончив, она повесила папку рядом с кроватью и вышла из палаты, не обратив внимания на Чистильщика. Он подождал, когда она скроется за дверью, нажал на паузу, но не стал выключать машину, чтобы не нарушать установившуюся гармонию звуков.

Потом он зашел в палату.

Казалось, девочка с фиолетовой челкой мирно спит. Наверное, ее чем-то накачали. На лице у нее была кислородная маска. К руке тянулся проводок, подключенный к монитору, который был готов подать сигнал, когда пациентка придет в себя. Но пока что компьютер выдавал лишь равномерное попискивание, так что Чистильщик мог спокойно подойти к кровати.

Темные волосы девочки были разбросаны по подушке, голова приподнята. На ней была легкая ночная рубашка. Худые руки вытянулись вдоль тела. К левой руке подсоединены две капельницы. Мягкая линия шеи опускалась к плечам, грудь перебинтована: повязка охватывала и ключицу, которую он вывихнул ей, вытаскивая из озера. Наверняка он еще и сломал ей несколько ребер, когда остервенело давил на грудную клетку, пытаясь исторгнуть воду из легких. Одна нога в районе лодыжки была зафиксирована в ортезе.

Подойдя ближе, он присмотрелся. На бледной коже девушки то там, то тут виднелись синяки – свидетельство отчаянной борьбы со смертью. Он внимательно вгляделся в ее лицо и понял, что даже не помнил, как она выглядит. Он спрашивал себя, откуда в нем зародилось это необъяснимое, инстинктивное желание спасти ее. Дело было не только в том, что он принял ее за маленького мальчика, за самого себя в детстве. Поняв, что ошибся, он легко мог предоставить ее судьбе и не пытаться откачать. Все было так странно, необъяснимо. Он всегда старался держаться особняком, ограничить любые контакты с людьми. Чем же эта девочка отличалась от прочих? В ней не было ничего особенного. Он понимал, что подобные мысли опасны. Микки не должен знать, что его гложут подобные сомнения.

Кто-то оставил на тележке для еды фотографию. Он даже понял зачем. Если девочка откроет глаза, она сразу увидит эту умиротворяющую картинку: мужчина около сорока, женщина чуть помоложе и она сама посередине. Очевидно, с родителями. Все красивые, загорелые, улыбающиеся. Станный способ запечатлеть воспоминание о счастье. Чистильщик каждый раз думал об этом, если ему попадалась семейная фотография. Неужели эти люди думали, что снимок может передать их чувства? Его самого никогда не снимали на камеру. И даже с фотографии в паспорте и на рабочем удостоверении на него смотрел какой-то едва похожий на него незнакомец.

Он заметил на стуле прозрачные пакеты с личными вещами. С удивлением он разглядел свой платок, который засунул в рот девочке, когда у нее начались судороги. И только сейчас вспомнил об обломке ногтя.

Его реликвии.

Он вытащил платок и развернул, но в нем было пусто. В голове пронеслись возможные последствия подобной ошибки. Кусочек ногтя мог оказаться на пляже, а мог и выскользнуть, пока он, Чистильщик, находился в воде. Искать бессмысленно — что иголку в стоге сена. Вся эта история доставила ему уже слишком много хлопот, заключил он, убирая платок в карман. Пора поставить точку.

Он осмотрелся в поисках тележки с лекарствами и дефибриллятора. Затем двинулся к столу, понимая, что в ящиках найдет все необходимое. Одноразовые перчатки. Одноразовый шприц. Ампулу инсулина.

Поглядывая на дверь, он зарядил в шприц смертельную дозу. Никто не заметит крохотную красную точку меж пальцев ноги. Всего несколько секунд, и от их связи не останется и следа. Оба навсегда освободятся.

Он вновь подошел к кровати. Мысленно рассчитав, что у него будет примерно минута до того, как кардиомонитор издаст тревожный звук, он сосредоточился, чтобы довести задуманное до логического конца. Держа шприц иглой вверх, он откинул простыню, приоткрыв свободную от ортеза ногу.

Наклонившись, он застыл с приподнятой рукой. На внутренней части икры среди царапин виднелась небольшая бледная надпись.

Последовательность чисел, написанная ручкой.

Чистильщик удивленно отпрянул, простыня упала на место. По телу прошла дрожь. Внутри него пробудились чувства, над которыми он был не властен.

В этот самый миг он понял, что не сможет завершить начатое.

В шесть утра привокзальное кафе понемногу наполнялось посетителями.

Чистильщик стоял в отдалении у одного из столиков в самом углу, перед ним была оставленная кем-то грязная чашка. Засунув руки в карманы серой куртки и надвинув на глаза кепку, он всматривался в посетителей,

сменявшихся у барной стойки. Провинциалы, ехавшие на работу, были без багажа, они быстро впихивали в себя завтрак перед тем, как отправиться в офис. Те же, у кого были чемоданы, устраивались поудобнее, попивали кофе и поглядывали на часы, готовясь двинуться к нужной платформе. Чистильщик спрашивал себя, откуда все эти люди и куда они едут. Вернутся ли они еще или оказались здесь, чтобы исчезнуть навсегда. Где они живут, с кем расстались, ждет ли их кто-то там, далеко.

Так, размышляя о жизни, он то и дело поглядывал в экран на стене, где мелькали кадры последних новостей. Он уже выучил наизусть повторяющийся не первый раз порядок роликов и знал, что после международной хроники на экране появятся мужчина и женщина с фотографии, которую он видел в палате.

Под вспышки камер, окруженный микрофонами, отец девочки с фиолетовой челкой делал заявление на пороге больницы Святой Анны. Его голос то и дело перебивали объявления о прибывающих и отправляющихся поездах.

— Мне бы хотелось посмотреть в глаза человеку, рискнувшему жизнью, чтобы спасти мою дочь, — говорил он, приобняв за плечи красивую жену, слишком потрясенную, чтобы говорить на камеру. — Не знаю, почему он решил остаться неизвестным, но я уважаю это решение, хотя как отец я бы хотел пожать ему руку.

Чистильщик переслушивал эти слова снова и снова, но каждый раз ему слышался в них какой-то подтекст. Он понимал, что не отличается особой сообразительностью, но все же мог предвидеть возможные последствия.

«Не знаю, почему он решил остаться неизвестным...»

Уже эта фраза бросала на него какую-то тень. Кто-то задавался вопросом, что же такое скрывает добрый самаритянин, раз решил не афишировать свое геройство.

«Они придут за мной, будут искать», — думал он. Сомнений почти не осталось. Микки был прав, они придут. И потому он снова и снова винил себя в том, что не смог избавиться от девчонки. А новой возможности уже не выпадет. Микки будет очень недоволен.

— Наша девочка скоро поправится, — говорил мужчина журналистам.

От него исходило ощущение силы, уверенности, власти. Чистильщик не знал, почему журналисты заинтересовались этой историей, кто отец девочки. Но по всей видимости, он был какой-то шишкой, раз трагедия этой семьи заинтересовала телевидение. Уже этот факт заставлял беспокоиться. Люди не уймутся, им захочется подробностей, расследования. Судя по тому, как смотрели на экран посетители бара, об этой новости будут говорить еще долго.

Было и еще одно обстоятельство, из-за которого журналисты не остановились бы на достигнутом. Когда мужчина отвечал на вопрос репортера о том, как все произошло, по его лицу пробежала какая-то тень. Чистильщик сразу ее заметил, распознав скрывавшийся за нею страх.

— Моя дочь поскользнулась и упала в озеро, когда фотографировалась. Она сломала лодыжку. Она едва не поплатилась жизнью за какой-то снимок, но вы же знаете подростков — все они думают, что бессмертны, — заметил он с деланой улыбкой. — Наверное, хотела сделать селфи.

Было видно, что мужчина лгал и пытался это скрыть. Неуверенность в собственных словах выдавали глаза. Он хотел защитить дочь, но правда была другой, и она его пугала.

Чистильщик уже разгадал его тайну.

«Как комично», — подумал он. Этот мужчина знать не знает, что какой-то незнакомец, сидящий за столиком привокзального кафе, прекрасно понимает те сомнения, которые сейчас его гложут. Он понятия не имеет, что некто, ни капли не похожий на него ни образом жизни, ни положением, не имеющий ничего общего с людьми, которые обычно его окружают, не разделяющий ни его представлений о жизни, ни его идеалов, мог знать что-то такое, что касалось его семьи. Такое, что в один миг могло уничтожить его хрупкую, идеальную жизнь.

Он знал ответ.

Ему просто нужно было проверить свою догадку. Но это бы связало их еще больше, это стало бы следующим шагом к свету. А он был совсем не уверен, что готов покинуть царство теней. Вот почему он уже битый час сидел на вокзале.

Нужно было что-то решать. Например, сесть на первый попавшийся поезд и исчезнуть навсегда.

Ему уже не раз приходилось так делать, оставляя за спиной все накопленное за годы. Дом, немногочисленные предметы обихода, одежду в шкафу... Ничего другого он не нажил. Никто бы его не хватился.

Не боялся он и за комнату с зеленой дверью.

Конечно, поначалу она вызовет много вопросов, но, осознав, что не в состоянии понять, они бросят об этом думать.

Наверное, ему тоже следует перестать думать о девочке с фиолетовой челкой, надеясь, что и она о нем не вспомнит. Переехать в другой город, найти новую квартиру. Покрасить дверь в зеленый и спрятать за ней свою тайну. Вернуть все на свое место. В конце концов, он уже десять лет прожил в Комо. Он еще никогда нигде не задерживался так долго. Наверное, уже хватит.

Приняв решение, он поднялся со стула. В руках немного покалывало, они затекли от долгого сидения в одной позе или же из-за того, что плечи были слишком напряжены. Опустив голову вниз, чтобы оставаться незамеченным, он вышел из кафе и направился по переходу к платформам.

Мимо шли люди, некоторые задевали его при ходьбе. Никто не знал, что это за человек шагает рядом с ними. Он был лишь незаметным пятнышком, готовым вот-вот исчезнуть из их поля зрения. Иной раз он спрашивал себя, что бы случилось, если бы чей-то взгляд задержался на нем хоть ненадолго. В тех редких случаях, когда Чистильщик вливался в толпу, он это делал затем, чтобы почувствовать свою силу, силу человека-невидимки.

Но сейчас все было по-другому.

На самом деле он задержался на вокзале потому, что там еще были телефонные кабинки. Его поездка в Комо затевалась ради звонка, который он собирался сделать.

Он поднял трубку и кинул в щель несколько монет. После чего набрал те самые цифры, которые увидел в больнице на ноге девочки с фиолетовой челкой.

В трубке раздались гудки. После бесконечно долгого ожидания мужской голос ответил:

— Слушаю...

Чистильщик молчал. Он ждал.

— Алло... Вы меня слышите? — раздраженно вопрошал голос на том конце провода.

Он знает, что это я, он слышит мое дыхание.

— Да кто это?

Чистильщик бросил трубку. Несколько фраз было достаточно, чтобы узнать этот голос.

Так ты хотел со мной познакомиться? Ну вот, теперь мы знакомы.

22 октября

— Они ведь отрастут, правда?

Мартина отвлеклась — она собирала вещи и не услышала вопрос.

— Что?

Мальчик прижал нос к стеклу, но не мог разглядеть, кто входит и выходит из больницы. Взгляд застыл на отражении, из стекла на него смотрело грустное мальчишеское лицо.

— Волосы, — уточнил он, глядя в стекло. — Они отрастут?

Мартина застыла на месте, положила сумку на пол и подошла к нему.

— Ну конечно, — успокоила она, поглаживая его по голове, через кожу которой клочками пробивались короткие волосы.

— А шрамы? Они исчезнут?

— Боюсь, что нет. — Мартина всегда говорила ему только правду, поэтому он ее и любил. — Но когда волосы отрастут, шрамов уже не будет видно.

Обнадеженный этим обещанием, мальчик успокоился.

— А я тебе кое-что купила. — Мартина вернулась к сумке и достала кепку, которую надела ему на голову. — Ты теперь крутой! — заверила она.

Мальчик снова посмотрел на свое отражение. Оно не слишком ему понравилось, но расстраивать Мартину не хотелось. Сегодня важный день.

Мартина счастлива, что после месяца в больнице он наконец-то выписывается. Но сам он был не особо этому рад.

— Ты веришь в рай?

— Иногда верю. А что? — спросила Мартина.

— Если, например, ты умрешь и никто не знает, как тебя зовут, что тогда напишут на твоей могиле?

— Это что еще за разговоры? Что ты такое выдумал?

Но мальчик не унимался:

— Как же Господь узнает меня и призовет в рай, если на моей могиле ничего не написано?

— Господь узнает тебя, он знает, кто ты, — уверила Мартина.

— Когда меня сюда привезли, никто не знал, как меня зовут...

Все вокруг кричали, даже в машине, он бился в судорогах, поэтому врачам пришлось запихнуть ему в рот платок, чтобы он не откусил себе язык. Но с платком во рту он не мог сказать им, как его зовут. И поэтому никто не называл его по имени. Он был совсем один.

— Теперь уже все прошло, — успокоила, не переча ему, Мартина.

Наверное, он должен был радоваться, что выписывается из больницы, — запах средств для дезинфекции ему уже сильно надоел. Но в то же время ему было грустно.

— Мне точно нужно возвращаться домой?

— Я нашла вам отличную квартиру, большую. У тебя даже будет своя комната.

— Но Вера не хочет, чтобы я жил с ней. Я слышал, как вы говорили. Вы думали, я сплю, а я не спал.

Вы думали, я уже умер, а я не умер.

— Твоя мама может наговорить что угодно, ты же знаешь. Но теперь у нее есть работа, и она сможет позаботиться о тебе. Все будет хорошо.

— А как же Микки?

Вопрос застал Мартину врасплох. В воздухе повисло напряжение: так камень, брошенный в воду, исчезает в глубине, но на поверхности остаются круги.

— Вера обещала, что больше не будет с ним видеться, — торжественно заверила Мартина.

— Я ей не верю.

— Его разыскивают, не думаю, что он объявится.

— Они никогда его не найдут.

От этой мысли у него на глаза навернулись слезы.

— Не бойся. Микки больше не навредит тебе.

Мартина не понимает, но Микки был не из тех, кто обычно связывался с Верой.

— Если я останусь с Верой, он вернется!

— Нет, не вернется, — заверила его MARTINA.

— Клянешься?

Мартина задумалась. Мальчик сразу это заметил.

— Поклянись!

Такое простое слово, от которого взрослые сразу впадают в ступор.

Шестилетний мальчик уже понял, что к чему. Если хочешь, чтобы взрослый сказал правду, нужно, чтобы он поклялся. Но срабатывает не всегда. С Верой, например, этот метод не работает. Но MARTINA не такая. Она не умеет врать, ей сложно это делать.

Она села на кровать и кивнула на место рядом с собой. Мальчик послушно вскарабкался и устроился подле нее.

— Давай-ка мы с тобой кое-что сделаем.

Она подняла его ногу, закатала штанину и приспустила носок. Пока мальчик задавался вопросом, что же она задумала, MARTINA уже достала ручку, стянула зубами колпачок и принялась что-то писать у него на ноге. Ручка приятно щекотала ногу.

— Это мой номер, — сказала MARTINA, надевая колпачок обратно. — Постарайся никогда его не смывать. Я буду приходить к тебе каждую неделю, посмотрим, как будет вести себя Вера. А если сотрется, напишем заново.

— Но зачем мне твой номер? — спросил он, пусть и с чувством некоторого облегчения.

— Это наша маленькая тайна. Если с тобой что-то случится, ты сможешь мне позвонить или найдешь человека, который мне позвонит. И я тут же приеду.

— А если я умру?

От этого вопроса MARTINA похолодела. Тогда мальчик ответил за нее:

— Ну ладно, если я умру, ты хотя бы скажешь, как меня звали.

Идите в супермаркет и положите стеклянную банку маринованных овощей в морозильник с полуфабрикатами.

Она повторяла это в каждой школе, в каждом социальном центре, девочкам и женщинам. Нужно было донести до них важность такой простой истины. Никто не знал, понадобится ли это когда-нибудь, хорошо, если нет. И все-таки

было важно, чтобы все об этом знали. И знали, что мужчинам ничего говорить нельзя. Что это женская тайна.

Стеклянная банка маринованных овощей в холодильнике супермаркета — это особый знак.

Когда работник супермаркета занимался раскладкой продуктов и вдруг обнаруживал банку с закатками в холодильнике, он должен был немедленно сообщить об этом менеджеру магазина. А менеджер сообщал ей. Никто не знал, что это значит. Знала только она, придумавшая эту схему. Охотница на мух могла с уверенностью сказать, что если в супермаркете нашли в холодильнике банку овощных консервов, в городе есть женщина, которая ждет помощи. Быть может, над ней издевается муж или парень и она боится заявить в полицию, быть может, ее похитили или, не дай бог, что-нибудь еще.

Охотница на мух тут же бралась за дело, чтобы помочь несчастной. Она уже больше недели днем и ночью торчала в засаде у супермаркета на окраине города. Того самого, где в холодильнике нашли банку консервированных огурцов.

Она весь день ходила между рядами, делая вид, что рассматривает продукты, а на самом деле наблюдала за клиентами, надеясь распознать среди них ту, кто подал беззвучный сигнал. Если женщина, которая просила о помощи, вернулась бы в магазин, Охотница бы ее узнала. Разумеется, никто из этих женщин не ходил с табличкой «несчастливая жертва», и все же кое-какие приметы всегда очевидны. Например, синяки, порезы, переломы. Или кофта с высоким горлом, повязанный на шею платок (не в сезон), чересчур крупные темные очки.

Вычислив жертву насилия, Охотница пыталась установить с ней зрительный контакт. Едва ей удавалось встретиться с ней взглядом, в глазах жертвы проскальзывала надежда на спасение. В этих глазах читались смтение, отчаяние и страх.

Многие из таких женщин были под колпаком у своих тюремщиков, им не разрешалось ни звонить, ни пользоваться интернетом, — впрочем, они бы вряд ли нашли в себе силы просить о помощи. Поэтому положить банку маринованных овощей в морозильник было уже большим шагом вперед. В жизни такой женщины, когда любой поступок, вплоть до разбитой тарелки, мог повлечь за собой жестокое наказание, консервы стояли рядом с консервами, а замороженные овощи лежали рядом с замороженными овощами. Таково было одно из правил, которые не нарушались под угрозой побоев. Так что поставить банку в холодильник было уже первым сигналом бунта.

Но в этот понедельник Охотница едва не растеряла свой обычный оптимизм. Вот уже несколько дней она кружила по магазину с тележкой, сначала набивая ее продуктами, а затем расставляя их обратно на полки. Спина болела, ноги устали. Организм требовал никотина — не могла же она выходить курить каждые двадцать минут. С тех пор как она приступила к слежке, она старалась не курить, понемногу уменьшая количество сигарет. Обычно, если она резко бросала, у нее начинался сильный, мучительный кашель.

Ей было уже пятьдесят три, и состояние здоровья интересовало ее меньше всего.

Она не заботилась о себе, вообще не думала на эту тему. Психолог убеждал ее в том, что она на грани депрессии. Но за пять лет терапии ожидаемая депрессия так и не наступила. Зато наступила запоздалая менопауза, симптомы которой постоянно мучили ее, а она мечтала только о покое. Она

не боялась ни старости, ни морщин, ни лишнего веса. Когда-то она была даже миловидной, но то время прошло, и она не слишком тосковала по молодости.

Она носила короткую стрижку, так было практичней. И совсем не красилась. Что до одежды – брала только самое удобное.

Часы показывали без четверти два. Обычно после часа магазин пустел. Домохозяйки закупаются с утра и в это время уже готовят обед. Осталось только несколько одиночек да старушка, неспешно разглядывающая ценники в поисках скидок по акции. Тогда Охотница решила, что заслужила сигаретку. Но, опершись на доверху набитую тележку, чтобы снять туфлю и размять болевшую ступню, и на секунду подняв глаза, она увидела в отделе готовых завтраков девушку.

На вид ей было лет двадцать пять, не больше, модельная внешность, рэперская бейсболка, цветные леггинсы, кроссовки, в руке большая сумка «Луи Вюиттон», флисовый кардиган по колено. Девушка разглядывала коробки с хлопьями. Но внимание Охотницы привлекла не столько сама девушка, сколько парень, стоявший в паре метров от нее. Длинные светлые волосы, которые он то и дело откидывал назад, дорогие кеды, жилетка, футболка – одним словом, на вид испорченный красавчик. Классический пример того, из-за кого можно потерять голову, а потом об этом пожалеть.

Парень стоял, скрестив руки на груди и вперившись взглядом в девушку, точно держа ее на невидимом поводке. Но может быть, Охотнице так только казалось. С виду на девушке не было очевидных следов побоев. Хотя слишком свободные вещи могли что-то скрывать. Кроме подозрительного поведения парня, других странностей в этой паре не было.

И все же что-то тут было не так.

Слишком уж дорогие вещи, чтобы ходить в дешевый супермаркет. Они явно живут в центре. Это она уговорила его зайти в магазин, а он не в восторге. Стоит и думает, какого черта они тут делают, вокруг одни мигранты и домохозяйки-неудачницы. «Домашка он ей покажет», – подумала Охотница.

Нужно было проверить свои догадки.

Она направилась в сторону пары, и вскоре все трое оказались рядом с холодильником. Не спросив разрешения, она протиснулась между парнем и девушкой, открыла дверцу и вытащила бутылку молока. Затем покосилась на девушку, надеясь привлечь ее внимание. Но их взгляды встретились всего на несколько секунд. Слишком мало, чтобы девушка могла подать ей знак. Тогда ей пришла в голову внезапная идея. Она открутила крышку и резко повернулась.

Молоко выплеснулось, окатив парня с головы до ног.

– Прости, ради бога, я не заметила, что крышка открыта! – воскликнула она, делая вид, что вот-вот рассмеется.

Парень отреагировал ровно так, как она и думала. Он мгновенно вскинул руку и собирался уже сжать ладонь в кулак, но в последний момент сдержался. Повисло неловкое молчание. Девушка тоже заметила его жест. Не заметить было довольно сложно.

– Ничего, все в порядке, – пробормотал красавчик, но вздущиеся на шее вены говорили о том, как он взбешен. И весь его вид как бы говорил: «Исчезни с глаз моих, пока не поздно».

— Такое со мной уже случалось, — сказала она, не двигаясь с места. — Только в прошлый раз попалась банка с огурцами.

Услышав эти слова, девушка вздрогнула, но промолчала. Она вытащила из кармана упаковку бумажных платочков и стала вытирать лицо парня, чтобы таким образом повернуться к Охотнице спиной и дать ей спокойно уйти. Та ретировалась.

— Брось, дай сюда, я сам, — услышала она.

Цель была частично достигнута. Охотница вышла из магазина.

Вычислить на парковке нужную машину не составляло труда. Само собой, белый «порше», сильно выделявшийся на общем фоне. Охотница закурила и стала поджидать парочку. Ждать пришлось недолго.

Оказавшись на улице, парень наконец-то позволил себе выплеснуть переполнявший его гнев. Девушка шла впереди, немного потупившись.

— Найди себе другие хлопья, я в эту дыру больше не вернусь! — крикнул он.

Когда они приблизились, Охотница выбросила окурок и направилась к парню.

— Эй, парень! — крикнула она.

Блондин обернулся, не веря своим глазам:

— Чего тебе еще?

Она порылась в кармане и выудила пять евро.

— Я натворила дел. Хочу оплатить тебе химчистку.

Парень не знал, как реагировать: послать ее куда подальше или рассмеяться в лицо. Наконец он выдал натянутую улыбку.

— Не стоит, правда. — Его слова звучали как предупреждение. Они означали «не стоит со мной связываться».

Но Охотница напирала, переступая черту, которую психологи назвали бы «зоной опасности» при общении с агрессивным субъектом.

— Слушай, мне это важно.

— Да отвали ты уже, — зарычал парень.

Вместо того чтобы отступить, она шагнула вперед. Девушка стояла рядом ни жива ни мертва. Красавчик сорвался с цепи.

— Я чувствую, что виновата, — вкрадчиво сказала Охотница, пытаясь засунуть банкноту в карман его брюк.

От неожиданности парень попятился назад, но тут же спохватился, отгрызнулся и, схватив Охотницу за горло, прижал ее к ближайшей машине.

— Не трогай меня, сучка ты гребаная!

Пытаясь высвободиться, Охотница одновременно покосилась на девушку, которая, будто окаменев, наблюдала за этой сценой. «Отлично, — подумала Охотница. — Теперь она поняла, что он может сделать что угодно и с кем

угодно, — может, до нее дойдет, что пора делать ноги. Может, она рискнет сделать что-то посерьезнее, чем поставить банку огурцов в морозильник. Может, даже в полицию обратиться».

Охотница высвободила руку и запустила ее в карман. Поначалу он ничего не заметил, но выражение его лица внезапно изменилось, а хватка резко ослабла.

Он почувствовал, что она приставила лезвие ножа к его причинному месту.

Охотница откашлялась и плюнула ему прямо в лицо комком мокроты.

— Извини, дорогуша, — сказала она хрипло. Горло горело.

Мошкара попала в сети. Теперь дело было за девчонкой.

Охотница повернулась к девушке.

— Все нормально, — спокойно сказала она. Затем протянула ей сотовый телефон.

Парень с ненавистью посмотрел на нее:

— Ты ее знаешь?

Девушка в растерянности смотрела на телефон, не понимая, чего от нее хотят.

— Нет, — робко сказала она.

— Врешь, стерва.

Охотница тут же пришла на помощь:

— Можем заявить на него.

«Давай, милая, — мысленно подбадривала она, — возьми уже этот чертов телефон и набирай номер. Пора тебе избавиться от этого придурка. Достаточно одного случая, повода, даже незначительного. Просто попроси о помощи, и она придет, придет подкрепление».

Но девушка колебалась.

— Мы можем покончить с этим прямо сейчас, — сказала Охотница, раскрывая карты. И тут светлое личико девушки исказилось от гнева.

— Ты кто такая, сучка? Чего тебе от нас надо?

Услышав это «от нас», Охотница поняла, что проиграла. Девчонка была как две капли воды похожа на своего ухажера. Охотница поняла, что ее не спасти. Тяжелая созависимость и полное подчинение воли мешали девушке осознать, во что она ввязалась. Прирученный зверь готов лизать руку хозяина, стелется при первом же шелчке хлыста. Разочарованная Охотница решила дать девчонке последний шанс.

— Когда в первый раз он всего лишь влепит тебе пощечину, ты его простишь, скажешь: «Он не такой, я сама виновата», спишь все на алкоголь, скажешь, он много выпил; на второй будешь злиться чуть дольше, но все равно подумаешь: он устал, у него стресс, и опять простишь. А он будет лупить тебя все чаще и чаще. Потом он внушит тебе, что ты сама виновата, что ты сама нарываешься, вечно выводил мужчин из себя. Потом ему станет

мало пощечин, он отлупит тебя до синяков, ногами, ты будешь гадать, чем замазать синяки, даже тональник не поможет. Он будет просить прощения, может, даже всплакнет. Ты займешься с ним любовью, попытаешься все забыть, и будешь молиться: «Только бы не забеременеть». Наконец ты не сумеешь взглянуть на себя в зеркало, стыдно будет смотреть на отекавшее от побоев лицо. Но он избавит тебя от этого зрелища, схватит за волосы и долбанет как следует прямо об стекло, так что смотреть будет уже не на что.

Охотница сложила нож. Девушка готова была сдаться, уныло поникла, уронив голову на грудь. Охотница смотрела на нее во все глаза, надеясь уловить в ней желание что-то изменить, но, похоже, надежды не было.

«И вот ты опять одна. Наедине со своим палачом», — подумала Охотница.

Она повернулась, чтобы пойти прочь. Сжав губы, она удалялась от парочки и все же успела незаметно щелкнуть номер «порше» на телефон. Двое ничего не заметили. И тут телефон зазвонил. Кто-то оставил ей сообщение на автоответчике.

— Езжай в Нессо, — прозвучал женский голос. — Утром в озере нашли чью-то руку.

11

Озеро Комо простирается на сто сорок пять километров и окружено фьордами, поэтому перемещаться из одного пункта в другой не слишком удобно. Охотница ехала на стареньком зеленом «рено-клио» по восточной стороне. Машине было уже пятнадцать лет, ей не помешал бы серьезный техосмотр у механика, а заодно и мойка. Охотница принялась шарить среди листовок на пассажирском сиденье в поисках сигарет. Листовки она печатала на домашнем принтере и расклеивала то у входа в супермаркет, то в приемных частных врачей.

Дом без окон и дверей с надписью «Ты и есть выход!», а заодно номер телефона и ссылки на инстаграм и фейсбук.

Охотница разнервничалась, ей жутко хотелось закурить. Она ехала туда, куда сказала ей женщина в сообщении, но не знала, что ее ждет.

Темные воды озера исторгли чью-то руку. Руку. Даже не верилось.

Охотница терпеть не могла озеро. Она никогда не понимала, почему люди переезжали в эти места. Они приезжали из самых удаленных уголков света, чтобы купить домик в Белладжо. Или Варенне, где когда-то была простая рыбацкая деревушка. Теперь же городок превратился в обиталище хипстеров. В этих местах всегда любили селиться богачи и актеры, их притягивали роскошные пейзажи и история места. Но долго тут никто не выдерживал. Рано или поздно все бросали шикарные виллы и пристани, которые так и стояли с закрытыми наглухо жалюзи и ждали возвращения хозяев.

А вот местным уроженцам никак не удавалось оторваться от озера.

Охотница не единожды хотела перебраться куда-то подальше и даже снимала квартиру в отдаленном городе, но вскоре озеро позвало ее, она услышала его голос из слива раковины в ванной. Оттуда шел пронизывающий резкий

запах, раздавалось таинственное бурление, призыв снова соединиться со стихией предков. Когда она попыталась объяснить проблему сантехнику, тот посмотрел на нее как на сумасшедшую. Он не знал, что бывает с теми, в кого озеро проникает с самого детства, до самых костей. Ты впитываешь его с молоком матери. Ты становишься его частью. Ты принадлежишь ему.

Вот почему Охотнице пришлось вернуться.

Последние годы она посвятила себя поискам женщин, нуждающихся в помощи, и старалась эту помощь оказать, пока не стало слишком поздно. Потому что было очевидно, что думать о них некому. Охотница предлагала им спасение от нездоровых отношений, тягостных связей, бегство от гибельных браков. Иногда получалось, иногда нет. Она не проявляла снисхождения к жертвам. Несмотря на то что она глубоко презирала мужчин, утверждавших, будто женщина «сама до этого довела», Охотница была уверена, что многие жертвы приложили усилия к тому, чтобы жить так, а не иначе. Как та самая девушка из дискаунта, которая обратилась за помощью, но отступила. Потому что стало ясно, что нужно не просто отказаться от денег и образа жизни, который предлагал ей блондинчик на «порше», а начать жизнь с нуля, без гарантий, что все сложится.

Охотница повторяла себе, что побои не делают женщин слабыми, им просто становится лень что-то менять.

Часто страх неизвестности был гораздо сильнее, чем боязнь побоев. Многие девушки напрасно надеялись, что их сожигатель изменится, не думая, что этого может не случиться.

Вот почему, когда информатор звонила, чтобы сообщить об очередном случае, Охотница сразу же думала о том, что еще одна женщина не смогла найти в себе тот самый выход или оказалась не способна представить свою смерть.

Около четырех часов она добралась до Нессо, деревушки из нескольких домов, облепивших горный склон. Посредине селения проходила глубокая расселина: два рукава горной реки создавали ущелье, за которым они соединялись в водопад, падавший в озеро с высоты двухсот метров.

Охотница припарковала «рено» недалеко от смотровой площадки, после чего прошла триста сорок ступенек, ведущих к старому, построенному еще в древнеримские времена мосту Чивера. Вокруг не было ни души. Шагая под портиками, она слышала звонкий плеск водопада. Затем с нижнего пирса до нее донеслись голоса.

Когда в этих краях происходило убийство, в дело включались одни и те же лица.

Рядом с лодкой карабинеров стоял пожилой журналист местной газеты. Как обычно, от него несло дрянными сигарами и по?том.

— Мне здесь ловить нечего, — возмущался он глухим старческим голосом.

— Да уж, не думаю, что я буду плохо спать, — отозвался судмедэксперт по имени Сильви, сухой мужчина лет шестидесяти. Его цинично прозвали «целителем мертвецов», потому что обычно он подключался, когда исцелять было уже некого.

— Нужно представить в газету не меньше пяти тысяч знаков, чтоб заработать сорок пять евро, а тут с трудом на простую заметку наберется, — возмущался журналист.

— Это не моя проблема, — парировал патологоанатом, помогая ныряльщикам снять со спины баллоны с кислородом.

Юный лейтенант вдруг посмотрел куда-то за спину журналиста и заметил Охотницу.

— А у нее откуда наводка? — с подозрением спросил он.

Незванная гостья приветственно помахала рукой и уверенным шагом направилась к ним.

— Наша феминистка-правозащитница явилась, — хмыкнул журналист. — А я-то думал, кого здесь не хватало.

Вечернее солнце скрылось за горой, и над ними нависла гигантская тень. Холодало, но температура была ни при чем. Холодок пробирал, когда случалось преступление, даже если дело было жарким летом.

— Ну, что поймали? — сразу перешла к делу Охотница, не обращая внимания на ироничные комментарии.

— Для тебя ничего, можешь убираться, — сразу отрезал врач.

— Кажется, я что-то слышала о руке.

Дойдя до мола, она указала на стальной ящик, в каком обычно хранили найденные останки.

— О женской руке, между прочим.

Сильви закатил глаза.

— У меня пока нет результатов анализов, но я предполагаю, что жертва была женского пола, — раздраженно, менторским тоном ответил он.

— А остальные части тела?

Патологоанатом пожал плечами:

— Да шут его знает.

Остальные молчали.

Охотница удивилась, насколько все безразличны к находке.

— Вы сделаете заявление?

— На тему? — с удивлением спросил лейтенант.

— Предупредить, что в районе орудует маньяк-расчленитель.

Все рассмеялись.

В самом деле, Охотница и сама поняла, что с выводами перегнула палку. Но лишь потому, что терпеть не могла, когда ее игнорировали.

— На самом деле мы уже знаем, кто это был, — вмешался журналист.

Охотница посмотрела на него, пытаясь понять, есть ли в этой шутке доля правды.

— И кто же?

— Озеро, — ответил целитель мертвецов, после чего обратился к журналисту:
— Объясни даме, почему здесь нет ничего интересного.

— Каждые два года в озере находят то руку, то ногу, — подтвердил тот. — Один раз даже голову находили.

— Быть не может, — удивилась Охотница.

Патологоанатом рассмеялся.

— Расскажи-ка ей о немецком туристе, — подбодрил он журналиста.

— Ну да... Точно. Озеро выдавало его по частям: сначала ухо, потом руку, наконец, остальное тело.

— Мы его складывали, как пазл, несколько дней, но к вдове он вернулся почти целенький, — заверил Сильви, и оба снова засмеялись. Они чувствовали себя вправе подшучивать, найденная рука была для них всего лишь неодушевленным предметом. У нее не было ни лица, ни имени, поэтому и сочувствия они не испытывали. Примерно так думала Охотница.

— Многие приходят сюда свести счеты с жизнью — это их трупы, — серьезно подытожил лейтенант, завершая дискуссию. — Кидаются с высоты, бьются о скалы, а потом останки находят в озере, подводные течения бросают их о камни или несколько дней таскают по дну.

— Откуда вы знаете, что эта женщина покончила с собой?

— Мы не знаем, — буркнул полицейский, — но это самый вероятный вариант.

— То есть остальные части вы искать не намерены?

Полицейский повернулся к спокойной на вид голубой глади.

— Мы искали, но тут впадина не меньше четырехсот метров... Погружаться на такую глубину слишком сложно, темно, плохое дно. Ступишь на такое, песок тут же поднимается, видимость никакая, потеряться ничего не стоит.

Охотница покорно вздохнула, а затем снова посмотрела на контейнер.

— Можно взглянуть?

Журналист с отвращением покачал головой:

— Я, пожалуй, поеду.

Лейтенант взглянул на патологоанатома и кивнул. Сильви положил стальной контейнер на деревянный настил мола, щелкнул боковыми замками и приподнял крышку.

Охотница шагнула вперед. Предстоящее зрелище ее пугало, но незнакомка заслуживала, чтобы хоть кто-то взглянул на ее останки новым взглядом — тот, кто помнит, что эта рука была частью человеческого существа.

— Европейка, возраст от шестидесяти до шестидесяти пяти, степень сохранности тканей говорит о том, что тело пробыло в воде два-три дня, — прокомментировал судмедэксперт на своем жаргоне. — Конечность отняли на уровне правого плеча, однако характер раны указывает на то, что режущие инструменты не использовались.

«Грубо говоря, никто ее не расчленил», – подумала Охотница. Иначе бы нервы, вены и артерии, а также кожа вокруг имели ровный срез, а не рваный край. Хотя все это не исключает убийства.

– Причина смерти не установлена.

Последняя фраза была стандартным выражением, которое использовалось в заключении судмедэксперта, когда у врача не было объяснения, почему наступила смерть, особенно в случае сильных повреждений. Эту фразу часто писали в полицейских рапортах, когда виновного установить не удалось. Она была связана также с теми случаями, когда состояние останков было таково, что установить личность погибшего не представлялось возможным.

Вот почему, не зная имени умершей, Охотница всматривалась в оторванную руку, надеясь обнаружить хоть что-то, что могло бы указать на личность той, кому она принадлежала. Малейший признак, говорящий о том, что у этой женщины были свои привычки, дом, жизнь. Но единственным намеком на прошлое этой бледной и безжизненной конечности, измученной долгим пребыванием в воде, были ногти, покрашенные ярко-красным лаком.

Охотница заметила, что один ноготь сломан.

12

Большой серый дом уютно устроился на берегу озера в районе Черноббьо. Издалека он напоминал старинную шкатулку, искусно украшенную камнями и росписью. Высокие окна выходили в сад, изящно оформленный ровно подстриженной изгородью в форме лабиринта. Кипарисы, кусты роз. Каменные скамейки и фонтаны.

Чистильщик рассматривал дом с невысокого холма, пытаясь представить, кто проживает на шикарной вилле. И все же воображение его подводило: несмотря на все усилия, ничего не получалось. Между двумя мирами – его собственным и обитателей виллы – была такая пропасть, что прежде он и не задавался подобными вопросами. Однако он понимал, что оказаться на той стороне мало и, чтобы знать ответ, нужно родиться по ту сторону изгороди. В его примитивной картине мира богатые представлялись ему вечно счастливыми существами, но произошедшее два дня назад заставляло в этом усомниться.

– Она хотела сделать селфи и, поскользнувшись, упала в озеро, – заявил журналистам отец девочки с фиолетовой челкой. Но номер, обнаруженный на икре девочки, свидетельствовал о другом.

Чистильщик и сам не знал, что он делал у этого дома. Но некий неведомый ранее инстинкт, назвать который он не мог, привел его сюда и требовал ответов. Ему не терпелось разгадать секреты девочки, которую он спас. Поэтому он надел привычную зеленую форму, предварительно отпросившись с работы.

Он знал, что правда скрывается в мусоре, – вот где наверняка ее найдешь.

«Люди слабы», – сказал он себе. Они совершают плохие поступки, которых часто стыдятся. Именно поэтому они стараются скрыть свою суть. Но забывают, что, не придавая значения мусору, в попытке сплести сеть лжи,

они могут с легкостью выбросить остатки своей фальши — то, что прольет свет на их истинное лицо.

Богатеи особенно тщательно заботились о том, чтобы неприятные запахи не разрушали великолепия их жилищ. Вот и на вилле была особая система утилизации органических отходов, а остальное выносилось в специальные баки, расположенные довольно далеко от дома. В определенные дни обслуга выставляла баки за калитку у бокового выхода. Чистильщик думал о том, как завладеть содержимым баков и не попасть в поле видимости камер слежения. Это было не так-то просто. Лучше сразу сдаться. Но одна мысль не позволяла отступить.

Он был уверен, что девочка оказалась в озере не случайно. Она бросилась в воду сама. Она хотела покончить с собой.

И, написав на ноге телефон отца, она указала на то, что, когда ее труп обнаружат, именно он должен первым узнать о ее смерти. Поэтому желание мужчины выдать произошедшее за несчастный случай вызвало у Чистильщика безумный гнев. Богатеи возводили вокруг своих жилищ высоченные стены не чтобы уединиться, а чтобы не видеть, как живут обычные люди. Они нанимали специальных людей, которые будут убирать за ними отходы. Они врали, чтобы скрыть то, что не совпадало с их представлениями.

Как только Чистильщик принял решение вернуться в свою убогую квартирку, он заметил бесшумно направляющуюся к вилле «скорую помощь», а за ней черный «мерседес» с затемненными стеклами. Кованые ворота открылись, и небольшой кортеж проехал по дорожке из белоснежного гравия. Она вилась по ослепительно-зеленому газону к главному входу в дом.

Из машины вышли мужчина в пиджаке поверх свитера и женщина в плаще, с большой сумкой и в черных очках. Родителей девочки с фиолетовой челкой окружила многочисленная прислуга, которая тут же подхватила чемоданы и принялась устанавливать на лестнице стальной пандус.

Прошло несколько минут, и задние двери «скорой помощи» открылись. Медики выкатили девочку в инвалидном кресле.

Чистильщик был слишком далеко, чтобы рассмотреть, в каком она состоянии, но издали казалось, что, кроме ноги в ортезе, других проблем у нее нет.

Мать, обхватив руками живот, молча наблюдала за сценой. Отец создавал впечатление человека, у которого всё под контролем. Он раздавал указания слугам до тех пор, пока коляску осторожно не ввезли в дом по пандусу.

Глядя на происходящее, Чистильщик думал: как замечательно начинался день перед тем, как он заметил девочку, тонущую в озере. Легкий ветерок раскачивал ветви деревьев, Альпы нависали над озерной гладью. Было не слишком жарко, но Чистильщик вспотел и вытащил из кармана платок, чтобы вытереть шею и лоб. Тот самый платок, который позже сунул в рот девочки, скрученной судорогами. Он вспомнил худенькое тельце и глухой хрип, вырывавшийся из ее губ, когда он пытался заставить ее слабые легкие раскрыться. Пристальный взгляд, направленный прямо на него, едва она вернулась из смертельной темноты.

До и после. Как близко и как далеко друг от друга были эти минуты. С тех пор все изменилось. Он понимал, что придется это принять: все изменилось. Пусть он пока не знал почему.

Зачем он пришел? Ему здесь не место.

Коляска скрылась за порогом дома, двери закрылись, и Чистильщик заметил отца девочки, который, казалось, не спешил войти в дом. Он неподвижно стоял у двери несколько секунд, затем резко обернулся к озеру, к саду. Богатый, влиятельный мужчина старался рассмотреть что-то или кого-то на границе двух миров – своего и чужого, прежде ему незнакомого.

Возможно, его посетило некое предчувствие. Или он был встревожен анонимным звонком рано утром.

13

«Причина смерти не установлена».

Эта фраза обезличивала все необъяснимые убийства. Охотница не могла успокоиться и долго думала об этом по дороге домой. Ей хотелось найти логику, смысл. Хотелось думать, что миром правит не хаос, а четкие, понятные законы.

«Конечность отнята на уровне правого плеча, однако характер раны указывает на то, что режущие инструменты не использовались» – так сказал доктор Сильви о руке, всплывшей на поверхность озера.

Где-то там, на дне озера, покоятся останки неизвестной женщины. И ее единственные приметы – возраст от шестидесяти до шестидесяти пяти лет и ярко-красные ногти. Охотница смотрела вперед на дорогу, но мысленно прокручивала перед собой последнюю сцену из жизни незнакомой женщины. Кисточка мягко скользит по ногтям, запах лака, женщина легонько дует на ногти, чтобы покрытие быстрее высохло.

Причина смерти не установлена.

Это признание в собственной беспомощности. Это значило сдаться. А Охотница не любила сдаваться. Как не любила и слово, которым называли убийство женщины мужчиной, – женоубийство. Произнося его, следователи делали акцент не на том, кто убил, а на жертве, тем самым лишая ее индивидуальности, обрекая на забвение, вписывая очередную незнакомку в каталог таких же неопознанных, убитых мужчинами женщин, о которых если что и вспомнят, то лишь одно: их убили мужчины.

Она припарковалась под деревом и заглушила мотор, однако никак не могла собраться и выйти из машины. «Перед смертью не станешь делать маникюр», – думала она. С другой стороны, кто знает. Бабушка всегда просила, чтобы ей принесли помаду, до последнего готовилась к приходу врача. Может, эта женщина хотела встретиться со смертью во всей красе. Может, ей было не безразлично, что подумает о ее внешнем виде тот, кто обнаружит труп.

Охотница вышла из машины и направилась по лестнице, ведущей на цокольный этаж дома, где она проживала.

К вечеру сил совсем не осталось, и она чувствовала себя опустошенной. Она бросила сумку на пол и протянула руку в поисках выключателя. У дальней стены зажегся большой торшер, на который был брошен старый платок.

В янтарных сумерках Охотница через всю комнату прошла между диванами к камину. Ей было холодно, и, прежде чем снять куртку, она сложила в камин

несколько поленьев из корзины в углу и разожгла огонь. Огоньки запрыгали по поленьям, выдыхая тепло.

Охотница огляделась. В комнате царил беспорядок. Повсюду пыль, разбросанные бумаги. На письменном столе, где стояли компьютер и принтер, грудой лежали разные вещи, там же скопилось бесчисленное количество мелких безделушек, неизвестно как здесь оказавшихся. О кухне и туалете и говорить не стоило. Дом скорее напоминал звериную нору, нежели человеческое жилище.

Двухэтажный дом был единственным наследством, доставшимся ей от родителей. Но Охотница решила жить на нижнем этаже, где в прежние времена родители принимали гостей и зимними воскресными вечерами проводили время за игрой в карты. Здесь она пряталась, если натворила дел и боялась показаться на глаза матери и отцу. И именно здесь летней ночью, напившись допьяна, она отдалась однокласснику и стала женщиной. Теперь же она жила на нижнем этаже, чтобы экономить на отоплении, — по крайней мере, себе она объясняла это решение именно так. На втором этаже ее тревожило слишком много призраков.

Она не поднималась туда уже пять лет.

Ей казалось, что хотя бы внизу призраки оставят ее в покое. Спала она на узкой раскладушке, придвинутой к стене, под окном с видом на сад и дорогу.

Несмотря на то что место было довольно безлюдным, она не боялась жить одна.

Согревшись, она включила компьютер, чтобы проверить, не поступали ли сообщения в соцсетях от женщин, попавших в беду. Ее размышления прервал телефонный звонок. На дисплее отобразилась надпись «Неизвестный номер». Нажав «Ответить», она уже догадывалась, кто это может быть.

— Звонок за счет получателя. Разрешение номер двести шестьсот семь, — проговорил механический женский голос. — Чтобы ответить на звонок, нажмите «девять».

Она сбросила вызов до того, как было установлено соединение. Прошел год с последнего звонка, но время пролетело незаметно.

Взгляд сам собой скользнул вверх, на второй этаж.

Она решила выбросить из головы мысли о звонке, пойти на кухню и чем-нибудь перекусить, а уж потом вернуться к компьютеру. Она уже порядком проголодалась и не помнила, когда ела в последний раз. Заглянув на полки, Охотница ничего там не нашла, что было невероятно странно, если учесть, что последнюю неделю она безвылазно провела в супермаркете. Надо было и себе что-нибудь прикупить, но мысли были совсем о другом. Единственное, что оставалось на полках, — растворимый суп да пачка крекеров. Охотница налила в кастрюлю воды, засыпала смесь, поставила на газ. Вдруг снаружи, кажется, послышались чьи-то шаги. Она замерла, повернувшись к двери.

Обычно к ней домой никто не приезжал.

Однако через пару секунд в дверь постучали. Охотница насторожилась. Подошла к двери и попыталась разглядеть посетителя через узорчатые стекла.

— Извини, не хотела тебя беспокоить, — сказала женщина, стоявшая на пороге. — Можно войти?

— Конечно, — ответила Охотница, пропуская гостью. И все же про себя она повторяла: «Никто не хочет сюда заходить».

Памела была в спортивном костюме — значит, недавно занималась в спортзале. От нее пахло гелем для душа и шампунем с корицей. Подруга ни разу не заезжала к Охотнице домой. Охотница ее не осуждала. Но раз приехала, значит случилось что-то серьезное. Памела огляделась. Охотнице показалось, что Памела обеспокоена, встревожена. Но обе сделали вид, что ничего не заметили.

— Да у тебя тут бедлам, — буркнула Памела, чтобы снять напряжение.

— Вот почему я никого не приглашаю. А вообще, мой психотерапевт утверждает, что порядок — это только прикрытие, — парировала Охотница.

Подруга не оценила шутку или не хотела препираться. Она стояла не двигаясь, держа руки на поясе. Охотница учуяла ее нервное состояние, но решила не спрашивать, что ее привело. Ждала, когда Памела сама все расскажет, если будет нужно.

— Я бы предложила тебе пива, но в холодильнике пусто.

— Ничего, я все равно уже скоро поеду.

Памела скинула куртку, оставшись в обтягивающей футболке, под которой просвечивали накачанные долгими тренировками мышцы пресса. Охотница подумала о том, что у нее самой на животе сплошные жировые складки, — она называла их «вторым мягким местом».

— Ну, как продвигается история с неведомой рукой? — спросила подруга.

Охотница пожала плечами, подошла к камину и подкинула в огонь толстое полено.

— Женщина чуть старше шестидесяти. Конечность находилась в воде примерно с пятницы. Лейтенант и судмедэксперт настаивают на самоубийстве, но выводы сделаны на основе прошлых находок, и только.

— Так я и думала...

Памела сообщала Охотнице о преступлениях против женщин в районе Комо. В тридцать один год она уже дослужилась до маршала полиции. Несмотря на то что у подруг была значительная разница в возрасте, они были близки.

— Лейтенант отказался от дальнейших поисков, поэтому остается лишь надеяться, что всплывет нечто такое, что поможет опознать жертву, — сказала Охотница.

— Вдруг кто-то из родственников заявит об исчезновении, — попыталась утешить ее Памела, которая прекрасно понимала состояние подруги. — Тогда мы сможем получить образец ДНК и узнаем, кто она.

— Но мы так и не узнаем, не погибла ли она от чьей-то руки.

Памела покачала головой:

— Тебе, как всегда, нужно все усложнять — вот не можешь ты отпустить ситуацию. А вдруг все гораздо проще, чем ты думаешь?

Охотница подошла к столу и приподняла голову соломенного петуха, в котором хранила табак и бумагу для самокруток.

— Сделай мне одолжение, — осторожно сказала она.

— Посмотрим. О чем речь?

Охотница выудила из кармана телефон и бросила подруге, а та поймала его на лету.

— Взгляни на последние фотографии.

Памела полистала снимки.

— Шикарная машина. С такой только девиц кадрить, — рассмеялась она, разглядывая белый «порше» красавчика из супермаркета.

— Можешь выяснить, кто владелец? — попросила Охотница, проведя языком по кромке папиросной бумаги. — Кто он, чем занимается, были ли на него заявления. Его подруга попросила о помощи, но потом испугалась и слилась.

Охотница была уверена, что скоро девушка об этом пожалеет.

— На ней были следы побоев?

— Чисто внешне не было.

Памела пожала плечами, как бы показывая, что одной интуиции для обвинения мало.

— Худший тюремщик не тот, кто избивает тебя изо дня в день, а тот, кто после этого носит тебе цветы, — заметила Охотница.

— Ладно, перешли фотки мне на почту, — кивнула подруга, отдавая телефон.
— Поеду домой, — неохотно буркнула она.

Охотница молча протянула ей сигарету. Памела глубоко затянулась, выдохнув облако серого дыма, однако ее напряженность никуда не делась.

— Ну, если хочешь знать, я думаю, что Сильви и лейтенант не ошиблись насчет самоубийства. Пусть несчастная покоится с миром.

— Ты не хочешь понять, почему она это сделала? — напирала Охотница.

— Это не мое дело. Она получила то, что хотела. Исчезла. И бог с ней.

— Кто знает, какая драма скрывается за этим поступком?

— Думаешь, если ты это узнаешь, тебе полегчает?

Охотница подумала, что Памела просто не в настроении, раз позволяет себе циничные замечания в ее адрес, однако разговор уже перешел в другое русло.

— Мне уже никогда не полегчает, — заметила Охотница.

— Я не о том, — уточнила подруга, когда осознала, что невольно затронула болезненное место.

Однако Охотница не могла отрицать, что ее попытки помочь женщинам в беде проистекали из тех ошибок, которые она сама совершила в прошлом. Теперь она понимала, что подруга лишь намекает на то, что она, Охотница, слишком увлеклась чужими проблемами.

— Проехали, — ответила она и забрала сигарету обратно.

Памела почувствовала себя виноватой.

— Ты в курсе, что в тот же день, когда нашли оторванную руку, в озеро упала девочка-подросток? — сказала она, переводя разговор на другую тему. — Ее удалось спасти. Представь себе, если бы через несколько дней мы нашли ее руку или что еще.

Да уж, так точно было бы гораздо хуже.

— Что за девочка? — рассеянно спросила Охотница, радуясь возможности уйти от разговора о собственном прошлом.

— Дочурка Роттингеров.

Она не знала, кто это такие.

— Я что, должна их знать?

— Местные богатеи. Мешки с деньгами.

— Она бросилась в озеро?

— Говорят, напилась.

— Напилась?

— В крови был обнаружен большой процент алкоголя. Семья пытается выдать произошедшее за несчастный случай. Якобы она делала селфи и упала. Сломала лодыжку. И хотя это выглядит абсурдно, у Роттингера достаточно бабок, чтобы версия стала официальной.

— Как же ее спасли?

— Свидетели видели человека, который вытащил ее на берег. Он рискнул жизнью ради девчонки, но потом скрылся.

История становилась все любопытнее.

— То есть как это скрылся? — с подозрением спросила Охотница.

— Вот увидишь, как только он узнает, кого спас, тут же объявится.

Охотница внутренне восхитилась невольным героем и понадеялась, что он не запятнает себя, пытаясь нажиться на благородном поступке.

— С девочкой все хорошо?

— Лежала в палате интенсивной терапии, но, кроме лодыжки, из-за которой пришлось сделать небольшую операцию, с ней все в порядке. Немного вывихнуто плечо, пара царапин, и только. Кстати, ты не поверишь, что нашли у нее во рту.

— И что же?

– Кусок ногтя с красным лаком.

16 апреля

Вера грустит уже несколько дней подряд.

Утром она не хочет вставать с кровати, иногда спит весь день до самого вечера. А если и встает, тут же садится перед телевизором. Глядит в экран до рассвета, но словно ничего не видит. Мальчик смотрит в ее пустые глаза и понимает, что она где-то далеко. Он понимает, что ей нужно идти на работу, а то ее выгонят. Мартина с трудом нашла ей место стажерки в парикмахерской, и поначалу Вера даже обрадовалась.

Что же теперь будет?

Такое с Верой уже случалось. Обычно после расставания с очередным ухажером. Когда Вера грустная – это настоящее бедствие. Мальчик уже понимает, когда на нее накатит, потому что Вера начинает делать нелепые вещи. Например, стряхнет пепел от сигареты в кофе и выпьет, как будто так и надо, выйдет на балкон без нижнего белья или просто встанет посреди коридора, потому что не может понять, что хотела сделать, куда шла.

Мальчик знает, что, если Вера не выйдет на работу, у них не будет денег на еду. Те, что были в сумке, уже закончились. В кладовке ничего не осталось. Вере словно и дела нет. А вот он никак не может заснуть, так бурлит в животе от голода.

Но самое ужасное, что, когда Вера грустит, она с ним не разговаривает. А если он что-то спрашивает, она не отвечает. Как будто ее здесь вовсе и нет, как будто она оставила тело, а сама куда-то ушла.

Когда они последний раз ели? Мальчик смотрит в календарь. Кажется, уже неделю назад.

Мартина обещала, что будет приезжать раз в неделю, но давным-давно не появлялась. Где же она? Почему она не приезжает?

Мальчик все время хочет спать. Он открывает кран, чтобы попить, и растягивается рядышком с Верой. Несколько дней назад он просил маму покормить его, плакал. Теперь перестал, все равно без толку. Он сворачивается калачиком рядом с телом матери и лежит тихо-тихо, пока его не сморит сон.

Раньше Вера рано или поздно вставала, мылась, и мало-помалу жизнь возвращалась в прежнее русло. Но теперь все иначе. Мальчик боится, что она никогда не вернется. Он думает, что однажды они заснут и больше никогда не проснутся. Он становится все слабее.

Однажды он просыпается от яркого света. Он не может открыть глаза – так ярко светит солнце. Приподняв голову с подушки, он видит, что рольставни подняты. Свет заполняет всю комнату, резкий, словно пощечина.

Кто-то тихонько напевает.

Мальчик протирает глаза. Он устал, но сейчас не время спать. Нужно понять, что происходит. Из ванной раздается голос Веры, напевающей какую-то песенку. Кажется, она в хорошем настроении. У него дрожат колени, приходится держаться за стену, чтобы дойти до ванной. Вот он уже на пороге и видит мать. Она стоит перед зеркалом, совершенно голая. Расчесывает длинные волосы. С каждым прикосновением щетки ее голова наклоняется к правому плечу, резко, точно йо-йо. Она накрасила губы. Песня резко обрывается, она увидела мальчика и лучезарно улыбается ему в зеркало. Такая у нее бывает редко. Потом снова принимается петь.

«Ты прекрасна, как рассвет, ты свежа, как летний сон...»

Он знает эту песенку. Мать всегда поет ее, когда счастлива. Хороший знак, теперь все наладится. Но почему-то песня звучит, а губы Веры не двигаются. Ее голос доносится из другой комнаты. Мальчик оборачивается. Вера уже на кухне. Он видит, что на ней красное платье. Хотя мальчик едва стоит на ногах и все плывет перед глазами, он направляется на кухню.

— Я хочу есть, пожалуйста, — шепчет он, пусть и неуверенно, потому что чувствует, что его вот-вот вырвет.

Вера замирает и улыбается, не произнося ни слова. Вокруг нее разливается облако духов, и мальчик понимает, что она собралась уходить. Действительно, она босиком направляется к двери. Он бросается за ней, но остановить ее не так-то просто.

— Ты куда?

Вера молча направляется к двери и надевает туфли на высоких каблуках.

— Я не хочу тут оставаться. Пожалуйста, не бросай меня.

Но Вера не уходит. Она молчит. Только сейчас мальчик понимает, что она прихорашивается не просто так. Это для кого-то.

Кого же?

Вера кивает в сторону, и мальчик смотрит туда вслед за ней.

Дверь в кладовку вдруг стала зеленой. Кто-то покрасил ее, прежде была обычная дверь. Из-за нее раздается странный шум. Какой-то писк, и будто крохотные коготки скребутся по дереву.

Кто бы там ни был, он хочет выйти.

— Не бойся. Иди. Он ждет... — подбадривает его Вера.

Теперь все ясно. В квартире кто-то есть. Гость. Раздается мелодичный свист, два длинных свистка на разных нотах, нежные до безобразия. Кто-то его зовет.

Мальчик неуверенно подходит к зеленой двери. Пройдя половину пути, он оборачивается, но Веры больше нет. Она исчезла. Он дотрагивается до ручки, но у него нет сил, чтобы открыть дверь. В глазах потемнело. Наконец ему удается потянуть ручку вниз, а дверь на себя. Она медленно открывается. Станным образом свет, разлитый в коридоре, точно испуганный кот, пятится назад. В комнате темно, виден лишь огонек сигареты. Он то разгорается, то гаснет.

— Как дела, парнишка? — спрашивает знакомый голос. — Ты должен бежать на свист, разве ты не знаешь?

В темноте ему удастся различить знакомую фигуру. Это Микки. Он стоит посреди комнаты, среди пустых стеллажей.

— Ну что, на этот раз ты никому ничего не скажешь, верно?

Мальчик кивает.

— Смотрю, волосы у тебя так и не отросли.

Мартина ему обещала, что они отрастут, но этого так и не произошло.

— Тем лучше. Так видно твои шрамы, — смеется Микки.

Еще MARTINA обещала, что Микки не вернется, а он снова здесь.

— Иди сюда, бритая башка, и закрой за собой дверь.

Мальчик испуганно шагает вперед, не может послушаться. Закрыв за собой дверь, он понимает, что Микки прячет за спиной левую руку.

— Говорят, ты все время просишь есть...

Мальчик молчит, но потом кивает.

Микки щелкает языком. Значит, он недоволен.

— Так не пойдет, так никуда не годится. Твоя мать стольким для тебя пожертвовала — и вот твоя благодарность! Ты только и умеешь, что ныть...

— Я больше не буду, — обещает мальчик. — Я больше не буду просить есть.

— Я тебе верю, но давай сделаем так, чтобы ты никогда не забывал о своем обещании.

Горячие слезы катятся по щекам мальчика и каплют на босые ноги.

— Ты ведь понимаешь: так надо, это мой долг, — оправдывается Микки. — Иначе как ты усвоишь урок?

— Не надо... — еле слышно умоляет мальчик. — Прошу тебя...

— Сколько всего ты слопал за эти годы, раз так разжирел? И еще смеешь обвинять свою мать, что она тебя плохо кормит? — возмущается Микки. — Это ради твоего блага, толстяк!

Мальчик изо всех сил сдерживает слезы, но начинает всхлипывать.

— Давай, пора с этим разобраться, — настаивает Микки. Наконец-то он показывает предмет, зажатый в руке.

В темноте предмет переливается серебром.

Мальчик хочет бежать, но понимает, что это бесполезно.

Микки зажимает сигарету зубами:

— Иди сюда и хорошенько раскрой рот...

Любуясь отражением огненного восхода в озере, Чистильщик думал о Микки.

Что-то его тревожило.

До сих пор Микки мирно жил за зеленой дверью и не показывался. Но это был лишь вопрос времени. Скоро он снова даст о себе знать.

Пока же Чистильщик вернулся к работе. Он был не готов менять свои привычки. Поэтому он снова надел рабочую одежду и занялся делом.

Он вновь вернулся туда, где произошло событие, изменившее его планы: на пляж, где спас девочку с фиолетовой челкой, потерял реликвию и ослушался Микки.

Он понимал, что ничего уже не вернуть.

Как он и предвидел, в выходной день узкая полоска пляжа была занята семьями с детьми – свидетельством их пребывания были деревянные урны, набитые остатками пищи и другим мусором. Он осторожно достал пакеты и перевязал их пластиковым жгутом. Прежде чем погрузить их в фургон, натянул на урны новые пакеты.

Выполняя привычные действия, он озибался.

Он снова занялся работой, чтобы иметь повод вернуться на пляж незамеченным. Ему хотелось осмотреть это место и понять, что здесь произошло до того, как он заметил девочку, которую принял за маленького мальчика. Ему было важно восстановить последовательность событий.

Он искал ответ – откуда девочка прыгнула в воду и почему.

Он взглянул шире, думая о направлении течения и о том, куда оно несло утопающую; он мысленно проделал этот путь в обратном направлении. Между островом Комачина и берегом озеро образовывало небольшую запруду. Он остановился и перестал собирать мусор.

Именно там, примерно в ста метрах, он приметил небольшой причал, едва заметный среди бурно разросшейся растительности.

Прежде чем направиться к нему, он настроил будильник так, чтобы тот прозвонил через пятнадцать минут. Это позволит контролировать время и не задерживаться. Затем он с трудом двинулся вдоль холма, продираясь сквозь кусты, которые, казалось, хотели ему помешать. Добраться до места требовало немалого упорства. Нужно было сильное желание попрощаться с жизнью, чтобы так долго пробираться на пирс сквозь спутанные ветви.

Дойдя до причала, он остановился, потому что деревянный настил местами прогнил. Поручни еще держались, но скорее на честном слове, чем на опорах. Страх, что под его весом доски сломаются или что нога провалится в дыру, заставил его остановиться. Но вдруг он заметил, что на противоположном конце причала что-то есть.

Обычный белый полиэтиленовый пакет.

Оставалось либо вернуться назад, либо попытаться дойти до конца настила и посмотреть, что в пакете. У него не было ни малейшей уверенности, что пакет оставила девочка с фиолетовой челкой, но интуиция подсказывала, что пакет имеет к ней самое прямое отношение.

Стрелки часов подгоняли. Он удостоверился, что за ним никто не наблюдает. Убедившись, что вокруг никого нет, он попробовал осторожно проверить, выдержит ли его настил. Неуверенно сделав два первых шага, на третьем он едва не упал. На середине пути пришлось изловчиться, чтобы перепрыгнуть через дыру между досками. Он не хотел снова оказаться в воде — он прекрасно понимал, какие опасности таит эта неподвижная гладь.

Шести минут оказалось достаточно, чтобы добраться до конца помоста. Он схватил пакет и, не теряя времени на изучение содержимого, тут же отправился назад. Он добрался до берега, потом до пляжа и, когда зазвонил будильник, уже карабкался вверх по тропинке к парковке, где оставил рабочий фургон.

Усевшись на водительское место, он услышал собственное учащенное дыхание. Его одолевало странное возбуждение. Смесь страха и любопытства. Так бывает, когда затевается какое-то рискованное предприятие с неясным исходом. Обычно все эмоции доставались Микки, когда он выходил на встречу с очередной избранницей. А Чистильщику, как всегда, — объедки. Но сейчас он чувствовал себя главным действующим лицом. Он немного подождал, чтобы собраться с мыслями, и принялся изучать содержимое пакета.

Внутри была полупустая бутылка виски. «Напиток не для девочки», — подумал он. Но с другой стороны, что он мог знать о подростках? И тогда он понял: она пила, чтобы набраться смелости. Это подтверждало его предположение о спланированном самоубийстве. Потом он нашел какую-то плоскую прямоугольную штуковину.

Примерно три секунды потребовалось, чтобы понять, что это. Поняв, он испугался и решил тут же выбросить опасный предмет. Тот упал под соседнее сиденье, исчез из поля зрения.

У него не было сил сдвинуться с места, и он не понимал, что теперь делать. Сердце пыталось вырваться из груди. У Чистильщика никогда не было мобильного телефона, и он старался держаться от них подальше, ведь подобный предмет лишал его главного преимущества: невидимости. Разговоры по телефону могли попасть в руки полиции или карабинеров. Кто знает, вдруг они уже сейчас следят за ним. Нужно срочно от него избавиться.

Он шарил за креслом, пока не нащупал телефон кончиками пальцев. С некоторым усилием удалось его вытащить.

Но, глядя на него, Чистильщик понемногу успокоился.

Экран телефона был темный, и он понял, что телефон, скорее всего, сломан, разряжен или попросту выключен. Поэтому, прежде чем решить, как именно от него избавиться, он захотел хорошенько его рассмотреть. Телефон был в ярко-розовом чехле с непонятной надписью, окруженной звездочками.

«Ф-а-к», — с трудом прочитал он, проговаривая каждую букву.

Что это значит? Наверное, это имя той девочки.

Микки ужасно разозлится, когда узнает. Правда, телефон можно спрятать. Но Микки в любом случае узнает, так было всегда. Пока Чистильщик размышлял таким образом, в голову ему пришла мысль. Да, телефон опасен. Но не только. Он понял, что раз Фак оставила его на берегу, значит она

надеялась, что его найдут. Наверное, она хотела, чтобы его нашел ее отец, подумал Чистильщик, вспоминая, что она написала на ноге номер. Значит, в телефоне есть что-то важное для нее.

Но что именно?

Эта загадка не давала ему покоя. Но, кроме того, телефон принадлежал ей, и поэтому его ценность становилась бесспорной. Он связывал их, и они становились ближе. Как в ту ночь в больнице или утром на пляже.

Было нечто такое, что связывало их невидимыми нитями. И Чистильщику необходимо было понять что.

15

— Ничего не выйдет, — повторяла Памела по телефону. Само собой, она уже пожалела, что позволила втянуть себя в эту авантюру.

Они договорились встретиться в больнице Святой Анны.

Охотница провела без сна несколько ночей, размышляя о фактах, невольно выданных подругой. На следующее утро, едва рассвело, она вскочила с кровати и уговорила Памелу отправиться в больницу, чтобы убедиться, что все случившееся — просто дурацкая мрачная шутка. Как же она хотела ошибиться. Ей совсем не нужна была новая идея фикс. Она уже предвкушала, что даст психотерапевту повод выставить ей солидный счет. И хотя какая-то ее часть отказывалась верить в самые очевидные вещи, другая не могла не обращать на них внимание.

«Судьба — страшная штука», — думала Охотница, направляясь к Комо. И иногда судьба преподносит занятные сюрпризы. Как, например, тот обломок ногтя.

— Если ноготь принадлежит трупу из Нессо, то до пляжа, где нашли дочь Роттингера, он должен был проплыть примерно двенадцать морских миль, — говорила Памела в трубку. — Девочку нашли в пятницу, а руку нашли вчера, значит предполагаемая жертва бросилась в озеро примерно в этот же день. Слишком мало времени, чтобы течение отнесло ноготь на такое расстояние.

— Вот и я о том же думаю, — ответила Охотница, которая на самом деле уже не знала, что и думать.

— Тогда зачем мы туда едем? — выйдя из себя, крикнула подруга.

— Потому что я хочу ошибиться, — отрезала Охотница, — и только ты можешь в этом помочь.

«Рено» въехал на подземную парковку больницы около семи двадцати. Памела уже ждала там, стояла, опершись на собственную машину, скрестив руки на груди и напустив на себя обычный недовольный вид. На ней была форма, потому что заехать домой она не успевала, нужно было спешить на службу.

— Давай я одна схожу, — сразу выдала Памела, зашагав к Охотнице. — А ты здесь подождешь.

– Даже не думай, – отрезала та.

– Сколько ты уже здесь не была?

Вопрос застал ее врасплох. Именно здесь они познакомились пять лет назад, и с тех пор Охотница ни разу не приезжала в больницу.

– Со мной все в порядке, – заверила она.

Подруга смерила ее внимательным взглядом.

– Ладно, – сдалась Охотница и глазами проводила Памелу до лифта.

Не обращая внимания на запрет курить на территории подземной парковки, она тут же закурила. Она часто посещала травмпункты и больницы в районе Комо и именно там знакомилась с женщинами, которые остро нуждались в помощи. Именно в подобных больницах она начинала убеждать их обратиться в полицию. Сделать это было непросто по очевидной причине. Мужчины, которые способны на насилие по отношению к женщинам, как правило, не из криминальных кругов. Незнакомые люди никогда не заподозрят в таком типе насильника: они вежливы, остроумны, располагают к себе. Вот почему в глазах общества, когда на них заявляют, вечно что-то не сходится. Нужно полностью доверять жертве и понимать, что она терпела много лет, прежде чем подать первый сигнал о помощи.

«Наверное, я и правда слишком многого хочу от людей», – думала Охотница.

Однако, если бы вместо пожизненного заключения за убийство был закон, предусматривающий наказание после первой пощечины, после первого синяка, возможно, все было бы иначе. Но кому-то выгодно поддерживать статистику убийств. Потому что каждое убийство – это сенсация, а главное, трупы уже не смогут заговорить. Лучше пусть будет мученицей, чем дурочкой, признающей, что ее одурачил тот, в кого она влюбилась.

В эту секунду она подумала о том, успела ли женщина, чью руку нашли близ Нессо, попросить кого-то о помощи, прежде чем пошла на дно.

Охотница бросила на землю окурков и затушила ботинком. Она отлично знала все больницы, но в Святую Анну старалась не заглядывать. Она думала, что не осмелится снова оказаться в этих стенах. Вот почему она обратилась к Памеле – не только ради ее статуса и возможностей. И правда, пока она ждала на парковке, внутри нарастало неприятное беспокойство.

Затем послышались шаги. Она инстинктивно огляделась, но никого рядом не было. Как же так?

Она попыталась дышать ровнее, как советовал делать психотерапевт при первых признаках панической атаки. Вскоре стояло ясно, что призраков вокруг нет.

Шаги, которые ей послышались, – то были ее собственные шаги, что раздавались здесь июньским вечером много лет назад.

К счастью, двери лифта открылись, и ей навстречу вышла Памела.

– Ну что? – нетерпеливо спросила Охотница.

Та пожала плечами:

– Как я и думала, пустая трата времени.

— Что тебе сказали насчет ногтя? — настаивала Охотница, не обращая внимание на видимое недовольство Памелы.

— Обнаружение инородного тела во рту после пребывания в воде — не такая уж редкость. Равно как и в легких, и даже в желудке. Как правило, это мелкий мусор, но случаются и другие находки, — заметила Памела.

— Ясно, но они его сохранили?

— Незачем было.

Охотница не смогла скрыть разочарование.

— Но ты дала им понять, что он может быть связан с другим расследованием?

— Да, я так и сказала, но они уже выбросили его вместе с другими отходами, — нервно ответила Памела.

В душе Охотница понимала, что это логично, особой надежды не было. Но нужно было хотя бы попытаться.

— Не знаю, зачем я тебя слушаю, — разгорячилась Памела.

— Ты доложишь начальству?

— Не смешно. Без ногтя мы не можем сравнить ДНК. Так что сейчас это два разных образца, принадлежащие разным женщинам, как ни крути.

Но Охотница не сдавалась. Она шла за Памелой до самой машины и, прежде чем та успела открыть дверь, встала между ней и кабиной.

— Я знаю, что тебе это кажется абсурдным, но я нутром чую, что дело нечисто.

Памела закатила глаза, показывая, что теряет терпение.

— Я не стану докладывать об этом начальству, даже не думай. Все не так просто, ты и сама знаешь.

Да, Охотница знала.

— Слушай, вчера ты пришла такая встревоженная, напряженная. Не думай, что я не заметила.

— Это все из-за Джорджи, — призналась Памела. — Она вбила себе в голову, что мы должны рассказать всем правду. Но как мне с этим быть? Меня могут уволить.

— А ты не сказала ей все как есть?

— Что именно?

— Что на твоей работе женщине и так непросто, даже если не рассказывать направо и налево, что встречаешься с кем-то своего пола.

Но Памела слишком гордилась своим положением и не готова была признать, что коллеги и начальство как-то не так к ней относятся. Ее лицо потемнело, а черты стали жестче.

— Если я тебе помогаю, это еще не значит, что ты можешь судить о моих отношениях и раздавать советы.

— Я этого не утверждаю, как раз наоборот, — согласилась Охотница. Ей хотелось добавить, что на эту тему любит рассуждать психотерапевт, но тут зазвонил телефон.

Опять незнакомый номер. Видимо, снова за счет принимающего абонента. Она сбросила, не глядя.

— Почему ты сбрасываешь? — спросила Памела, невольно заметив жест подруги.

— Опять реклама, — солгала та.

Памелу ответ вполне устроил, а может, она не хотела вдаваться в подробности. Как не хотела и продолжать разговор о своей личной жизни. Поэтому она вернулась к теме расследования.

— Может быть, все же оставишь в покое этот ноготь и руку?

— Нет, — отрезала Охотница.

Памела открыла дверцу машины, подвинув подругу в сторону, всем своим видом давая понять, что на сегодня с нее хватит. Она наклонилась к сиденью, но вдруг резко обернулась и протянула Охотнице какую-то папку.

— Что это?

— Копия дела девчонки Роттингер. Расследование несчастного случая на озере закрыто. Я хорошо тебя знаю, так что решила предоставить ответы до того, как ты начнешь задавать слишком много вопросов и нарвешься на неприятности.

— Почему я должна нарваться на неприятности? — самодовольно спросила Охотница, хотя знала, что так бы и случилось.

— Я же тебе говорила — отец девочки готов на все, чтобы замять дело.

— Интересно почему, — заметила Охотница; она думала, на то есть еще какая-то причина.

— Сама подумай, что будет, если он узнает, что человек с твоим прошлым копается в его грязном белье, — честно ответила Памела.

Как ни неприятно слышать подобное, Памела права. Человек с ее прошлым. Охотница взяла папку и молча направилась к своей машине.

Он постоянно натывался на них.

Они были повсюду — посреди улицы, на вокзалах, на остановках — люди-зомби, прилипшие к светящимся экранам перед глазами. Этот свет мало-помалу высасывал их души, решал за них, что делать, что говорить, как поступать. Никто уже не смотрел, куда идет, что его окружает, не оглядывался по сторонам. Люди плакали или смеялись, глядя в экран словно

зачарованные. Физически они существовали, и в то же время их как бы и не было.

Чистильщик часто спрашивал себя, как он устроен, этот параллельный мир, в котором люди проводили теперь большую часть жизни. Сам он никогда в нем не бывал и боялся к нему прикоснуться, потому что не знал, как этот мир устроен, и страшился потерять свою невидимость. И все же после обнаружения телефона Фак у него проснулся огромный интерес к этому миру.

После работы он сел в автобус и принялся шпионить за пассажирами, рассматривая, как они пользуются телефонами, чтобы дома попробовать повторить их действия.

«Ничего у тебя не получится, ты просто маленький debil!»

Сколько раз он слышал это от Микки? Со временем он и сам стал думать, что Микки прав. Может быть, все дело в том, что ему пробили голову в двух местах, но если надо было что-нибудь усвоить, ему действительно требовалось некоторое время. К счастью, в мире были вещи, для которых особого ума не требовалось, и с ними он прекрасно справлялся.

В частности, он отлично умел плавать и убирать мусор.

Телефон Фак лежал в кармане куртки. Изредка Чистильщик похлопывал по карману, проверяя, на месте ли аппарат, потому что боялся его потерять. Он знал, что это маловероятно, и все же не хотел рисковать. Он подумал, что, если он вдруг достанет телефон и начнет в нем копать, другие пассажиры ничего не заподозрят. Он даже станет похож на них, впервые в жизни. Эта мысль показалась ему заманчивой. Но потом он вспомнил о розовом чехле и имени девочки с фиолетовой челкой и передумал.

Нести телефон домой было страшно. Его могла отследить полиция. Кроме того, нужно было держать его как можно дальше от Микки. После долгих размышлений о том, где можно спрятать телефон, на Чистильщика снизошло озарение.

После долгого дня разъездов он вышел из автобуса. Было уже около семи вечера. В сумеречном свете он направился вверх по знакомой улочке. Вокруг царила гробовая тишина. Он проходил мимо домов, которые видел прежде лишь при свете первых солнечных лучей, завершая рабочую смену. Теперь же во многих окнах горел свет, можно было разглядеть фигуры людей. Мамы готовили ужин детям, папы заворачивали их в полотенце после душа или сидели за столом и делали вместе с ними домашнее задание. Он завидовал, потому что в его детстве ничего подобного не случилось. А теперь было слишком поздно.

Неспешно прогуливаясь по кварталу, точно случайный прохожий, он подошел к единственному неосвещенному дому.

Дом номер 23 ждал его.

Он узнал стрельчатое окошко с опущенными кружевными занавесками, в которое не раз заглядывал прежде. Гортензия на подоконнике засохла, котов не было видно. Чистильщик осторожно огляделся, чтобы никто его не заметил. Он перемахнул через калитку, быстро прошел по лужайке. Обогнул невысокий домик и оказался на заднем дворе у небольшого огорода. Как он и предполагал, в доме был черный ход.

Он взломал дверь и оказался внутри.

Узкое помещение служило прачечной. Чистильщик прислушался. Ни звука, ничто не настораживало его. Каждый предмет дома обволакивала плотная, текучая тишина. На стене висела фотография его подруги Магды, которая радостно ему улыбалась. Чистильщик подошел и снял снимок в рамке со стены. Он осмотрел кухню, где стены были обклеены обоями цвета соломы, столовую, где стояли стол и буфет, гостиную, где было два дивана, телевизор, несколько керамических статуэток, вазы с искусственными цветами. Осваиваясь в доме, он мимоходом собирал фотографии хозяйки, чтобы затем избавиться от них при малейшей возможности.

Наконец он добрался до лестницы наверх.

Туалет, гардеробная, увешанная платьями и заставленная туфлями, столик для макияжа. На нем стоял флакончик духов. Чистильщик открутил крышку, принюхался и сразу узнал запах женщины, с которой познакомился в «Блу». Он повернулся к двери в спальню. На кресле расположились пять кошек – кто-то спал на спинке, кто-то на подлокотниках. Все на месте, лишь слегка осунулись. Серебристый кот приподнял голову и уставился на него, а за ним и остальные.

Спустившись в кухню, Чистильщик насыпал в миски щедрую порцию сухого корма и налил воды. Поставил миски на пол. Кошки жадно принялись за еду. Он наблюдал за ними с порога. Зачем же он решил их покормить? Когда он сам в детстве неделями мучился от голода, никому не было до него дела. Так что судьба кошек уж явно не его проблема. Что же с ним происходит? Ища ответ, он остановился на том, что, по крайней мере, не придется закапывать кошачьи трупы. Однако этот ответ не особенно его убедил.

Разобравшись с котами, он наконец решил заняться телефоном.

Усевшись за стол, он положил телефон перед собой и принялся рассматривать. Сбоку у телефона было несколько кнопок – видимо, чтобы включить. Он решил нажать самую большую, посередине, но ничего не произошло. Он нажал ее снова. На этот раз на черном экране появилось надкушенное белое яблоко. Казалось, на этом все, но через несколько секунд экран засветился и аппарат ожил.

Дисплей заиграл всеми цветами радуги. Сначала на нем появился светящийся розовый череп, потом постепенно высветились какие-то маленькие картинки с подписями. Еще через какое-то время телефон внезапно разразился множеством звуков, на нем начали выскакивать надписи, фотографии, и это было самое любопытное, потому что стало ясно, что все это копилось в телефоне бог знает сколько времени и теперь, когда он включился, разом посыпалось наружу.

Чистильщик внимательно разглядывал телефон, не совсем понимая, что делать дальше. Он надеялся, что телефон сам перестанет трезвонить.

И действительно, через несколько секунд телефон замолчал. После подобных странностей Чистильщик не понимал, как вести себя с этим устройством. Он выжидал, разглядывая символы на главном экране и пытаясь прочесть надписи.

Его взгляд упал на разноцветный цветочек, под которым было написано «Галерея».

Он нажал пальцем на иконку. На экране появились новые символы, он выбрал один из них наугад и обнаружил альбом с фотографиями. На фотографиях была Фак. «А вот и ты», – подумал Чистильщик. Приятно было снова ее увидеть.

На некоторых снимках девочка с фиолетовой челкой красовалась перед объективом в разных позах, в основном смешных, и на ее лице застыло выражение, которое он не мог истолковать. Казалось, она ищет поддержки и одобрения. На других фотографиях Фак была с подружкой. Подружка носила брекетты. Фото были легкомысленные, местами дерзкие. По большей части фотографии были сделаны в школе или на дискотеке. На некоторых снимках девочки сидели на скутере, на других просто стояли. На каждом снимке Фак всегда была в новой одежде, по большей части в футболках и рваных джинсах. Чистильщику показалось странным, что дочь богатых родителей ходит в таком рванье. Неужели у нее нет денег на нормальную одежду? Или она носит это в знак протеста? Бог знает почему, но это ее выбор. Может, она хотела оставаться незаметной, как и он? На двух фотографиях Фак была накрашена, причем довольно вызывающе. Чистильщику они совсем не понравились — она ведь еще ребенок, к чему этот взрослый и пошлый вид. «Это не мое дело», — подумал он про себя. Но может быть, раз он ее спас, можно и сунуть нос не в свое дело. Фотографии все не кончались, новые и новые картинки высвечивались на экране, их были сотни. Особенно ему понравилась одна.

На ней Фак в пижаме лежала на розовой кровати с балдахином — очевидно, в своей комнате, — и без косметики у нее было совсем невинное лицо. Она обнимала игрушку — большого белого медвежонка.

Чистильщик решил, что это будет его любимая фотография.

Нажав случайную кнопку, он вздрогнул от неожиданности. Из телефона полилась музыка. Мужской голос запел какую-то грустную песню на непонятном языке. И хотя Чистильщик не понял ни слова, ему показалось, что эта песня о нем.

Everyone cries...

Everyone tells each other all kinds of lies...

Everyone falls...[1]

Он закрыл глаза, погрузившись в музыку. Такое с ним случилось впервые. Музыку он не любил. Сейчас он испытывал какое-то необычное, прежде неведомое чувство. Все было для него впервые. Такое новое и такое странное. У него словно закружилась голова. Он испуганно открыл глаза. Что же с ним происходит? Он не мог объяснить чувства, которые обрушились на него подобно буре. Опасаясь, что эмоции окончательно захватят его, он снова нажал боковую кнопку и выключил телефон.

Фотография девочки с белым медвежонком исчезла, музыка смолкла.

Ближе к вечеру над озером поднимался туман, от которого одежда становилась волглой, а на предметах появлялся белый налет.

Вернувшись домой, Охотница сразу же разожгла камин. Тепло избавило ее от неприятного ощущения чего-то влажного и липкого на коже.

На обратном пути она остановилась у небольшого магазинчика купить пива и сосисок. Готовить было неохота, поэтому она ела их сырыми. Выложив сосиски на тарелку, чтобы придать им хотя бы видимость нормального блюда, она устроилась на диване, прихватив с собой банку теплого пива. Не снимая обуви, завернулась в одеяло. Потрескивание поленьев и пляска языков пламени как будто гипнотизировали. Она не сопротивлялась.

Сегодняшний день она провела с многодетной матерью, которая наконец-то решила подать заявление в полицию на избивающего ее мужа. Он лупил ее ремнем. Охотница проводила женщину в травмпункт, где зарегистрировали побои, и внимательно выслушала ее историю, которая длилась вот уже двадцать шесть лет и которую женщина впервые, с удивительной стойкостью, поведала полиции. Примерно столько же лет прошло со дня ее свадьбы в этом несчастливом браке. Самым шокирующим в истории этой женщины были не систематические побои или хитрость ее мужа, который старался бить ее строго по тем частям тела, которые всегда прикрыты одеждой, но то, что пятеро детей, выросших в этой семье, ничего не подозревали. Охотнице потребовалось почти восемь месяцев, чтобы убедить женщину раскрыть правду. Силы покинули ее.

В лежащей на полу сумке виднелась папка, которую Памела отдала ей на парковке больницы. Копия дела о несчастном случае с тринадцатилетней дочерью Роттингеров. Собрать документы — обязанность полиции, однако их не используют в суде, поскольку продолжения дела не предвиделось. До сих пор у Охотницы не было ни минуты, чтобы его посмотреть. Или, может, она находила предлоги не делать этого.

«Сама подумай, что будет, если он узнает, что человек с твоим прошлым копается в его грязном белье...»

Да, Памела права. Страх, что ее надежно схороненное прошлое всплывет из бездны забвения, тревожил ее не на шутку.

Вот почему Охотница приглядывала за этим домом, охраняла его.

Но она не могла успокоиться, не разобравшись с несчастным случаем на озере. Несмотря на усталость, она протянула руку к сумке, поставила на пол банку с остатками пива и вытащила папку. Зубами разорвав конверт, она достала документы и принялась читать их в золотистом свете горящих поленьев.

Рапорт был довольно сдержанный — скорее всего, одобренный родителями девочки. Из него следовало, что в пятницу она прогуляла школу и отправилась на озеро. Она на автобусе добралась до берега озера напротив острова Комачина, водитель подтвердил, что с ней никого не было. Затем повествование обрывалось и переходило сразу к моменту падения в озеро «очевидно, вследствие попытки снять селфи».

Памела упомянула, что в крови подростка был обнаружен алкоголь, бумаги это подтверждали. Подруга была права: ничего особенного в этом деле не было, типичное поведение подростка.

Затем описывалась операция по спасению девочки. Эта часть интересовала Охотницу больше всего. Свидетели, прибежавшие на пляж, чтобы удостовериться, что с девочкой все в порядке, сообщили, что заметили мужчину, который, рискуя жизнью, бросился в воду, чтобы помочь девочке. Ему удалось вытащить ее на берег, после чего он попытался реанимировать подростка.

А затем скрылся.

Охотница подумала, в какой момент из описанных в этом рапорте ноготь оказался у девочки во рту. Он мог попасть ей в рот, пока ее несло течением и она жадно пыталась вдохнуть. В этом случае вероятность, что ноготь принадлежал женщине, чья рука была найдена в районе Нессо, совсем мала, абсолютно иллюзорна. Но могло существовать и другое объяснение, неочевидное. Должно быть нечто, на что никто не обратил внимания, но все же о нем упоминалось в изложении событий.

Едва Памела рассказала Охотнице о случившемся, у той сразу же возникла безумная идея. Идея постепенно принимала все более четкую форму, но Охотнице не хватило смелости заговорить об этом с подругой. Та наверняка не восприняла бы ее всерьез и посмеялась над очередной бредовой версией. Версия выступала против того, кому приписывали роль героя-спасителя. Самого загадочного персонажа в этой истории.

«История никогда не бывает однозначной», — думала Охотница, и ее собственный опыт это подтверждал. Жизнь — это лабиринт, в ней так много неожиданных поворотов. Иной раз наткнешься на закрытую дверь в параллельную реальность, в другую версию твоей же собственной жизни.

И таинственный спаситель мог оказаться ключом от такой двери.

Почему он совершил благородный поступок и скрылся? Впрочем, если ему было что скрывать, почему он бросился на помощь незнакомой девочке? А если он знал, кто она? А если он был виновником того, что случилось? Нет, этот вариант отпадал, иначе Роттингеры не пытались бы замять эту историю и полиция взялась бы за его поиски.

Охотница взяла сосиску и надкусила, не отрывая взгляда от рапорта. У каждой правды есть слабое место. Такие выводы она сделала из собственной жизни. Но оставался нерешенный вопрос, который должен был насторожить следователей.

Что делал на озере таинственный спаситель?

Пока Охотница думала над ответом, в комнате раздавалось равномерное тиканье часов с кукушкой, которые отец когда-то выиграл на соревнованиях по рыбной ловле. Она была еще девочкой. Охотница отодвинула тарелку, не прерывая ход мыслей, есть больше не хотелось.

Каждый из свидетелей находился на пляже не просто так. Один работал садовником на вилле у Комачины, трое строителей занимались ремонтом ближайшего к озеру дома, еще один — почтальон, он как раз развозил утреннюю почту. Таинственный спаситель мог оказаться на озере и чисто случайно, но что-то не сходилось. Охотница прекрасно знала этот пляж, в выходные он был забит семьями с детьми и туристами. В будни же на нем не было ни души. Она попыталась представить, исходя из тех немногих сведений о нем, что имела, зачем незнакомец мог оказаться на пляже.

О нем было известно, что он отлично плавает и что он смог оказать девочке помощь после спасения, откачав ее.

Может, он профессиональный спасатель? Водолаз? Врач? Медбрат? Тот, кто способен оказать первую помощь, так или иначе. Но если внимательно посмотреть на медицинскую карту юной Роттингер, эта версия отпадает: вывихнутое плечо и треснутые ребра говорили о том, что помощь была оказана не профессионально. Как раз наоборот.

В карте значилось, что у девочки были судороги, однако незнакомец поместил ей в рот какой-то предмет, чтобы она не прикусила язык.

Охотница задумалась над этой деталью. Из текста рапорта было непонятно, что именно он мог использовать. Оно было под рукой — ветка? Лоскут одежды? Своей или девочки? Внутри зашевелилось любопытство: Охотница откинула одеяло, села, поджав под себя ноги, и разложила бумаги перед собой, ожидая озарения или подсказки.

В папке было несколько фотографий.

На фотографиях были кеды «Конверс», темные джинсы, футболка, рюкзак девочки. И бежевый носовой платок в клетку. Охотница внимательно рассмотрела фотографии. Платок лежал в прозрачном пакете. Не похоже, что он мог принадлежать девочке-подростку. Платок очевидно был мужской. «Вот что он засунул ей в рот», — подумала Охотница, доверившись шестому чувству. А в платке был обломок ногтя. Причинно-следственная связь, от которой не отмахнуться. Цепочка складывалась логичнее некуда. Но Охотнице этого было мало, ведь оставалось самое сложное.

Нужно найти этот чертов платок.

Вдруг на нем осталась ДНК утопленницы из Нессо. Однако не стоило строить иллюзии раньше времени. Поскольку дело не возбуждено и вещи не считались уликами, их, скорее всего, вернули Роттингерам. Так что они могли уже потерять или выбросить ненужный платок, как в больнице поступили с кусочком ногтя.

Мысли Охотницы снова обратились к загадочному спасителю. Вокруг него стремительно сгущалась мрачная атмосфера неразгаданной тайны. Как будто в доказательство этого Охотницу била дрожь. «Опять паранойя, — думала Охотница. — Или все-таки нет».

С женщиной из озера произошло что-то ужасное. Что происходило здесь и сейчас. Снова.

29 ноября

«Держи рот на замке, — думал мальчик. — Молчи». При попытке что-либо сказать изо рта вырывался сип и потоки слюны. Приходилось сплевывать. Оставалось только молчать.

— Что с тобой? Чего замолчал? — спросила Мартина, направляя машину в плотном потоке.

Она усадила мальчика на переднее сиденье и пристегнула. Их лица на мгновение оказались совсем близко. Он чувствовал ее дыхание. От нее пахло чем-то сладким. Это был самый прекрасный миг в его жизни, но ему было бы стыдно в этом признаться.

Она не собиралась мириться с его молчанием.

— Хочешь послушать радио? — спросила Мартина и потянулась к приемнику. Он перехватил ее руку. Музыку он не любил. Каждый раз, когда Микки

наведывался к Вере, она включала музыку, чтобы соседи не слышали, что они творят.

— Он испытывает тебя на прочность, — оправдывалась Вера. — Микки хочет, чтобы ты вырос сильным. Настоящим мужчиной, прямо как он.

Но мальчик боялся его как огня, ему надоело учиться смелости через страх. Иной раз он с нежностью вспоминал прежних ухажеров Веры. К счастью, приехала Мартина и забрала его. И спустя месяц, который он провел в больнице, она везла его в детский дом, где жили такие же дети. Но ни волосы, ни зубы у него больше никогда не вырастут. А значит, над его шрамами станут смеяться.

— Мартина, что не так с моим прошлым? — спросил он, прикрывая рот рукой.

Девушка на мгновение взглянула на него и снова перевела взгляд на дорогу.

— Ты это о чем?

— Ты сказала Вере, что, если усыновители узнают о моем прошлом, никто не захочет меня взять. Что с ним не так?

— Ты все неправильно понял, — ответила Мартина, не глядя на него.

До коричневой громады приюта они добрались уже под вечер. Чемодан мальчик не взял — все вещи были на нем. Мартина сказала, ему выдадут все, что нужно.

— Здесь ты будешь в безопасности, — заверила она.

Он понял, что она намекает на Микки. Ему снова удалось уйти. Когда он спросил о Вере, Мартина ответила, что его мама больна и ее теперь будут лечить.

— Слушай, — сказала Мартина, наклоняясь к нему и глядя прямо в глаза. — Не стану тебе врать. Сначала будет нелегко. Но со временем все наладится, и тебе здесь понравится.

Мальчик не понял, что она имеет в виду, не знал, чего ждать, чего бояться. Перед отъездом Мартина наклонилась и поцеловала его в лоб. Вера не сделала этого ни разу в жизни. Потом Мартина ушла.

Все еще чувствуя на лбу влажный отпечаток ее губ, мальчик пошел вслед за монахиней по длинным пустым коридорам. В здании было холодно и пахло супом. Они вошли в большую темную комнату. Повсюду были расставлены кровати, и на каждой — спящий ребенок. Монахиня указала ему свободное место.

— Завтрак в семь, — буркнула она, протягивая ему крохотное полотенце и мыло. — Тщательно умойся и не забудь прочесть молитву, — добавила она и ушла.

Когда ее шаги затихли, он разделся, положил вещи на стул и забрался под одеяло. Закрыв глаза, он постарался как можно скорее заснуть.

Казалось, его новые товарищи тоже погружены в молчаливый сон. Но вдруг послышались тихие звуки, чье-то дыхание, кто-то ворочался на скрипящем пружинами матрасе, шелестел простынями. Звуки нарастали, шепот перешел в ясные голоса. Послышался топот босых ног. Мальчишки окружили его кровать, рассматривая новичка. Не открывая глаз, он чувствовал, что они рядом, за шторами опущенных век улавливал движения теней. Послышались голоса,

смешки. Мальчишки обсуждали его бритую голову, его шрамы. Они насмехались над ним.

— У него нет ни волосинки, он похож на червяка.

«Нет, я не червяк, я мальчик», — хотел ответить он, но предпочел делать вид, будто спит, в надежде, что им наскучит его разглядывать. Но все стало только хуже. Кто-то толкнул его, сначала аккуратно, затем сильнее, а потом ушипнул.

— Червяк не спешит просыпаться. Наверное, он умер, — усмехнулся кто-то. На что другой голос ответил ему:

— Сейчас я его разбужу.

Послышался непонятный звук, и теплая струя брызнула ему прямо в лицо. Он почувствовал кислый запах мочи.

— Просыпайся, жирный червяк, — закричал все тот же мальчишка, направляя на него струю. Мальчик продолжал лежать, зажмурившись, но слезы сами хлынули из глаз. Сдержать их не было сил. Плача, он совершил другую ошибку и разжал губы.

— У него рот как у младенца, беззубый.

«Подойди и хорошенько раскрой рот...»

Смех и крики становятся все громче, его захватывает водоворот голосов. Насмешки переходят в шлепки. Его бьют по заднице и по почкам. Кто-то из мучителей наклоняется к нему и истошно орет в самое ухо. Мальчик держится изо всех сил, но понимает, что сейчас оглохнет. Тогда он резко вскакивает и бросается на обидчика. Застигнутый врасплох, тот не успевает защититься. В его глазах читается удивление, которое затем сменяется ужасом, меж тем как лицо напавшего расплывается в беззубой, нечеловеческой и злобной усмешке. Он впивается в лицо обидчика и испытывает неожиданное чувство удовлетворения. Чувство, которое не должен испытывать ни один ребенок.

18

Ветер расходился в ветвях большой липы под окном и словно играл с льняной скатертью на столе, прячась под ней. Девочка с фиолетовой челкой задирала голову, подставляя щеки ветру. Прежде она не ценила все эти мелочи. Но теперь, оказавшись в инвалидном кресле, у нее было время замечать все вокруг.

Утром отец распорядился, чтобы ее вывезли завтракать в сад, в беседку. Рядом с фонтаном, но подальше от вида на озеро, чтобы не беспокоить ее воспоминаниями о происшествии, как он это называл. Ее мнения никто не спросил. Поэтому она устроилась у накрытого стола, на котором возвышалась корзина с круассанами, разными баночками джема, сладкими гренками, апельсиновым соком и яичницей-болтуньей.

Отец привык все планировать; дома, как и на работе, все было расписано, поэтому его нисколько не волновало, что она терпеть не может яйца.

Даже завтрак был частью представления. Все должно было как можно скорее вернуться в прежнее русло. «Случай на озере подлежал забвению, жизнь продолжалась, нужно было сохранять видимость, будто ничего не произошло», — одновременно насмешливо и торжественно сказала она про себя. Несмотря на свои тринадцать лет, она быстро усвоила правила поведения семьи Роттингер. Для каждого события в доме было свое правило этикета, даже там, где это было совсем неожиданно. Вот почему не стоило удивляться, что случившееся не смогло нарушить привычную жизнь этого дома. Даже на случай непредвиденных обстоятельств вроде «едва не утонувшей дочери» были четкие правила поведения.

Мысли девочки снова и снова возвращались к моменту, когда чья-то рука выдернула ее из темной пучины. При мысли об этом прикосновении по телу побежали мурашки. Больше вспомнить было особо нечего.

Она так ничего и не съела. Во рту сохранялся неприятный привкус, намертво отбивавший аппетит. Привкус озера. Словно она проглотила донную рыбу. Внутри еще сохранялось ощущение, будто рыба шевелилась в животе. Любая еда казалась скользкой и отдавала озером. А может, все дело было в таблетках — это они придавали еде мерзкий вкус. Она не сомневалась, что в апельсиновый сок, сверкавший в хрустальном бокале, подмешали какое-нибудь успокоительное: мать втихаря подливала его во все подряд по совету врачей. Они уверяли, что почти ничего не помнить о случившемся — это хорошо, что рассудок так справляется с шоковым состоянием. Только девочке никак не удавалось забыть одну деталь. Она боялась, что ей не поверят или, что гораздо хуже, сделают вид, будто поверили, а на самом деле солгут.

Придя в сознание, она увидела перед собой светящееся ангелоподобное существо.

Точнее, чей-то силуэт, подсвеченный, окруженный солнечным светом, что пробивался сквозь зеленые ветви. Над ней склонился какой-то безликий гигант, который посмотрел ей прямо в глаза и затем внезапно исчез.

Как бы и ей исчезнуть. Но нет, теперь она прикована к коляске.

Девочка опустила глаза и взглянула на ногу, до колена упрятанную в ортез. Специально приглашенный из Швейцарии врач уверил, что с лодыжкой будет все в порядке и дополнительной операции не потребуются, но на восстановление уйдет не меньше месяца. То есть все лето коту под хвост. Хотя в таком раскладе, возможно, были и положительные моменты.

Уж для родителей-то точно.

Несмотря на то что девочка была одна в беседке, от нее не могли ускользнуть внимательные взгляды старого садовника, который подстригал розовый куст, и прислуги, что под разными предлогами кружила возле беседки, стараясь держаться подальше и не бросаться в глаза. За ней присматривали. Она была уверена, что по наказу матери. Чего мать боялась? Что дочь вскочит с кресла и захромает к озеру, желая снова прыгнуть в воду?

Чтобы показать, что все хорошо и ей доверяют, родители купили ей новый айфон, самой последней модели. По их версии, прежний телефон упал в озеро во время злополучного селфи. Ей претила мысль, что ее выставили такой идиоткой. Но истинные причины никого не интересовали.

Может, она и сама до конца их не осознавала.

В то утро она проснулась со странными мыслями. Трудно было даже объяснить почему, но что-то подтолкнуло ее украсть из барного шкафчика отца бутылку виски, спрятать ее в рюкзаке, сесть на автобус, идущий по неизвестному маршруту, и выйти на неизвестной остановке. На остановке не было ни души, и она сама не знала, почему решила сойти именно там. С дороги она заметила ветхий причал, скрытый за зелеными ветвями. Спустившись по заросшему кустами берегу, она добралась до пляжа. Там она села на песок и написала на икрах телефон отца. Потом еще на руках и на животе. Затем выпила виски из горла – глотку сильно обожгло. Она засунула полупустую бутылку и телефон в найденный на берегу пакет.

Дальше все было как в тумане.

Часто она проклинала своего загадочного спасителя, который не дал ей отправиться на тот свет. Но потом раскаивалась и благодарила его за то, что он не дал пучине поглотить ее. Кто знает, что было бы, окажись она там, на дне, в полной тишине.

– Смотрю, ты не притронулась к новому телефону, – заметила мать, подойдя к девочке сзади. На матери была белая юбка, подчеркивающая бедра, и шелковая блузка. Мать всегда была такой красивой, элегантной, и хотя все говорили, что они похожи, рядом с ней девочка с фиолетовой челкой всегда чувствовала себя некрасивой и нелепой. – Ты даже коробку не открыла.

– Потом, – неуверенно ответила девочка.

– Странно. Раньше ты ни на минуту от него не отлипала, – покачала головой мать.

Раньше. Это слово оказалось единственным доказательством случившегося, единственным отклонением от правил, которые предполагали похоронить в прошлом произошедшее на озере. Все сосредоточились на будущем, даже не задавая вопросов, почему ей больше не нужен телефон. Вообще не нужен.

– Если уж вы так хотите мне что-нибудь подарить, можно я выберу сама? – заметила девочка.

– Ну давай. И что тебе подарить? – невозмутимо поинтересовалась мать.

– Костыли.

– Но врач сказал, что еще рано.

– Он сказал, что я могу попробовать ходить на костылях, когда буду готова, – парировала дочь.

Мать скрестила руки на груди и вопросительно посмотрела на нее:

– И куда это ты собралась?

– На вечеринку.

Вечеринка была в честь окончания учебного года, встречу хотели устроить в доме одной одноклассницы. С ее семьей в городе считались.

– И речи быть не может, – отрезала мать.

Такой реакции можно было ожидать. Но ей было необходимо там появиться. И не потому, что это была крутая вечеринка, куда стремились попасть все ее сверстники. На это ей было плевать.

Ей нужно было встретиться с одним человеком.

Иначе рано или поздно она бы снова бросилась в озеро. А после того, что она пережила, ей совсем не хотелось снова ощущать, как ее засасывает водная бездна, как перехватывает дыхание, как силы покидают тело.

— Ты еще не до конца оправилась, — настаивала мать, стараясь выглядеть непреклонной. Но дрожь в голосе выдавала ее страхи: она боялась, что с дочерью снова случится беда.

Если не удавалось уломать даже мать, что уж говорить об отце. Но девочка умела выкручиваться:

— Вы сказали журналистам, что со мной все в порядке. Если я не приду, поползут слухи...

Она не договорила, надеясь, что часть фразы уже произведет должный эффект. Судя по тому, что на лице матери выразилось недоумение, цель была достигнута. Больше всего на свете эта женщина боялась пересудов. Но ее пугали только сплетни среди ближайшего круга знакомых — до простых смертных ей не было дела.

— Поговори с отцом, — процедила она.

Дочка только этого и ждала — первая брешь в обороне матери была пробита. Хрупкая, пусть и энергичная синьора Роттингер сдавалась. Несмотря на то что она завоевала сердце самого Гвидо Роттингера и, по мнению светской хроники, имела над мужем особую власть. На самом деле она полностью подчинялась воле мужа-тирана и плотно сидела на антидепрессантах.

Не успела мать что-нибудь добавить, к беседке подошел дворецкий с листовкой.

На ней была всего одна фраза: «Ты и есть выход!»

Дворецкий тихо заговорил с хозяйкой вполголоса — девочка ничего не разобрала, но не обижалась, когда при ней шептались. Этому мужчине была свойственна деликатность в таких вопросах. Девочка краем уха уловила лишь обрывок фразы: «Она ждет вас в кабинете».

К матери кто-то пришел. Что ж, тем лучше.

Будто в подтверждение этой мысли, синьора Роттингер направилась к дому. Кем бы ни была незваная гостья с листовками, девочка была рада, что разговор прервался. Расслабившись, она потянулась к стакану с апельсиновым соком. И ничего, что там могло быть успокоительное: она надеялась, что лекарства отвлекут ее от мрачных мыслей. Потом она закрыла глаза и подставила лицо ветру. Однако тут же снова очнулась, в порыве ветра что-то уловив.

Знакомую мелодию.

Мелодия тут же затихла, точно ей почудилось. Девочка огляделась. Казалось, за забором все тихо и никого нет. Неужто это чья-то глупая шутка? Но вскоре музыка зазвучала снова. Грустный голос напевал знакомые слова. Она узнала песню и замерла. Это было предупреждение, напоминание о долге. Его посылало озеро.

Песня «Everyday Life» группы Coldplay.

Та самая, которую она слушала в автобусе по дороге к озеру, прежде чем броситься в воду.

19

В таких домах она прежде не бывала. Разве что в фильмах видела.

Она припарковала старенькую «клио» у ворот. Не зная, какого приема ожидать, робко нажала кнопку звонка. К ее удивлению, ей не только открыли, но и пригласили войти. Она была уверена, что к хозяйке ее не допустят. Однако вышколенная прислуга сразу же отправилась за дворецким. До этого Охотница думала, что и дворецкие существуют только в детективных романах. Но нет, к ней вышел мужчина в пиджаке и при галстукe, с безукоризненными манерами. Кто знает, что он писал в своем резюме. Пока в голове вертелись эти глупые вопросы, Охотница поняла, что у нее нет даже визитки, поэтому она протянула дворецкому одну из своих листовок, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы встретиться с хозяйкой дома.

Хватило намекнуть, что она пришла по поводу случая на озере, и мужчина тут же повел ее в кабинет по длинному, выложенному черно-белым мрамором коридору, где стояли статуи и антикварная мебель.

В кабинете была огромная библиотека.

Охотница примостилась на единственном квадратном метре пола, который не был покрыт шикарными коврами, и стала ждать. Топтать дорогие ковры она почему-то не решилась. И пока она с недоумением разглядывала окружающую ее роскошь, у нее немного закружилась голова.

«Интересно, каково это — жить в таком изобилии?» — думала она.

Таких людей Памела называла «мешок с деньгами».

Сколько же у них денег. Вот у нее в банке сейчас около двух тысяч евро. А знали ли Роттингеры точные суммы у себя в банке? Как устроены финансы у этих людей? У них уж точно нет проблем с оплатой счетов, но как они распоряжаются своими деньжищами в остальном? И если она знать не знала, каково это — быть миллионером, то что могли знать подобные люди о простых смертных вроде нее?

Погрузившись в свои мысли, она не успела подготовиться к разговору с хозяйкой дома. Она решила пообщаться с матерью, а не с отцом девочки, надеясь, что с женщиной ей будет проще найти общий язык, хоть за что-то зацепиться, чтобы поддержать беседу. Мужчины находили ее неприятной особой и доводили дело до скандала. Наверное, считали ее полоумной феминисткой, готовой оскопить любого мужчину, что встретится ей на пути.

В трехметровое окно она видела сад и дворецкого — тот шагал по дорожке с ее листовкой в руке. У беседки она заметила синьору Роттингер, гордую и прекрасную, как греческая богиня, и девочку в инвалидной коляске. У девочки были темные волосы и фиолетовая прядь спереди, спадающая на глаза. Мать и дочь о чем-то спорили, женщина жестикулировала, возражая дочери. Дворецкий невольно прервал их беседу. Синьора Роттингер взглянула на листовку и направилась к дому.

Пока Охотница ждала в кабинете, мысли ее вернулись к девочке. Смогла ли она разглядеть лицо своего спасителя? И если разглядела, сможет ли описать? Нужно с девочкой поговорить, расспросить ее. Но никто не позволит даже приблизиться к ней. Вот почему нужно сначала самой сложить весь пазл, чтобы заинтересовать следователей и убедить полицию начать поиски таинственного спасителя. По крайней мере выяснить, кто это был и почему он скрылся.

— Добрый день. Мне сказали, вы хотите со мной поговорить? — резко произнесла хозяйка дома, и Охотница вздрогнула от неожиданности. Быть может, мать семейства заметила, как Охотница разглядывала девочку. Дворецкий молча встал в углу, не намереваясь удаляться.

Охотница представилась и сразу перешла к делу.

— Извините, что потревожила. После всего... я понимаю, как вам дорого спокойствие семьи. Слава богу, дело разрешилось благополучно.

— А это что такое? — перебила ее женщина, возвращая листовку. — Моя дочь не подвергалась насилию, все знают, что это был несчастный случай.

Хозяйка выбрала тактику защиты. «Она думает, я хочу от них денег», — подумала Охотница. Само собой, многие захотят воспользоваться ситуацией.

— Я этого и не говорила, — поспешила пояснить Охотница.

— Тогда зачем вы пришли?

— Меня интересует спаситель вашей дочери, — призналась она. — Мне нередко приходится сталкиваться с бессовестными людьми, способными на любую мерзость. Я подумала, что поведение человека, который рисковал жизнью ради спасения вашей дочери, а затем исчез без следа, не требуя даже благодарности, следует... — она задумалась, подбирая подходящее слово, — рассмотреть получше.

— Если он предпочел остаться неизвестным, нам остается лишь с уважением отнестись к его решению, — заметила хозяйка дома. — Мы хотим забыть о случившемся, только и всего.

«Да, вам нужно, чтобы о вас все забыли», — подумала Охотница. Все понятно. На это она и рассчитывала.

— Дело не всегда обстоит так, как кажется на первый взгляд. У этого человека могли быть веские причины вести себя подобным образом, — заметила она. — Причины, не имеющие отношения ни к вашей дочери, ни к благим намерениям или поступкам.

Это было смелое заявление: она заметила, что женщина начала кусать губы. Наверняка они с мужем тоже думали об этом, рассматривали возможные варианты ответа и их последствия.

— Сколько вы хотите? — спросила женщина, скрывая волнение.

«Она не привыкла показывать свои чувства», — подумала Охотница. В ее кругах это не принято. Богатые как будто живут в атмосфере вечного праздника. Они должны постоянно улыбаться и танцевать.

— Мне не нужны деньги. Я прошу помочь мне найти этого человека, — ответила она, намекая, что знает куда больше, чем кажется, и готова утаивать эту информацию от полиции и следователей.

— Мне нужно обсудить это с мужем.

Дело принимало дурной оборот. Этого нельзя допустить. О Роттингере ходили слухи, что он несговорчив. Поэтому нужно как-то надавить на его жену.

— Послушайте. Мне нужен его платок. Когда у вашей дочери начались судороги, мужчина засунул ей в рот свой платок. Я думаю, его отдали вам вместе с другими вещами. Если вы отдадите его мне, я тут же исчезну, прямо как ваш спаситель, — заверила Охотница.

Отличное решение. Она не просит денег. Всего лишь какой-то несчастный платок. Казалось, синьора Роттингер задумалась. Дворецкий откашлялся, чтобы привлечь внимание женщин, и выступил вперед.

— В ее вещах не было никакого платка.

Охотница в ошеломлении уставилась на мужчину, не зная, верить ли его словам. Может, это была только отговорка, чтобы ее спровадить. Дворецкий обратился к госте, как будто прочитав ее мысли:

— Все, что нам передали в больнице, так и лежит в пакете. Если хотите, можете посмотреть.

Он повернулся к хозяйке в ожидании ее слова.

Когда та кивнула, он вышел из кабинета. Охотница и хозяйка дома двинулись за ним.

Жалобный скрип ее кроссовок на мраморном полу резко контрастировал с элегантным постукиванием каблуков синьоры Роттингер. Они миновали несколько гостиных, кухню, как в крупных ресторанах, потом прошли через подсобные помещения и добрались до комнаты, которая служила прачечной.

Пакет с вещами девочки лежал на столе. Охотница подошла и принялась копаться в вещах. Платка нигде не было.

«Быть этого не может». Она не верила своим глазам. Но не могла же она сказать, что видела платок на фотографиях, добытых у полиции! Возникнут вопросы, откуда у гражданского лица доступ к материалам дела, и тогда у Памелы начнутся неприятности.

— При выписке из больницы нам отдали только это, — заверил дворецкий.

Неужели и платок, подобно ногтю, канул в Лету? Казалось, это слишком неправдоподобное совпадение. Однако других объяснений у нее не было.

— Позвольте мне заметить, — добавил дворецкий. — Если этому человеку действительно было что скрывать, он бы не оставил такую весомую улику на пляже.

С этими соображениями сложно было поспорить, и хозяйка дома наконец немного расслабилась. Охотница терялась в догадках, о чем та думает. Ей нечего было бояться, от этой назойливой дамочки можно было избавиться под любым предлогом. Но Охотница вдруг уловила знакомый вопросительный взгляд. Она узнала то же самое выражение, которое ей не раз приходилось видеть у людей на улицах, в общественных местах. Впрочем, Памела ее предупреждала.

— Подождите. Кажется, я вас узнала. Вы ведь...

«Сама подумай, что будет, если человек с твоим прошлым станет копаться в чужом грязном белье...»

— Да, это я, — не смутившись, ответила Охотница. — Я его мать.

Разговор был окончен. Она извинилась и ушла.

Шагая к машине, она сжимала кулаки, чтобы сдержать рвавшуюся наружу злость. Дело провалено, ее унизили. Кроме того, если Роттингеры сообщат в полицию о ее визите, получится, что она подставила Памелу.

Вдруг ей почудилось, что ветром до нее донесло печальную мелодию. Но музыку развеял телефонный звонок: опять набирали с незнакомого номера за счет принимающей стороны. Ей не нужно было смотреть на экран, чтобы понять, кто звонит. Она и так понимала.

«Как всегда вовремя», — подумала она, нажав сброс вызова.

20

Четверг. Одиннадцать утра. Она прекрасно знала, где его искать. Вряд ли привычки этого человека сильно поменялись.

В самом деле, едва переступив порог знакомого кафе в центре города, она заметила его сразу же. Он сидел в углу, за столиком подальше от всех, недалеко от туалета. Торопящиеся клиенты сновали туда-сюда — они зашли ненадолго, только выпить кофе с круассаном, — а профессора Ринальди никто не замечал, он читал газету и иногда лизал палец, чтобы перелистнуть страницу. Перед ним стояла чашка капучино, куда он незаметно подливал что-то из металлической фляги, которую держал во внешнем кармане коричневого пиджака.

Охотница подошла ближе. Профессор оторвался от новостной повестки и уставился на нее.

— Ты смотри-ка... Кажется, меня раскрыли, — приветливо рассмеялся он.

— Твое расписание уже двадцать лет как не меняется — помнится, по четвергам у тебя окно с одиннадцати до двенадцати, — заметила Охотница, придвигая стул. — Я присяду?

Профессор кивнул, и она села.

Даже с такого расстояния она чувствовала исходящий от него запах алкоголя.

— Все как всегда, — заметила она, кивая на чашку. — Что об этом думают в школе?

— Пока мое состояние не влияет на качество оказываемых услуг и благополучие учеников, начальству не на что жаловаться, — парировал профессор. — Я никого не трогаю, за руль не сажусь, так что я совершенно безобиден.

Да, так оно и было. Профессор Ринальди был самым честным и милым человеком, какого она когда-либо знала. Он преподавал информатику в естественно-научном лицее. Если бы у него закрались подозрения, что его поведение может привести к негативным последствиям для учеников, он бы тут же уволился.

— Не знаю почему, но мне казалось, что уж ты-то как-нибудь справишься, — искренне сказала она.

— Владелицы бара — мои бывшие ученицы, — заметил профессор, желая как будто отстоять свою точку зрения. — Я им немного помог наладить оборудование на складе, разобраться с системой заказов и сделать сайт. Теперь могу спокойно сидеть здесь и листать свою газету. Я не мешаю гостям, так что... — Он не договорил, дав понять, что остальное ее не касается. По крайней мере теперь.

Он почесал заросший щетиной подбородок. Кто знает, сколько профессор уже не брился. Его волосы спутались, на плечах лежала перхоть. На Охотницу нахлынули воспоминания о времени, когда они жили вместе. Она бы никогда не позволила ему выйти на люди в таком виде. Белки ярко-голубых глаз, из-за которых она когда-то в него влюбилась, теперь стали желтоватыми, что говорило о проблемах с печенью.

— Я была не лучшей женой, — призналась она.

— У нас что, утро откровений? Не стоит упиваться чувством вины, тебе это не на пользу, — усмехнулся профессор, приподнял чашку и отхлебнул запретного зелья.

Он покатился по наклонной пять лет назад, незаметно для Охотницы. Прежде она не помнила, чтобы он пил, — разве что пиво по выходным за пиццей с друзьями, и только. А однажды, складывая его вещи в стиральную машинку, она почувствовала запах алкоголя и все поняла. Да, он не напивался до беспамятства. Он научился контролировать свою дурную привычку. Теперь его дневная норма составляла бутылку крепкого напитка, растянутую на весь день. Впрочем, алкоголь был для него не вредной привычкой, а своего рода компромиссом. Профессор Ринальди старался поддерживать состояние приятного легкого охмеления. Поскольку он не мог расстаться с жизнью, в пятьдесят шесть лет ему нужна была какая-то действенная мера, чтобы без потерь пережить еще один день жалкого существования.

— Сомневаюсь, что ты явилась поговорить о моем поведении.

Профессор был прав. Она пришла за помощью и хотела попросить у самого честного человека на свете сделать кое-что незаконное.

— Мне нужны записи с камер слежения.

Профессор и бровью не повел.

— Я понимаю, что многого хочу, но у меня есть веские причины.

Он протянул к ней руки — и они заметно дрожали.

— Мое время прошло, раньше эти пальцы резво бегали по клавиатуре. Теперь мне нужно хорошенько выпить, чтобы унять дрожь. Но если выпью, не могу работать. Голова недостаточно ясная.

Однако у Охотницы не было выбора, и она продолжала настаивать.

— Слушай, это важно, мне больше не к кому обратиться.

— Даже важнее меня? — язвительно спросил профессор.

Охотница растерялась, не зная, что ответить.

— Помнишь, когда-то в это время мы бежали домой, чтобы заняться любовью.

Теперь в их доме он жил один. Охотница ничего не забыла, но для нее прошлое осталось в прошлом.

— Посмотри, во что мы с тобой превратились, — горько продолжил он. Охотница не отвечала, поэтому он резко сменил тон: — Рассказывай, что там у тебя.

Она достала из кармана джинсовой куртки заранее приготовленный лист бумаги и положила на стол.

— Здесь все, что нужно.

Профессор развернул листок, прочел и убрал его в карман пиджака.

— Думаю, это будет довольно просто.

— Спасибо.

— У тебя все отлично получалось на работе — не пойму, зачем ты уволилась.

Хотя он и сам знал ответ. По той же самой причине, по которой ушла от него.

— Странно, что ты явилась именно сегодня, — заметил он.

— Точно, сегодня же годовщина, — ответила она, желая показать, что не забыла.

— Когда-то мы отмечали годовщину свадьбы, а теперь встречаемся вот по таким поводам...

Охотница уже понимала, к чему этот разговор. Если он хотел попросить об ответной услуге, к чему тянуть?

— Он и тебе звонил?

Мужчина кивнул.

— И ты ответил?

— Конечно ответил.

— И что?

— Прошло уже пять лет, он имеет право на второй шанс.

— После всего, что он сделал? — ужаснулась Охотница. — Я думаю, что там ему и место, я не собираюсь помогать ему выбраться.

— Валентина была бы того же мнения...

— Не смей рассуждать о том, какого мнения была бы Валентина, — грозно сказала Охотница. Она в ярости встала, намереваясь уйти.

Профессор смиренно опустил голову:

— Мне так тебя не хватает... И нашей прежней жизни... Развод не может уничтожить воспоминания. Даже после развода люди продолжают вспоминать одно и то же, только уже не вместе, а порознь...

Охотница молчала. Не стоило изводить себя ненужными мыслями, все равно уже ничего не вернуть.

Профессор выдавил печальную улыбку и попрощался с ней:

— Пока смерть не разлучит вас, как-то так?

21

Вскоре она научилась перемещаться по дому и окружающей территории в инвалидном кресле. Хотя бы потому, что ей надоела слезка. Слуги ходили за ней по пятам весь день напролет, а ей хотелось быть самостоятельной хоть в чем-то. Ей не было дела до того, что своими маневрами она могла повредить дорогие деревянные панели, а от колес на белом мраморе оставались длинные черные полосы. Она часто нарочно задевала мебель коляской, сшибая на пол дорогостоящие фарфоровые статуэтки. И тут же кто-то из слуг бросался собирать черепки. Таким образом она протестовала против порядка, царившего в родительском доме. В соответствии с новым значением, которое семья придавала слову «случай».

На самом деле она просто злилась и не знала, чем себя занять. Все попытки выразить протест не вызывали ни малейшего осуждения — их тут же сводило на нет вмешательство прислуги. Посреди дня она решила подняться к себе и почитать. Открыв дверь, она неожиданно увидела, что у нее на кровати сидит отец.

Он ждал ее.

Серый костюм и серо-голубой галстук говорили о том, что он специально вернулся с работы пораньше. В детстве ее всегда поражал его элегантный вид и приятный запах, когда он брал ее на руки, чтобы усадить на колени. Со временем бывшая близость между ними исчезла — может быть, она сама виновата. И все же, хотя она в этом никогда бы не призналась, ей не хватало прежних отношений с отцом.

— Как дела? — спросил отец с приветливой улыбкой. Рядом с ним лежала белая коробка с красным атласным бантом.

— Лучше некуда, — язвительно ответила она. Ее саму воротило от того, каким голосом она это сказала.

— Ты, наверное, удивлена, что я поднялся к тебе, — продолжил отец, не обращая внимания на ее резкость.

— Мама рассказала тебе о сегодняшней вечеринке, — с готовностью заявила девочка, готовясь к длинной проповеди о том, что в ее состоянии неуместно и нежелательно ходить по вечеринкам. Отец специально принес подарок, чтобы подкупить ее, но она прекрасно знала его приемы и не собиралась поддаваться. Не могла.

Но отцу удалось ее удивить.

— Я полностью с тобой согласен. Ты должна пойти!

Что же случилось? Не верилось, что ей так запросто удалось получить заветное «да». Что-то не так, тут какой-то подвох или обман.

— Но ты ведь все равно встанешь на сторону мамы, да? — спросила она, стараясь разгадать, в чем дело.

— Вовсе нет, — покачал головой отец. — Тебе уже тринадцать, мы не можем постоянно указывать тебе, что делать и чего не делать, ты должна сама разбираться, как тебе лучше.

В глазах родителей она неожиданно повзрослела. Ей не верилось, а от одной мысли об этом хотелось рассмеяться.

— Значит, в коробке вечернее платье? — ехидно заметила она.

Отец пропустил ее реплику мимо ушей и принялся развязывать бант. Поднял крышку. В коробке лежали костыли цвета красный металлик.

— По-моему, это лучше, чем платье. А костыли сделали на нашей фабрике специально для тебя — эксклюзивная модель из углеродного волокна.

Девочка не могла прийти в себя от радости, а главное, от мысли о том, что отец на ее стороне. Так и хотелось сказать: «Папа, мне нужна твоя поддержка, твоя защита. Особенно теперь. Вот почему я написала твой номер на руках и ногах, прежде чем прыгнуть с моста». Хотелось рассказать, что она не горит желанием идти на вечеринку, но у нее просто нет выбора. Тянуло подбежать к нему и броситься на шею, как когда-то в детстве.

— Я поговорил с твоим ортопедом. Он сказал, что если ты сможешь сделать хотя бы десять шагов на костылях, то и дальше справишься.

Слова отца поразили девочку — ее словно окатили ледяной водой из ведра. Радость тут же угасла. Вот в чем подвох. Это испытание. С отцом всегда так. Отец заметил, как изменилось ее лицо, — теперь пришел его черед ухмыляться.

— Я попробую, — сказала девочка, думая только о том, что на вечеринке ей предстоит важная встреча, важнее всего на свете.

— Отлично, — подытожил отец и стал подготавливать площадку. Он поднялся с кровати, сдвинул стулья и коврик, убрал с дороги все препятствия. Затем взял с тумбочки белого плюшевого медведя, с которым дочь спала с раннего детства.

— Помню, как я купил его для тебя в Нью-Йорке. Тебе было всего два годика.

Медведя он купил в дорогом магазине «Шварц» и каждый раз обещал, что когда-нибудь они сходят туда вместе. Но «когда-нибудь» так и не наступило. А теперь уже слишком поздно. Отец посадил медведя метрах в пяти от коляски, а затем вытащил из коробки костыли и протянул девочке.

Она зафиксировала колеса блокираторами, чтобы коляска не откатилась назад, и поднялась. Нетвердо наступая на сломанную ногу и опираясь на здоровую, она пристроила костыли под мышками. Отец облокотился о стену,

скрестил руки на груди и наблюдал за ней, точно судья за нелепым соревнованием. А девочка уставилась в стеклянные глазки медведя.

Опираясь на костыли, она сделала первый шаг.

Это оказалось не слишком сложно, но радоваться было рано. Второй шаг дался так же легко. На третьем она зашаталась, потому что проклятый ортез, хоть и легкий, все равно мешал держать равновесие. Четвертый шаг оказался короче. На пятом она немного приободрилась, потому что половина пути была уже позади. На шестом ей показалось, что руки не выдержат ее веса, припала на одно колено, но все-таки удержалась. На седьмом пришлось остановиться, потому что между треснутыми ребрами закололо так сильно, что перехватило дыхание. Казалось, она вот-вот сдастся и отбросит костыли к стене, но упрямство не позволяло отступить. Восьмой шаг дался ей с невероятным трудом, на лбу выступили крошечные капельки пота. На девятом она сжала зубы и злобно застонала, потому что заболело еще и вывихнутое плечо.

До медведя оставался всего один шаг.

Она не видела отца, стоявшего за спиной, но ей хотелось посмотреть на выражение его лица и проверить, радуется ли он ее успехам или наслаждается ее страданиями.

После десятого шага она готова была кричать от радости, но сдержалась. Ей не терпелось посмотреть на реакцию поверженного родителя. Наконец она повернулась к нему.

Как обычно, лицо Роттингера не выражало ничего.

— Молодец, — только и сказал отец.

— Ты сам научил меня не сдаваться, — заметила девочка.

Но отец не оценил похвалу. Он подошел, поднял медведя и погладил плюшевую шерстку.

— Оскар отвезет тебя на вечеринку и будет ждать в машине.

Оскар работал водителем, а заодно и телохранителем отца, а также мальчиком на побегушках.

— Ладно, — ответила девочка и уселась на кровать. Она чувствовала себя разбитой.

Перед тем как выйти из комнаты, отец вручил ей медведя.

— Как я уже говорил, ты сама должна разобраться, как тебе лучше. Но не стоит забывать, что во многих отношениях ты еще совсем ребенок.

Когда отец оказался за дверью, девочка затряслась от гнева. В порыве злости она схватила медведя за голову и тянула изо всех сил, пока та не оторвалась. Девочка бросила ее в мусорную корзину у стола и разрыдалась.

Люди обходили ее дом стороной.

Дети проносились на велосипедах как можно быстрее, старушки крестились. Однажды вечером она застучала у дома группу подростков, которые хотели пробраться на второй этаж с крестами и свечами и совершить какой-то ритуал. Местные прозвали ее жилище «домом ужасов» – так его окрестили в одной газете. К счастью, родители до этого не дожили. Им было бы стыдно, что дом, где они провели больше пятидесяти лет, прославился подобным образом.

Охотница же думала об этом каждый раз, когда возвращалась в свое убежище.

Прежние знакомые спрашивали себя, как после того, что случилось, она решилась переехать именно сюда. Но через пять лет перестали задавать вопросы. Старые друзья больше не появлялись. Ей не за что было их упрекнуть – наверное, она бы вела себя точно так же. У нее была Памела, но с ней они подружились уже после. Никому не хочется общаться с человеком, соприкоснувшимся со смертью, особенно в результате столь жестокого убийства, что объяснить произошедшее невозможно. Охотница и сама постоянно чувствовала, что от нее словно пахнет кровью. Этот запах отталкивал всех, кроме мух.

Она открыла дверь цокольного этажа и заметила в щели для писем какой-то пакет. Вытащила его, включила свет.

Похоже, бывший муж сдержал слово.

Охотница положила пакет на стол и бросилась в туалет. Весь день она провела на озере и, подъезжая к дому, едва сдерживала позывы. Раньше за рулем у нее получалось разложить по полочкам свои мысли. Опорожня мочевой пузырь, она подумала, что оставался последний вариант, после которого о случае с рукой и красным ногтем нужно забыть.

Как говорил ее психотерапевт, грустных людей всегда притягивают детали, невидимые другим. Пожалуй, тут он был прав, потому что навязчивых идей в ее жизни было предостаточно. Кажется, только на этом их мнения и сходились. Терапия не приносила облегчения, но она продолжала посещать терапевта, надеясь, что, если она начнет сходить с ума, специалист это вовремя заметит.

Сойти с ума она боялась больше всего на свете.

Закончив с отправлением потребностей, она оторвала кусок туалетной бумаги от рулона, чтобы подтереться. Натянув джинсы, нажала клавишу спуска воды. Проходя мимо зеркала, замедлила шаг.

На нее смотрело грубое, неженственное лицо, и она спросила себя, когда же она перестала ухаживать за собой, наряжаться, прихорашиваться. И дело было совсем не в возрасте – в конце концов, что такое пятьдесят три года?.. Просто в нее как будто вселилось нечто гадкое. Оно устроилось где-то внутри и не собиралось покидать нору. Вот почему, глядя на себя в зеркало, она видела не только свое отражение, но и это существо, питавшееся ее болью. Она вспомнила, как нынче выглядит Ринальди. В нем тоже поселилось это нечто, не иначе.

«Пока смерть не разлучит вас...»

Она погасила свет в туалете и включила компьютер. Пока он загружался, она открыла пакет, полученный от бывшего мужа. Внутри лежала флешка. Охотница вставила ее в разъем. На флешке была всего одна папка с несколькими

файлами, содержащими записи с камер видеонаблюдения, установленных в отделении интенсивной терапии больницы Святой Анны. На записях были те самые четыре дня, которые дочь Роттингера провела в больнице после несчастного случая.

Всего девяносто шесть часов.

Если бы потребовалось, Охотница просмотрела бы всё. Но она была уверена, что нечто необычное могло произойти в палате только ночью. Именно ночью в больницах почти никого нет. Идеальное время, чтобы остаться незамеченным.

Она стала просматривать видео, запечатлевшие часы с одиннадцати вечера до пяти утра. Итак, пятница, первая ночь в больнице.

Открылось окошко проигрывателя. На экране отображались девять маленьких окошек, записи были сделаны одновременно разными камерами. Сверху, с широким углом обзора, камеры снимали главный вход, лифты и коридоры. Из уважения к личному пространству в палатах камер не было, поэтому Охотница не знала, в какой именно лежала девочка.

Было только семь часов, но Охотница понимала, что ее ждет длинный вечер и такая же ночь. Поглядывая на монитор, она отошла на кухню, чтобы поставить кофе. Затем вернулась к компьютеру с большой чашкой, куда вылила все содержимое кофеварки, и закурила.

Камеры фиксировали происходящее в отделении в замедленном режиме. В окошках виднелись спокойно ходившие туда-сюда врачи и медсестры — их замедленные передвижения действовали на Охотницу гипнотически. Глаза машинально вглядывались в записи, пытались ухватить какую-нибудь странную деталь, а мысли витали далеко-далеко.

После встречи с профессором она предполагала, что прошлое вот-вот каким-то образом даст о себе знать. Так происходило всякий раз, когда она невольно наткнулась на дверь, которую мысленно закрыла на ключ. Изредка она слышала, как из-за этих дверей раздается стук. Ей же оставалось решить, пустить ли незваного гостя или не обращаться на него внимания. Как правило, призраки принимали вид Валентины, она видела ее лицо, залитое слезами, окровавленные руки и пустые мертвые глаза.

«Да, я его мать...»

Если Охотница думала о будущем, то все еще видела себя в доме, населенном призраками. Одинокой, обозлившейся. Хуже всего — это застрять в настоящем. Боль так сковала ее, что время остановилось. Из-за страданий она никак не могла представить, что возможны перемены к лучшему, избавление, что возможно казаться кем-то другим.

«Во что мы превратились...»

Тут Ринальди был прав. Как выяснилось, чтобы докатиться до такого, годы не нужны: достаточно одного дня. Того самого дня. Проклятого дня. Лучше бы все произошло не так стремительно. Тогда бы ее не преследовало невыносимое чувство вины. Но именно потому, что все случилось неумолимо быстро, ее то и дело охватывало чувство, что она должна была этому помешать. Ее терзали сомнения, и разрешить их никто не мог. Если бы она была внимательней!

Если бы заметила хоть какой-то знак, хоть какой-то звоночек. Если бы пришла пораньше...

Все эти «если» были тупиковыми, и она старалась не попадаться на эту удочку снова и снова. Как бы то ни было, размышления вновь и вновь сворачивали на этот путь и приводили к самой себе.

Охотница, наверное, могла бы ее спасти.

Ее бывший муж был слишком мягок к убийце Валентины.

«Прошло уже пять лет, у него есть право на второй шанс» — так он сказал. Нет, никакого второго шанса. Профессор хотел забыть, стереть, отринуть воспоминания. Он готов был заключить союз с монстром. Или таким образом пытался спастись от собственной боли. Его не стоило за это упрекать. Потеря сына — всегда трагедия, но то, как это произошло с ними, — худшее, что может случиться с родителями.

Вот почему Охотница думала, что ее мучения — наказание, которое она разделила с преступником. Она была невнимательна и за это поплатилась. Условное наказание за невнимательность. За то, что оказалась никудышной матерью.

Между тем на экране сменялись кадры. Полдесятого, а смотреть предстояло еще долго. Через два с половиной часа просмотра Охотница успокоилась, и на нее накатила неожиданная волна умиротворения.

На экране виднелись пустые коридоры больницы. Лишь в одном окошке перемещался человек с уборочной машиной, протирая полы. Уборщик был в маске и врачебной шапочке. Он двигался так медленно, что Охотница засыпала, как под снотворным, и потому закурила очередную сигарету и приготовилась отхлебнуть кофе, но чашка оказалась пуста. Нужно пойти поставить кофейник. Подумать только, в прежние годы она не могла выпить больше трех чашек кофе в день — сразу учащалось сердцебиение. Тогда инстинкт самосохранения еще работал и в жизни была какая-то цель. Вдруг резко зачесалась правая нога. Охотница инстинктивно потянулась вниз, чтобы почесать, но горячей сигаретой задела край стола. Пепел полетел на пол и, отодвинувшись, чтобы не обжечься, она локтем толкнула чашку, а чашка полетела на пол и разбилась вдребезги.

— Черт! — вскрикнула Охотница.

Она нагнулась и начала собирать осколки, а потом один за другим побросала их в ведро. После чего заметила, что другой рукой все еще держит непотушенную сигарету. Охотница раздавила ее в керамической плошке, как назойливое насекомое, и оставила там среди окурков. Отряхивая пепел с кофты, она снова устояла в экран и заметила кое-что интересное.

За те несколько секунд, пока она убирала осколки, уборщик успел куда-то скрыться, оставив машину в коридоре. Но что примечательно, он не выключил свой аппарат и круглые щетки продолжали вращаться.

Куда он подевался?

Охотница с нетерпением ждала его возвращения. Наверное, он что-то забыл и вернулся в подсобку. Какое-нибудь чистящее средство или насадку. Охотница смотрела на машину, которая продолжала тереть пол на одном месте, — настоящий робот, не в силах осознать бессмысленность собственных действий и повторяет их снова и снова, подчиняясь чужой воле.

Когда Охотница уже потеряла всякую надежду на возвращение уборщика и собралась перематывать назад или вперед, тот внезапно вышел из палаты. Но что он там делал, да еще так долго? И главное, в чьей палате он был?

На самом деле Охотница уже знала ответы — их безошибочно подсказывало сердце.

И хотя у нее не было доказательств, она не сомневалась, что мужчина был в палате дочери Роттингеров и что этот человек в медицинской шапочке, чье лицо невозможно разглядеть за маской, — вовсе не работник больницы. Он пришел за платком, оставленным по ошибке на пляже у озера. Сама мысль об этом рождала внутри неприятную, тревожную щемотку.

Страдающие люди обращают внимание на незначительные детали. Вот почему Охотница не могла отступить.

Другие увидели бы в этом лишь череду совпадений, но для нее все складывалось в единую логическую цепочку: она была права. За всем этим стоял тот, кому было что скрывать. Псевдогерой, хранивший страшную тайну о себе. Мерзкое насекомое, которое предстояло поймать.

23

Эта вилла по праву считалась одной из самых роскошных в Белладжо. Девочка отлично это знала, потому что мать не уставала поливать грязью ее обитателей. Аллею окаймляли два ряда фонарей, и их свет как будто провожал взглядом «мерседес», что привез девочку на вечеринку. На подоконниках стояли плоские свечи-таблетки, и фасад дома вырисовывался на фоне темного неба десятками светящихся искр.

Девочка с фиолетовой челкой надела черное короткое платье от «Прада», перехваченное тонким ремешком с пряжкой из лазурита. На здоровой ноге красовался сапожок от «Гуччи» с вышитыми золотыми пчелками. Из новых аксессуаров — конечно же, красные костыли. Волосы убраны под ободок и уложены назад специальным воском, глаза немного подкрашены карандашом. Она понимала, что не может считаться красавицей, и, хотя и переживала, гордо заявляла, что ей все равно. Ее одноклассницы уже обрели пышные формы, а она все еще была худой как спичка. Даже не просто худой, а тощей. Детский облик не хотел с ней расставаться. С таким тельцем ей было сложно изображать из себя взрослую. Но в глубине души ей хотелось повернуть время вспять. Потому что все взрослые, что окружали ее, не были счастливы. И потому, что в детстве она всегда могла рассчитывать на родителей, которые ее защитят. В тринадцать лет ее раздирали противоречия: то ей хотелось поскорее вырасти, то вернуться в детство. Но сейчас ей предстояло справиться самой.

«Мерседес» остановился в нескольких метрах от красной дорожки к садовому шатру. Сквозь белую ткань угадывались разноцветные огни, мерцавшие в такт музыке.

— Помочь? — повернулся к ней Оскар, кивая на больную ногу.

— Сама справлюсь, спасибо, — ответила она.

— Я подожду здесь. Если понадобится, звони, — напомнил водитель.

— Ладно, — ответила девочка, хотя телефон остался дома. Она подождала, пока Оскар откроет дверцу машины, и, набравшись смелости, вышла. До этого

полдня провела, тренируясь, чтобы не упасть лицом в грязь перед знакомыми. Она взяла костыли и направилась ко входу в шатер.

Праздник был уже в самом разгаре. Как она и думала, большинство приглашенных были из частной школы, где она училась. Хотя не все были ее возраста, она сразу заметила, что кое-какие ребята были из старших классов. Пока она пробиралась вглубь шатра, на нее смотрели, оборачивались. В конце концов, с несчастного случая прошла всего неделя, никто не ожидал, что она так скоро появится на людях. И все же она вернулась с того света. Кроме нескольких царапин на руках и ногах, а также ортеза на лодыжке, ее внешний облик почти не изменился.

— Как жизнь? — раздался знакомый, немного шепелявый из-за брекетов голос ее лучшей подруги Майи. Девочка обернулась. Майя была в облегающем платье от «Диор». Не дожидаясь ответа, она ринулась к подруге и заключила ее в объятия.

— Нормально, — ответила та, не обращая внимания на ноющие ребра.

— Ты меня здорово напугала!

Полненькая Майя была довольно симпатичной. Впрочем, чужое мнение ее ни капли не волновало. Девочка с фиолетовой челкой обожала ее за то, что Майя даже не думала отказываться от сладостей и прочей дряни. Более того, она часто меняла гардероб, закупалась в самых шикарных миланских бутиках, на Виа Монтенаполеоне и Виа делла Спига.

— Не думала тебя увидеть, — призналась Майя, оторвавшись от подруги и оглядывая ее, чтобы удостовериться, что с ней правда все в норме.

— Хотела развеяться и увидеться со всеми.

Слова эти были чистейшим враньем, и, произнося эту фразу, девочка оглядывалась по сторонам, высматривая того единственного человека, ради которого пришла.

— Я думала, перед старшими классами мы поедem на Ибицу, а ты теперь у нас на костылях, — заметила Майя, кивая на больную ногу.

Об этом путешествии они мечтали уже несколько месяцев, но в последнее время как-то отдалились друг от друга, и девочка с фиолетовой челкой думала, что подруга больше не хочет никуда ехать.

— Похоже, что это лето придется провести с бабулей в Тоскане, скука смертная, — печально выдала Майя и внимательно посмотрела на подругу. — Слушай, что на тебя нашло в последнее время? Ты вдруг исчезла, трубку не берешь, сама не звонишь... Ты что, обиделась?

— Ты тут ни при чем.

На самом деле отношения с Майей изменились совсем по другим причинам, но говорить об этом она не могла. Майя бы не поняла. Изменилось все — не только их отношения. Изменилось в худшую сторону. Девочке с фиолетовой челкой хотелось, чтобы все стало как раньше; это было мучительно. Хотелось извиниться перед Майей, сказать, что она вела себя как настоящая свинья, загладить вину. Она уже готова была открыть рот, чтобы оправдаться, но тут увидела его, того, кого искала.

Зеленоглазый парень с темными волосами по плечи и манящей улыбкой стоял по другую сторону танцплощадки и болтал с друзьями. На нем были джинсы,

трикотажная рубашка и мокасины. Весь его вид говорил о том, что он уверен в себе и знает, чего стоит.

Сердце девочки бешено забилося.

Майя проследила за ее взглядом.

— Сучонок приехал на новом мотике, папочка подарил.

Такое прозвище она придумала для Рафаэле. Ему было семнадцать, и он учился в лицее. К нему подошла изящная блондинка и крепко поцеловала в губы, а он положил ладонь ей на бедро.

— А вот и принцесска, — хихикнула Майя, намекая на его подружку. — Интересно, нравится ли ей встречаться с куском дерьма?

Майя не переваривала Рафаэле, который любил отпустить шуточку по поводу ее внешности, когда она еще не была так уверена в себе. После того как он публично высмеял Майю, девочка с фиолетовой челкой тоже старалась держаться от него подальше. Она стеснялась своего нескладного мальчишеского тела.

Но однажды Рафаэле вдруг сам заметил ее.

Отчасти она отдалилась от Майи поэтому. Ей не хотелось, чтобы их сравнивали. И теперь она чувствовала себя жалким ничтожеством. Но пора было положить этому конец, и сегодня же.

Она подождала, пока Рафаэле останется один. Через полчаса он вышел в сад с сигаретой в руке. Она решила, что время пришло, и тоже направилась туда.

Рафаэле стоял к ней спиной, рассматривая людей в бассейне и держа руку в кармане. Рядом стоял парень в клетчатой рубашке, однако он почти сразу ушел.

Тогда Рафаэле обернулся и увидел ее. Само собой, он уже раньше заметил, что она пришла, но молчал. Сейчас он улыбнулся и кивнул на дом. Оба зашагали туда — он впереди, она, на костылях, немного позади.

Он поднялся по мраморной лестнице, которая как будто закручивалась вокруг своей оси. Она посмотрела вверх.

«Я справлюсь», — подумала она. С трудом добравшись до второго этажа, она заметила, что он уже в конце коридора. Перед ним была закрытая дверь. Он ждал ее.

— До меня дошли слухи о твоих приключениях, — сказал Рафаэле.

Но ей не хотелось говорить о том, что случилось на озере. У нее была четкая цель, и больше всего на свете она боялась отступить, поэтому сразу перешла к делу.

— Я выхожу из игры, — сказала она уверенным тоном.

Рафаэле посмотрел на нее с удивлением:

— В каком смысле?

— В прямом. Выхожу, и все.

— Ты что, обиделась из-за одного поцелуя?

Но девушка Рафаэле, которую он все обещал бросить, ни капли не интересовала девочку с фиолетовой челкой. К этому шагу ее подтолкнули другие причины, и о них он мог бы догадаться и сам.

— До твоих поцелуев мне дела нет — мне не нравится то, во что ты меня втянул.

— Ну-ка? И во что же? — усмехнулся он.

Она молча посмотрела на него, уговаривая себя не отводить взгляда ни за что на свете. Рафаэле должен понять, что она настроена серьезно.

Он сменил тактику.

— Малыш, давай не будем ссориться, а? — нежно сказал он, поглаживая ее по щеке.

Но она отстранилась — больше не хотелось, чтобы он ее трогал.

— Ну зачем ты так? Ты что, больше не моя малышка?

Эта манера канючить, как обиженный ребенок, ужасно раздражала. Еще несколько недель назад она даже не мечтала стоять с ним рядом, тем более зваться «его малышкой». Поначалу она сама не могла поверить, но потом поняла, что все это правда. Она даже не задавалась вопросом, почему завидный красавчик Рафаэле, такой популярный в школе, вдруг заинтересовался таким ничтожеством, каким она считала себя. Ей было страшно, что все растает как сон или, хуже того, иллюзия в ее голове и она окажется глупышкой, которая вдруг поверила, что может его заинтересовать.

— Удали фотографии, — решительно потребовала она.

В ответ он только рассмеялся.

— Я серьезно.

Тут девочка заметила, что он смотрит куда-то за ее плечо, поверх нее. Обернувшись, она увидела того парня в клетчатой рубашке, который стоял у бассейна, и внезапно поняла, что? сейчас произойдет. На нее накатила волна боли, и она едва сдержалась, чтобы не расплакаться.

— Придется тебе еще раз доказать, что ты меня любишь, малыш, — усмехнулся Рафаэле.

Так продолжалось уже давно. Сначала были невинные просьбы, всякая ерунда. Постепенно Рафаэле заходил все дальше и дальше, требовал постыдных вещей. Она ни разу не отступилась, полагая, будто он хочет, чтобы она повзрослела, «набралась опыта», ведь недавно она еще была ребенком. Рафаэле говорил, что это ради ее же блага. Но вскоре ей стало не по себе. Она чувствовала себя грязной, испорченной. Она ругала за это себя, но никак не Рафаэле.

— Не хочу, — ответила она.

Он, кажется, остался недоволен ответом.

— Ты не можешь отказаться, ты меня подставишь. Это же мой друг, я ему обещал.

Она-то надеялась, что ее состояние — ортез и все прочее — его отпугнет, но нет.

— Не пойду, — повторила она, и ее голос задрожал.

Рафаэле подошел ближе, и она почувствовала, как от него пахнет табаком.

— Ты пойдешь с ним и сделаешь все, что тебе скажут, ясно? — приказал он, указывая на дверь. — Или твои фотографии завтра увидит весь город.

Она не думала, что он способен на такую подлость.

— Отец заявит на тебя, — с угрозой сказала девочка.

— Отцу будет стыдно за тебя, — возразил Рафаэле, и она почувствовала, как в жилах стынет кровь. Затем Рафаэле зашагал прочь, кивнув парню, который направился к ней.

Когда он прошел мимо Рафаэле, девочка с фиолетовой челкой заметила, как их руки соприкоснулись и один передал другому банкноту.

24

Пока незнакомец удовлетворял свою похоть, она старалась отвлечься и думать о другом. Главное, чтобы все побыстрее закончилось. Она видела, как он быстро оделся и выбежал прочь, точно стыдясь произошедшего.

Как ни странно, ей даже стало немного жаль его.

После того как парень ушел, она еще некоторое время лежала, разглядывая потолок. Трусики валялись на полу вместе с костылями, платье было задрано до пупка, внутри все горело. Парень был в этом деле новичком и не потрудился сделать хоть что-то, чтобы ее тело приготовилось к соитию. Пока он пыхтел, как пес после долгой охоты, она молчала. Несмотря на то что он давил на нее всем телом, она терпела и не издала ни звука. Наконец он быстро откинулся назад и выплеснул ей на живот жалкие плоды своих стараний. Девочка до сих пор чувствовала теплую жидкость, стекавшую по бедрам. Она подтянула к себе покрывало и вытерлась краешком, а затем села в кровати. Голова кружилась. Она одернула платье и пригладила волосы, подняла костыли и тоже пошла прочь.

Держась за кованые перила, она осторожно спустилась по мраморной лестнице. Каждая ступенька отзывалась в ноге пульсирующей болью. Она почти спустилась, когда увидела Майю.

— Ты где была? — удивленно спросила та. — Я тебя обыскала.

— Знаешь, где здесь туалет? — спросила девочка. Ее тошнило.

Майя заметила, что ей нехорошо, и изменилась в лице.

— Конечно, вон там.

Майя помогла ей добраться до туалета и запереть дверь. Девочка посмотрелась в зеркало. Лицо у нее побледнело, карандаш растекся по щекам, хотя она вроде бы не плакала. Она открыла кран и наклонилась к раковине, чтобы перевести дыхание.

— Ты же ничего не принимала, а? — спросила Майя, подумав, что подруга наглоталась какой-то дури.

— Нет, — ответила девочка и тут же вспомнила, как однажды Рафаэле заставил ее проглотить фиолетовую таблетку. «Чтоб немного повеселиться», — сказал он. Что в этом было веселого, она так и не поняла, потому что через несколько часов очнулась вся в синяках и совсем ничего не помнила. Но она знала, что Рафаэле сидит на кокаине.

— Ты не могла бы позвать Оскара? Я хочу домой.

Майя замешкалась — она боялась оставить подругу в таком состоянии.

— Пожалуйста.

— Ладно.

Когда она ушла, девочка склонилась над унитазом, но рвоты не было. Она рыгнула, и откуда-то из глубины легких наружу вышел знакомый запах. Озеро. Она снова вспомнила о своем спасителе, таинственном незнакомце. Она закричала:

— Где же ты, чертов сукин сын? Почему тебя нет рядом, когда ты мне нужен? Почему ты не бросил меня умирать? Сволочь!

На глаза навернулись слезы. Плача и ругая его на чем свет стоит, она на мгновение повернулась к окну, и ей показалось, что за окном мелькнула чья-то тень.

На нее смотрели два стеклянных глаза.

Девочка вскрикнула, но тут же прикрыла рот рукой. Сначала она попятилась, едва не споткнувшись, но потом шагнула вперед и еще раз вперед. Добравшись до окна, она дернула ручку и распахнула створки. Что-то огромное упало с подоконника прямо к ее ногам.

Необъяснимым образом на полу оказался ее белый медвежонок. Тот самый, с оторванной головой, которого она выкинула в мусорку днем.

Его голова была аккуратно пришита.

25 марта

Когда монахиня спустилась за ним, он уже завтракал с остальными ребятами в общей столовой. Только сидел за отдельным столом, окруженный пустыми стульями. Монахиня сказала, что за ним приехали. «Усыновляют не всех, а только особенных», — вспомнил он. Сколько раз он это слышал? Монахиня пошла с ним в комнату, чтобы помочь собрать вещи.

Мальчик понятия не имел, кто мог за ним приехать, — он жил в интернате уже три года и давно перестал ждать. Волнуясь, он убирал вещи в сумку. Уехать отсюда было бы неплохо. В приюте он не завел друзей, с этим местом его ничего не связывало. Научился он здесь только одиночеству. Он привык быть один, с самой первой ночи здесь. С той ночи, полной криков и крови. А также мщения.

В одном Микки был прав: он научил мальчика быть настоящим мужчиной.

С тех самых пор никто не смел его обижать, дразнить за отсутствие волос или за шрамы. Все держались от него подальше, как от бездомной собаки, которая научилась отгрызаться на пинки и кусалась, чтобы защититься.

Покончив со сборами, он вслед за монашкой отправился к директору. Дверь отворилась, и мальчик увидел знакомое лицо.

У Мартины появились первые седые волосы, но в целом она почти не изменилась. Она улыбнулась:

— Привет. Поехали на вокзал: я нашла тебе семью.

Мальчик давно смирился с тем, что для него все кончено. Он думал, что с «его прошлым» никто никогда его не заберет. Правда, он и сам не знал почему — о прошлом ему так никто и не рассказал.

Через несколько минут он уже сидел в машине рядом с Мариной и ехал на вокзал. Таксист косился на них в зеркало. Мальчик понимал, что это из-за того, как он выглядит, но молчал. Марина делала вид, будто ничего не замечает, и вела себя так, будто ее не было всего неделю. Но мальчик чувствовал: что-то изменилось.

— Почему ты не приезжала? — спросил он.

Тогда Марина рассказала ему, что познакомилась с мужчиной, вышла замуж.

— Мы уехали далеко отсюда, муж нашел работу в другом городе. Но теперь мы вернулись, и я опять устроилась на прежнюю работу.

Впрочем, мальчик не обиделся. По сути, Марина лишь хотела сказать, что жизнь продолжается. Никто не обязан жертвовать собой ради спасения человечества. Тем более ради одного одинокого человека. Кто-то счастлив, а кому-то другому приходится за это расплачиваться. Так уж устроена жизнь, и ни ему, ни Марине этого не изменить.

— Ты подружился с ребятами из приюта? Подружился с кем-нибудь? — спросила она.

На секунду мальчик задумался, не намекает ли Марина на его первую ночь в приюте, но, когда понял, что она ничего не знает, вздохнул с облегчением.

— Да, друзей полно. Но Вера ни разу меня не навестила, — добавил он.

Марина погладила его по щеке:

— Вера больше никогда не придет.

Мальчик не знал, огорчаться или нет. Наверное, стоило, ведь Марина говорила о его матери. Он представил себе, как Вера лежит на пляже под теплым солнцем, окруженная многочисленными обожателями. Но правда в том, что он не чувствовал к ней ничего. Он испугался, что Марина его осудит, что он не прав.

Он уже давно не чувствовал ничего по отношению к другим.

На дорогу ушло несколько часов. Он ни разу не ездил на поезде. Когда Мартина заметила, что пассажиры косятся, она протянула мальчику заранее приготовленную бейсболку.

— Не снимай, пока не приедем, ладно?

До места они добрались, когда уже стемнело. Приемная семья жила в горной деревушке. Горы назывались Апеннины. От станции до дома нужно было ехать на машине. И правда, у крохотного здания вокзала их уже поджидал мужчина. Мальчик понял, что это его предполагаемый отец, хоть и не знал, можно ли его так называть. Ведь до сих пор у него не было отца. Не считая ухажеров Веры. Но ни к кому из них он бы никогда не посмел так обратиться.

Приемный отец — высокий, широкоплечий, у него большие руки. На лице застыла странная тень печали и недоверия. Он пристально смотрел на мальчика. Такое бесцеремонное разглядывание мальчику не понравилось.

— Пора прощаться, — сказала Мартина.

— Ты что, не поедешь со мной? — удивился мальчик. Он не ожидал, что она его бросит.

— Мне нужно домой, к мужу, — покаянно сказала она. — Здесь тебе будет хорошо!

Мужа Мартини он не знал, но подумал, что тому сильно повезло, раз он может быть рядом с ней. Он медленно поднял глаза на мужчину.

— Поехали, — только и сказал тот.

Сам не зная почему, мальчик протянул ему руку. Мужчина словно и не заметил. Они направились к машине.

Дом стоял посреди леса. Дверь отворилась, и навстречу им вышла улыбающаяся женщина в голубом фартуке. У нее были аккуратно уложенные волосы и привлекательное лицо. Из дома доносился приятный запах еды.

— Добро пожаловать, — радостно сказала она. — Теперь это и твой дом.

Внимательно присмотревшись к приемным родителям, мальчик подумал, что с ними что-то не так. Они старались казаться молодыми, но были старыми. Дом тоже был какой-то странный, и в каждой комнате — кресло-качалка.

На его внешний вид приемная мать никак не отреагировала. Будто и не заметила бритого затылка, шрамов, куцых бровей и не поинтересовалась, куда подевались зубы. За ужином говорила только она. Приемный отец сидел понурившись, глядя в тарелку, и думал о чем-то своем. Мальчику стало интересно, чего от него потребует новая мать за любезный прием.

— Любишь мороженое? — спросила она, пока он поглощал вкуснейшие тушеные овощи.

— Да, мама, — ответил он, думая, что именно это от него и хотят услышать.

При этих словах приемный отец как будто очнулся и прекратил жевать.

Приемная мать молчала. Казалось, молчание длилось целую вечность. Наконец она снова улыбнулась и сказала все тем же радостным тоном, как ни в чем не бывало:

— Наверное, мороженое мы оставим на завтра, а сегодня ты, должно быть, сильно устал с дороги.

Приемные родители показали ему новую комнату на верхнем этаже. Комната была красивой и просторной — новая мебель, книги, игрушки, о каких он прежде и мечтать не мог. Только в шкафу не было вещей, но приемная мать пообещала, что скоро они купят все необходимое. Когда они стояли на пороге, мальчик обернулся и в конце коридора увидел дверь в другую комнату. Она была заперта.

В полумраке коридора блестели стекла. Дверь была зеленая.

— Что с тобой? — спросила приемная мать, заметив его волнение.

Мальчик не ответил — он в ужасе застыл на месте. Ему показалось, что за матовыми стеклами в запертой комнате проскользнула какая-то тень.

— Никогда туда не заходи, понял? — резко сказал приемный отец.

Свет в доме погас, пора было ложиться спать. Мальчик устроился в своей комнате, приемная мать принесла ему стакан воды и подоткнула одеяло. Он устал, но не мог заснуть. Он лежал с открытыми глазами, опасаясь, что, если закроет их, случится что-то плохое. В тишине ночи слышался только ветер, играющий ветвями за окном. Но вдруг до него донесся свист. Сначала слабый, еле слышный, затем все громче и настойчивее.

Две длинные ноты, знакомые до боли. Жуткий зов.

Мальчик понимал, что, если не пойдет за тем, кто звал его, свист не прекратится. И хотя приемный отец не разрешил, он встал с постели, медленно прошел по коридору на звук. Добравшись до конца, он встал перед зеленой дверью с матовыми стеклами, повернул ключ и нажал на ручку. Едва он толкнул дверь, до него донесся знакомый запах.

Запах хлорки, запах больницы.

Он прошел вперед, пытаясь понять, где оказался. В тусклом свете, проникавшем через мансардное окно, он разглядел стальные поручни кровати, вокруг которой расположились выключенные приборы. Там стояла подставка для капельницы, тележка для лекарств и что-то еще. Но, несмотря на это, в комнате были разноцветные стены и много игрушек.

Это была комната другого мальчика.

Раздался скрип. Мальчик резко обернулся. Кресло-качалка раскачивалась в темноте под чьим-то весом. Человек в кресле курил.

— Ты заметил, как смотрел на тебя этот тип, когда приехал на станцию? — спросил Микки, выпуская облако серого дыма. — Он даже не удивился, что ты такой уродец.

— Женщина тоже не удивилась. Наверное, им все равно.

Микки в ответ только рассмеялся:

— Конечно, им все равно. Что один, что другой.

— Что ты хочешь сказать?

— Что ты, что другой, им без разницы.

Но мальчик не понимал.

— Их сын умер. А ты теперь вместо него. Хорошая обезьянка, — пояснил Микки.

Мальчик осмотрелся. Нет, быть не может. Если выбрали именно его, на то должны быть причины.

— Но ведь они могли взять кого угодно, а взяли меня! Или могли родить нового сына.

— Их сын умер давно, сейчас они уже не могут иметь детей.

— Но старикам не разрешают усыновлять, — заспорил мальчик, уверенный, что для него сделали исключение. Ведь он не такой, как все.

— Такие, как ты, — отбросы общества, парень. Ты здесь только потому, что им пришлось довольствоваться тем, что было, — возразил Микки.

Мальчик понимал, что так и есть, пусть и не хотел верить.

— А ты что думал? С твоим-то прошлым.

Кажется, Микки тоже все знал.

— Что не так с моим прошлым? — рискнул спросить мальчик.

Микки снова выдохнул клуб дыма:

— Ты и правда хочешь знать?

— Да, пожалуйста.

Микки ненадолго задумался.

— Ну ладно, пацан. Я тебе все расскажу. Но в будущем ты будешь делать то, что я говорю.

25

Кошки бросились ему навстречу и принялись тереться о ноги. Чистильщик зашел, как всегда, через черный ход и замер, чтобы убедиться, что в доме никого нет. После чего вошел в комнату. С собой у него был пакет с двумя бутербродами и бутылка воды из автомата. Сдав смену, он направился напрямик сюда, не заезжая домой. Ему не хотелось пересекаться с Микки, он надеялся, что не придется перед ним отчитываться. В конце концов, кто ему этот Микки, что Микки для него сделал? А он-то потакал Микки во всем, прислуживал, как мог. Выполнял все его поручения, даже самые мерзкие. А вот Микки его обманул.

Он так и не рассказал ему о прошлом.

Поэтому он легко нашел оправдание тому, что последние двадцать четыре часа провел в компании девочки с фиолетовой челкой.

Он наблюдал за ней с холма над ее домом, смотрел, как она завтракает в полном одиночестве, сидя в саду в инвалидном кресле. Он заметил, как она прикрыла глаза и откинула голову назад, и сделал то же самое. Теплый ветерок приятно погладил его по лицу. Чтобы отплатить за радость наблюдать за ней, он включил ее любимую песню на телефоне, который нашел на причале.

Так он давал ей понять, что он рядом и ей нечего бояться.

Потом он одолжил у Микки машину и поехал за ней на вечеринку, чтобы вернуть ей медведя, который почему-то оказался в мусорном баке. Он даже пришил медведю голову. Он увидел, как девочка в прекрасном платье вышла из темной машины и направилась к освещенному шатру, где играла музыка.

Фак была неотразима.

Он незаметно проник на территорию виллы, решив узнать о ней как можно больше. С кем она общается, как ведет себя в компании, счастлива она или грустит. Он видел, как Фак болтала с подружкой примерно своего возраста и как пошла к дому с длинноволосым парнем постарше. Чистильщику понравились волосы этого парня, ему бы тоже хотелось такие. Ребята поднялись на второй этаж. Чтобы не потерять их из виду, пришлось вскарабкаться на водосточную трубу. Он слышал их диалог, но почти ничего не понял, кроме того, что речь шла о фотографиях. Потом появился другой парень, в клетчатой рубашке, и Фак зашла с ним в комнату. В окна той комнаты Чистильщик заглянуть не решился. Он был смущен, обескуражен, внутри клокотало отвращение и разочарование. Но когда Фак вышла из комнаты и спустилась на первый этаж, он понял, что ей плохо. Она почти сразу же пошла в туалет.

Чистильщик сел за кухонный стол, открыл упаковку с бутербродом и задумчиво его надкусил, вспоминая сцену, свидетелем которой оказался.

Он смотрел на девочку сквозь стекла уборной, как вдруг Фак закричала, стоя напротив зеркала. Так громко и так неожиданно, что поначалу Чистильщик даже не понял, что она проклинаяет его, но вдруг четко расслышал, как она крикнула:

— Почему тебя нет рядом, когда ты мне нужен?

Он ей действительно нужен? Удивительно, но он этого совсем не ожидал — ему даже в голову не приходило, что он может быть кому-то нужен. Чистильщик разволновался. И поскольку он не знал, что делать, то просто оставил на подоконнике медведя и убежал.

Теперь он не мог игнорировать произошедшее. Он чувствовал, что изменился.

Вот почему после этого он просто не мог пойти домой: Микки сразу бы его раскусил. Иногда Микки как будто читал его мысли. Поэтому Чистильщик вернулся к дому 23 и не мог заснуть до самого начала смены. Он весь день думал о том, что случилось. Такого еще не бывало. Обычно он никому не был нужен. Его единственная задача — избавлять людей от мусора. И он понятия не имел, что еще делать с ними, кроме как помогать освободиться от того, что больше не нужно.

Дневной свет проникал сквозь закрытые ставни, в его редких и острых лучах летала крошечная золотистая пыль. Есть совсем не хотелось.

Чистильщик раскрошил остатки бутербродов на пол для котов, пусть подберут. Глотнув воды, он сунул руку в карман и выудил телефон.

Экран опять зажегся.

Чистильщик снова увидел надкушенное яблоко, снова посыпались сообщения, какие-то окошки открывались и закрывались сами собой. Он не успевал прочесть ни одного сообщения – читать так быстро он не умел, да и не особо хотелось.

Ему было интересно нечто иное.

Обдумав все, что он знал о девочке, он сделал кое-какие выводы. Он понял, что она хотела покончить с собой. Но прежде чем умереть, оставила на берегу телефон, точно в нем хранилось объяснение ее отчаянного поступка. Потом Фак оказалась на вечеринке, где говорила с парнем постарше, потом уединилась с его другом и, наконец, плакала и кричала в туалете.

Казалось, что все эти действия она совершала помимо своей воли. Словно ей их навязывала какая-то злая сила. Словно с ней тоже жил такой же Микки, который отдавал приказы. «Фак не хотела так поступать, ее заставили», – подумал Чистильщик. Но в то же время он не заметил, чтобы ее запугивали или угрожали. Он снова задумался. «Иногда это и не требуется», – решил он. На ум пришли слова, которые Фак сказала длинноволосому парню: «Удали фотографии!»

Но что за фотографии? Может быть, в телефоне что-то осталось? Поскольку Чистильщик уже наловчился, он снова открыл галерею снимков Фак и принялся листать. Просмотрев бесконечное количество фотографий, он не нашел в них ничего криминального. А затем среди папок с изображениями взгляд упал на значок мусорного ведра.

Чистильщик знал, что в мусоре можно найти самые неожиданные ответы. Как он любил повторять, мусор никогда не врет. Он немного разволновался, но все же нажал на значок.

Увиденное повергло его в смятение.

На фото были чьи-то руки, скользившие по хрупкому и невинному телу Фак, откровенные поцелуи, такие вещи, которые он не то что не пробовал делать – о которых он и помыслить не мог. Все это никак не вязалось с образом девочки. Чистильщик почувствовал, как в горле образовался ком и стало трудно дышать. Он принялся ходить взад-вперед по кухне, вне себя от ярости. Он ее ненавидел – ему казалось, она его предала. Почему она так с ним поступила? Он сжал кулак и был готов ударить по буфету, но вдруг замер и задумался. Он ясно чувствовал, что в этих фотографиях было что-то неправильное, нехорошее. Но она обращалась не к нему. Он ощутил новый прилив злости, теперь смешанный с безграничной жалостью.

Чистильщик не заметил, как по его щеке покатилась слеза.

После долгих размышлений Охотница пришла к выводу, что нужно сделать все заново. Вернуться туда, откуда начала.

К руке, найденной в районе Нессо.

Если бы ей удалось понять, что связывает неизвестную женщину с таинственным спасителем дочери Роттингера, она смогла бы отыскать этого мужчину и выяснить, что он скрывает. Достаточно было малейшей зацепки, намек на связь между ними, чтобы восстановить их историю.

Было около девяти часов вечера, повсюду висел густой туман. Казалось, наступила зима, на улице не было ни души. «Рено» стоял перед зданием суда Комо. Сидя в салоне, Охотница поглядывала на входную дверь.

Она ждала Сильви, судмедэксперта, оформлявшего отчет о предполагаемой самоубийце.

Она хорошо помнила, что сказал Сильви, когда закончил анализ обнаруженных останков. Женщина около шестидесяти пяти лет, европейской внешности... По состоянию останков можно предположить, что конечность пробыла в воде около двух-трех дней. Сильви упоминал о том, что рука была отделена от тела, но по характеру разрыва было непохоже, что ее отрезали острым предметом. Но как и сама Охотница, Сильви не исключал версию об убийстве.

«Причина смерти не установлена», — повторила про себя Охотница.

И тут зазвонил телефон.

— Ты где? Я была у тебя, дома никого, — раздался голос Памелы. В нем вечно слышался упрек, хотя повода не было.

— Я была занята.

Хотелось рассказать, что? она, Охотница, увидела на записях из больницы Святой Анны, но она не могла: пришлось бы выдать, кто добыл ей эти материалы и что привело ее на виллу Роттингеров. Слишком много информации для короткого телефонного разговора. А главное, не хотелось, чтобы Памела знала, где Охотница находится сейчас.

— Что такое, опять поругалась с Джорджей? — сменила тему Охотница.

— Нет, эта паршивица уже успокоилась. Я насчет того парня, на которого ты просила нарыть данных.

— Что за парень?

— Тот сукин сын на «порше».

Охотница напрочь забыла о девушке из супермаркета и о том, что произошло на парковке, и ощутила жгучее чувство вины.

— Что ты нашла?

— Ты была права, он любит жестко пошалить. Не привлекался, но на него было несколько заявлений от девушек. Побой, издевательства. Но все пострадавшие сами их отозвали.

«Потому что их купили», — подумала Охотница. Или жалоб хватило, порвать с ним удалось, и больше их не интересовало ничего. Хотя, забирая заявление, они подвергали опасности других женщин, Охотница понимала это, как никто, и не могла обвинять девушек. Они просто хотели избежать унижения на суде и мерзкого стыда, который преследовал всех женщин, что встречались с подобными мужчинами, как будто они сообщницы, а не жертвы.

— Что будешь делать? Все как обычно? — поинтересовалась Памела.

— Само собой. Как обычно, — подтвердила Охотница. Скоро этот придурок получит заслуженный урок.

Охотница нажала отбой и взглянула на часы; что-то Сильви слишком долго возится. И словно материализовавшись от усилия мысли, на лестнице показалась высокая фигура в узком плаще. В руке у Сильви была кожаная сумка, которая болталась из стороны в сторону при каждом порыве ветра и мешала ему идти прямо. Он был похож на былинку, колеблемую всеми силами природы.

Чтобы привлечь его внимание, Охотница завела мотор и пару раз нажала на клаксон. Сильви остановился и заозирался. Разглядев нужную машину, он прищурился и только через несколько секунд узнал Охотницу.

— Чего тебе? — гаркнул он обычным сердитым тоном, подходя ближе.

Охотница опустила окно.

— Пятнадцать минут твоего драгоценного времени, — ответила она.

— Я только закончил четырехчасовое освидетельствование, устал до смерти и хочу домой, — буркнул врач.

Он уже отвернулся, и тут Охотница крикнула:

— Ты в курсе, что, когда полумертвую дочь Роттингера вытащили из озера, у нее во рту нашли обломанный красный ноготь?

Сильви застыл на месте. Он понял, на что намекает Охотница, и, казалось, погрузился в раздумья. После минутного колебания он передумал уходить и вернулся к машине. Охотница удивилась, что ей так легко удалось завоевать его внимание. Сообразив, что он собирается сесть в машину, она быстро освободила пассажирское сиденье от разбросанных на нем листовок и скомканных сигаретных пачек.

— Ну и ночка, — заметил Сильви, устраиваясь на переднем сиденье и укладывая сумку на колени. — Что за чушь, какой еще ноготь?

Охотница рассказала ему о ногте и о платке, в который ноготь был завернут, сокрушаясь, что эта возможная улика потеряна навсегда: она, как и все доказательства, оказалась в мусорке вместе с медицинскими отходами. Вместо того чтобы высмеять ее как какую-то сумасшедшую провидицу, Сильви задумался. Спустя время Охотница заметила, что врач посреди своих раздумий вздрогнул.

— Когда уже наконец весна? — буркнул он.

— Не уходи от темы, — напомнила Охотница.

Он бросил на нее злобный взгляд:

— Решила меня подколоть?

— Мне нравится, как мы с тобой общаемся, прямо, — призналась Охотница. — Нет, правда. Ты никогда меня не жалеешь, в отличие от остальных.

— Лучше не беси меня, — предупредил Сильви, продолжая разыгрывать брызгу. Должно быть, ему просто не хотелось вспоминать, при каких обстоятельствах они познакомились пять лет назад.

— Я-то думала, придется упрашивать, чтобы ты со мной поговорил об этом случае, — продолжила Охотница. Она не ошиблась, потому что врач снова замолчал. — Ты ведь уже провел вскрытие?

— Еще четыре дня назад, — коротко ответил Сильви.

— И что нашел?

Что-то тревожило Сильви, сомнений нет. Он крепко прижал к себе сумку.

— Ты все еще думаешь, что это было самоубийство?

Судя по лицу Сильви, он не знал, что и думать.

— Ладно, — наконец произнес он. — Ладно. Пусть так, — повторил он, собираясь с силами. — Понимаешь, с точки зрения геологии озеро Комо — отличная выгребная яма. Если хочешь, чтобы что-то или кто-то исчез навсегда, лучше места не найти. Чего там только нет. Затопленные машины неизвестно с чем в багажнике, ящики, сундуки. Говорят, однажды во время погони за грабителями в озеро упал инкассаторский фургон, и три скелета до сих пор охраняют лежащие в нем золотые слитки. — Он улыбнулся, но все еще заметно нервничал. — Там такие течения, что озеро поглощает все и редко дает чему-нибудь всплыть. И если озеро посылает нам что-то, это знак.

— На что ты намекаешь?

— Внешне поверхность озера почти всегда спокойна, не скажешь, что на глубине — настоящее болото. Говорят, когда залезаешь в болото, всегда что-нибудь находится... Местные давно поняли, что им придется иметь дело с секретами, которые хранит озеро.

Охотница наконец поняла: Сильви намекает, что боится рассказывать о своей находке.

— Я — не все, — заметила она. Своих секретов она не скрывала.

— Я так и не понял, как ты решилась остаться здесь, — признался Сильви, внимательно посмотрев на нее.

— От озера не скроешься, — ответила она. — Где бы ты ни был, оно тебя достанет.

Он задумался.

— Ну хорошо. Только ты должна сама это увидеть.

Они вошли в пустой морг. Шаги эхом раздавались в помещении, где вдоль стен стояли холодильные камеры.

— Возьми, — посоветовал Сильви, протягивая ей халат, бахилы, маску и перчатки. И сам тоже облачился.

Подойдя к стальному холодильнику, похожему на медовые соты, патологоанатом дернул на себя одну из ручек и выдвинул ящик. Оттуда поднялось облачко ледяной пыли и тут же растаяло в воздухе. Сильви вытащил маленький контейнер, который Охотница уже видела. Именно там лежала рука, которую полицейские извлекли из озера.

Сильви поставил ящик на один из столов для вскрытия, нажал ногой на педаль, и над столом загорелся операционный светильник. Перед тем как открыть крышку, врач посмотрел на Охотницу:

— Когда я начал вскрытие, я думал, что все пройдет, как обычно: заключение о смерти от невыясненных причин, затем краткое описание останков для архива прокуратуры.

— А что вышло?

— Вышло, что я обнаружил пару странностей...

Сильви достал из ящичка заледеневшую руку и осторожно положил ее на стальную столешницу.

Казалось бы, Охотница уже видела руку на озере, когда хотела мысленно попрощаться с несчастной безымянной женщиной. Но в здешней обстановке все выглядело иначе, и к горлу подступил ком.

Судмедэксперты часто забывали, что остальные люди не привыкли так близко сталкиваться со смертью, поэтому Сильви продолжал говорить как ни в чем не бывало.

— Как мы уже знаем, на конечности присутствуют поражения, указывающие на воздействие течения, удары о камни и гальку. Но если присмотреться, есть еще кое-что...

Он указал мизинцем в перчатке на то, что имел в виду. Охотница задержала дыхание и наклонилась. На сгибе локтя виднелись два пересекающихся полукруга, похожих на полумесяцы. В отличие от остальных ран, эти отпечатки были ровные.

— Это еще что? — удивленно спросила Охотница.

— Следы укуса.

Сильви произнес это глухо, точно призрак. Охотница побоялась спросить, что дальше.

— Сила давления на кожу и радиус следов не оставляют сомнений, — продолжал Сильви. — И все же кое-что не сходится. Укус есть, но он выглядит как одна сплошная борозда, нет следов отдельных зубов.

— Должно быть, рыба какая-нибудь, — осмелилась предположить Охотница.

— В озере Комо нет рыб, которые могли бы оставить такой след.

— Тогда что это или кто?

— Понятия не имею, — признался целитель мертвецов.

— А ты показал это карабинерам?

— Я указал это в отчете, — ответил Сильви. — Но не стоит обольщаться. Обвинение предъявлять некому, так что версия о самоубийстве остается основной.

— Тогда зачем ты показал это мне?

— Потому что я подумал, что ты могла бы заняться личностью жертвы, — вдруг она и правда пострадала от мужа или любовника. И сейчас этот гад радуется, что ему все сошло с рук. — Сильви замялся. — Я уже несколько дней не сплю.

— Ты сказал, что странностей пара. Ты еще что-то накопал?

— Приготовься к неожиданному.

Охотница подумала, что отпечаток укуса на оторванной руке — это уже весьма неожиданно. Что же еще мог обнаружить Сильви? А тот направился к стойке с хирургическими инструментами. Охотница испугалась, что он вернется со скальпелем или бензопилой, но Сильви взял всего лишь фонарик.

— Человеческая кожа — белый лист, — сказал он. — И в некоторых случаях на ней можно прочесть такое, что не увидеть невооруженным глазом. Мы пользуемся ультрафиолетом, чтобы увидеть отпечатки или чуждые органические частицы на коже трупов... Но честно говоря, я не ожидал обнаружить вот это...

Он включил фонарик и щелкнул по педали, выключая верхний свет. В зале воцарилась темнота, лишь вокруг стола образовалось небольшое пространство, освещенное фиолетовым. Сильви поднес фонарь к руке и лучом прошелся до запястья.

На запястье, там, где еще секунду назад не было ничего, проступили очертания надписи — точно татуировка невидимыми чернилами:

Клуб «Блу».

FREE DRINK[2]

Уже в шестнадцать лет ее мать работала моделью.

Она дефилировала в одежде от «Армани» и ездила по миру то на показы, то на съемки для журналов. Несмотря на юный возраст, все пророчили ей большое будущее. Говорили, что с таким запоминающимся лицом, острыми и одновременно загадочными чертами, она оставит след в мире моды. Однако уже к восемнадцати годам будущая госпожа Роттингер поняла, что в топ-модели ей не пробиться: нет в ней той изюминки, которая делает одних успешнее и удачливее других. Ее ждала карьера второразрядной модели, и в лучшем случае она могла рассчитывать на то, чтобы украшать своим присутствием приемы каких-нибудь богатеев. Преимущество по-настоящему востребованной модели — возможность пойти спать пораньше, в то время как

те, что попроще, должны и дальше тусоваться, и ей подобная привилегия была недоступна.

Взглянув на жизнь, как она есть, девушка поняла, что ее единственная возможность — выставить свое пока еще цветущее тело на торги и поскорее найти мужа, который оценит ее подарок и обеспечит прекрасному телу соответствующий уровень жизни. Может, ей было бы достаточно стать добычей какого-нибудь низкорослого и коренастого парня лет тридцати, с сигарой в зубах и золотым «Ролексом» на запястье, — из тех парней, которые только и умеют, что вляпываться в истории, откуда им помогают выбраться папенькины деньги. Однако ей повезло: она влюбилась в молодого и многообещающего юношу из хорошей, обеспеченной семьи, а тот, в свою очередь, моментально потерял голову от любви к ней.

Инженер Роттингер говорил на шести языках. В юности он увлекался экстремальными видами спорта и завоевывал медали на соревнованиях по серфингу и гребле, даже вошел в олимпийскую сборную. После окончания нескольких престижных международных школ он отправился учиться в Стэнфорд. В сорок лет он уже владел холдингом стоимостью несколько сотен миллионов евро и был президентом благотворительной организации, которая занималась строительством школ и больниц в странах третьего мира.

По семейной легенде, которую девочка слышала с малых лет, родители познакомились за два года до ее рождения во время бури в Индийском океане, когда отец спас будущую жену и еще нескольких человек, приняв их на борт своей яхты после крушения катамарана. С тех самых пор родители стали самой популярной парой, предметом горячей зависти местного бомонда.

А потом она, девочка с фиолетовой челкой, вторглась в это царство абсолютного совершенства и благополучия.

Конечно, до шестнадцати ей оставалось еще целых три года, но она не верила, что этого хватит, чтобы стать похожей на мать в том же возрасте. Девочка всегда думала, что уродливые богачи женятся на дивных красотках и в таких союзах рождается непонятно кто. Ярким тому примером служила ее подружка Майя, дочь родовитого горбуна и киноактрисы. Но в ее собственном случае генетика должна была сыграть ей на пользу.

Однако по закону подлости природа отдохнула на дочери, объединив в ней немногие физические недостатки двух божественно красивых родителей. От отца девочка унаследовала худые ноги, несоразмерные большому телу, похожие на куриные лапы, и слишком крупные кисти. От матери — оттопыренные уши, которые парикмахер умело скрывал под удачной стрижкой, и орлиный нос, что материной внешности придавал арабские нотки, но на лице подростка выглядел как искусственная накладка.

К тому же никаких талантов у нее не обнаруживалось. Спорт ей не давался, и сколько бы девочка ни старалась, в школе она плохо справлялась с программой. У нее не было каких-то особых увлечений. Словом, ничего выдающегося. Единственное, что она умела, — быть объектом постоянных родительских упреков: ведь она не идеальная дочь, не то, чего они хотели. На их лицах читалось разочарование, когда они к ней обращались, и по голосу было ясно, как сильно она обманула их надежды.

В тринадцать лет она окончательно поняла, что не соответствует их ожиданиям.

Быть может, именно поэтому она дала Рафаэлю себя одурачить. Впервые в жизни она сделала то, чего от нее никто не ожидал. Она вообразила, будто он и правда ее любит. Поверила в сказку, а сказка тут же оказалась ложью, которую она сама себе придумала, решив: «А почему бы и нет? Мне же может

повезти». Она не ожидала подвоха и не думала о последствиях. Она считала, что все, чего он просит, нормально для взрослого парня, а если он просит держать все в секрете, то это лишь потому, что остальные не поймут их искреннюю любовь и станут ей препятствовать.

Именно ему девочка отдалась в первый раз. Но как же так вышло, думала она, что вскоре он потребовал делать это и с его друзьями. Поначалу ей было приятно, что она нравится парням, что многие хотят с ней переспать. Но постепенно внутри все сильнее нарастала тревога и неприятное чувство, а главное, она поняла, что не может вырваться из замкнутого круга, уйти от этих взрослых игр: ведь она еще чувствовала себя ребенком.

Не найдя выхода, она решила броситься в озеро. Но умирать оказалось страшно.

И только теперь, когда она увидела, как парень в клетчатой рубашке сунул Рафаэлю купюру, она все поняла. Ее ранило не то, что он ее продает. Такому, как он, деньги не нужны. Они были скорее капризом, таковы были правила игры. Потому что на самом деле интересовала парней не она: им нужна была ее фамилия. Покупали не ее: покупали возможность трахнуть дочку знаменитого бизнесмена. И не важно, красавица она или уродина. Все, что им нужно, — испортить идеальную картинку, приснуть своей семенной жидкостью на семейный портрет Роттингеров.

Вот почему было так больно.

Девочка с фиолетовой челкой чувствовала, что унизили не только ее, но всю семью.

Дома она бросила в угол костыли и закрылась у себя в комнате. И даже не спустилась поест под предлогом, что у нее болезненные месячные. Поскольку мать тоже от них страдала, девочке поверили. Но на самом деле кровь шла из-за неловких манипуляций неопытного партнера, который, удовлетворив свои потребности, сбежал, даже не представившись. Единственным утешением была мысль о том, что, повзрослев, он сам будет стыдиться своего поступка. В конце концов, этот парень почувствовал то, что ждет его в будущем: даже став примерным отцом и мужем, он навсегда останется мерзавцем и насильником из-за того, как повел себя в этот единственный раз.

Но девочка заперлась у себя в комнате не только затем, чтобы остаться наедине с собой. У нее не выходила из головы доносившаяся издали песня Coldplay и плюшевый медведь, возникший из ниоткуда на подоконнике, когда она была на вечеринке. Кто-то пришил ему голову и вернул его из царства мертвых, и этот кто-то много о ней знал. Куда больше, чем она была готова рассказать.

День был в разгаре, но она закрыла ставни и сидела на кровати, раскачиваясь из стороны в сторону. В голове крутились мысли о том, кто же мог посылать ей таинственные знаки. Теперь она понимала, что это не шутка. Это мог быть только он: незнакомец, что спас ее на озере и исчез. Исполненное света существо, которое она видела на пляже всего несколько секунд.

Быть может, это ангел?

Ведь только ангелы совершают добрые поступки и не требуют ничего взамен. Видимо, и впрямь ангел: он ведь появился именно тогда, когда помощь была жизненно необходима. Теперь, хорошенько все обдумав, она вспомнила, что ощутила его присутствие в первую ночь в больнице. После наркоза она не могла открыть глаза, но слышала, как кто-то ходил по палате, подошел к

кровати, приподнял простыню и оголил ногу там, где она написала телефон отца на случай, если ее труп обнаружат.

Сейчас она была твердо уверена, что это был не сон. Ангел приходил, он навещал ее.

Произошедшее казалось слишком странным, и она не понимала, можно ли ему доверять. Как бы то ни было, поговорить об этом было не с кем. Но если кто-то послал ей на помощь ангела, это значило, что там, наверху, всё знали о ее проступках и не осуждали, а наоборот, хотели защитить. А если это обычный человек, оставалась надежда, что он положит конец кошмару, в котором она очутилась.

У девочки с фиолетовой челкой было такое чувство, словно ее окружают таинственные силы справедливости и, пусть она этого и не видит, в конце концов все решится само собой. Но не стоило себя обманывать. За углом в очередной раз поджидали глубокое разочарование и горечь.

Нужны были доказательства.

Думая о вернувшемся зашитом медвежонке, который возник на подоконнике после того, как она оторвала ему голову и выбросила в мусор, она поняла, что может установить контакт с загадочным ангелом-хранителем. Она написала ему записку, положила в пакет, на который прилепила яркие наклейки, чтобы получилось заметнее. Но вместо того чтобы положить пакет в почтовый ящик, она бросила его в корзину для бумаг под столом и стала ждать, когда уборщица придет и заберет его вместе с остальным мусором.

Оставалось надеяться, что этот метод сработает.

Она посмотрела на часы. Где-то около четырех. Вооружившись костылями, девочка вышла из комнаты и отправилась на поиски матери. Мать была в обеденном зале, где инструктировала дворецкого и прислугу, как накрыть стол к намечавшемуся на днях званому ужину. Устраивать роскошные званые вечера для друзей и знакомых было единственным занятием госпожи Роттингер. Муж разрешал ей проявить фантазию и совсем не интересовался этими ужинами — ему было достаточно записи в ежедневнике, чтобы вовремя оказаться дома. Но девочка с фиолетовой челкой чувствовала, что на этот раз у светской вечеринки матери есть конкретная цель: показать знакомым, что даже после случая на озере у них по-прежнему все хорошо, прекратить поток разговоров и сплетен. Поскольку мать была полностью увлечена решением этой сложной задачи, девочка поняла, что получить желаемое будет несложно.

— Мама? — позвала она, встряв в разговор.

Мать с удивленным видом обернулась.

— Как себя чувствуешь? — рассеянно поинтересовалась она.

— Спасибо, уже лучше, — ответила дочь и прежде, чем мать снова вернулась к разговору об английском фарфоровом сервизе и серебряных приборах, добавила: — Можно Оскар отвезет меня в центр?

На этот раз госпожа Роттингер обратила на нее пристальный и недоверчивый взгляд.

— Я как раз подумала, что нужно купить к ужину новое платье, — пояснила девочка, изображая заинтересованность предстоящим мероприятием.

Мать на минуту задумалась. Для девочки эта минута растянулась на целую вечность.

— Хорошо, только не задерживайся, — холодно ответила мать, давая понять, что не до конца поверила в историю с платьем. — Я велю Оскару не спускать с тебя глаз!

Девочка старательно сдерживалась, но в душе ликовала, что ей удалось так удачно повернуть дело. Оставалось надеяться, что и дальше все пойдет по плану.

29

У двери толпилась молодежь. Магазин находился в самом центре города, в доме начала XX века, и занимал его целиком. Внутри интерьер переделали, но фасад оставался прежним, только теперь его украшала еще и похожая на сетку гирлянда из светодиодных лампочек.

Девочка попросила высадить ее у входа.

— Припаркуюсь и вернусь, — сказал Оскар, пока она с костылями вылезала из машины. — Стой здесь, — попросил он, помня строгий наказ владельцев виллы.

Девочка подумала, что, в конце концов, ее перелом — отличный повод избавиться от Оскара. Если бы она могла нормально ходить, пришлось бы пойти с ним. Едва Оскар удалился, она повернулась к двери и, набравшись смелости, шагнула внутрь.

В помещении стоял дым, его завесу пронизывали тонкие лазерные лучи. Диджей наяривал вовсю, а на сцене парень исполнял трэп. Платья висели на вешалках, туфли и сумочки стояли в стеклянных витринах.

Девочка подумала, что, возможно, выбрала не слишком удачное место для встречи со своим ангелом-хранителем. Она даже не знала, получил ли он ее послание. Она написала только адрес и примерное время, а теперь разволновалась, что записка могла быть недостаточно внятной. Она чувствовала себя как потерпевший крушение в море, чей последний шанс на спасение — письмо в стеклянной бутылке.

Именно на этой стадии отчаяния она сейчас находилась.

Надеясь, что ангел сам пошлет ей знак, она принялась бродить по магазину. Ей попалась группа девчонок ее возраста, которые прикалывались, хихикали ни о чем и рассматривали платья. Увидев их, девочка замерла. Еще совсем недавно она и сама вертелась перед зеркалом в компании подружек, болтала о парнях, смеялась, обсуждала безобидные сплетни. Как же ей не хватало той беспечности!

Девочка заметила, что Оскар зашел в магазин и вовсю разыскивает ее, невежливо расталкивая всех, кто вставал у него на пути. Прежде чем Оскар разглядел ее, она сняла с вешалки первое попавшееся платье и направилась к примерочным.

Она прошла в самую дальнюю кабинку и закрылась там.

Усевшись на пуф в примерочной, она приставила костыли к стенке и стала разглядывать себя в зеркало. Она не на шутку удивилась. Раньше она этого не замечала. Впервые она увидела, что похожа на мать. Не внешне — она не стала такой же красавицей. Она как будто внезапно узрела в своем отражении собственное будущее, узнала в себе разочарованную женщину, в которую вскоре должна превратиться. В полутьме примерочной она вдруг почувствовала себя пленницей. Музыка волнами доносилась из зала, стены примерочной слегка ее приглушали. Через несколько секунд из плотной тишины девочку вытащил звук.

Кто-то постучал в дверь.

— Занято, — раздраженно ответила она. Но стучавший не сдавался. — Черт! Ты глухой, что ли? — крикнула она, разозлившись.

На третий раз она решила посмотреть, кто же испытывает ее терпение, заранее зная, что увидит Оскара.

Но за дверью никого не было.

Девочка снова заперлась в кабинке. Но не успела она сообразить, в чем дело, стук раздался снова — три медленных удара костяшками, — на этот раз из соседней примерочной. Кто-то ее звал.

Она подошла к зеркалу и прильнула к стене ухом, опершись на нее ладонями. Сердце тревожно забилось, дыхание участилось, глянцевая поверхность зеркала запотела от ее дыхания. Но с той стороны тонкой перегородки и холодного зеркала не доносилось ни звука. Девочка решила тоже подать сигнал и постучала. Три раза.

С той стороны послышался ответ.

Девочка продолжила этот странный и загадочный диалог, постучав четыре раза. Так продолжалось несколько минут — они говорили на тайном языке, и оба не знали его правил, однако оба его понимали. Не важно, что сказанное невозможно было передать словами. Важно, что между ними установилась связь.

«Я существую. Я здесь ради тебя» — вот что содержалось в послании.

Но этого девочке было мало. Поэтому она решила нарушить молчаливое соглашение, которое установилось между ними, и заговорила.

— Поговори со мной, — прошептала она. — Прошу тебя. Скажи хоть что-нибудь.

Она ждала, что вот-вот раздастся голос, но ответа не последовало. Она снова постучала, но на этот раз никто не ответил. Ее охватило беспокойство. Она схватила костыли и выскочила из кабинки. За стенкой было пусто, словно там и прежде никого не было.

«Не могла же я все это придумать», — решила она.

Вдали она разглядела дверь пожарного выхода, который следовало «использовать только в экстренном случае». Она бросилась туда. Неужели ее ангел-хранитель сбежал через эту дверь? Точнее, сбежал от нее. Сама эта мысль причиняла боль. Девочка развернулась и пошла в противоположную сторону — хотелось уйти поскорее. Она заторопилась, опираясь на костыли, и при каждом шаге нога отзывалась болью. Слезы сами собой текли из глаз.

Вокруг из колонок раздавался голос парня-трэпера, пропущенный через синтезатор речи. Вдруг чей-то голос перекрыл поток музыки.

Кто-то звал ее по имени.

Она резко обернулась и увидела Майю — та спешила ей навстречу, широко скаля зубы в брекетах. Девочка отпустила костыль и ладонью быстро вытерла слезы.

Подруга будто ничего и не заметила.

— Не думала встретить тебя здесь. Еще вчера ты была еле живая.

Девочка попыталась сменить тему:

— Как прошел вечер? Хорошо оторвались?

— В полночь принесли огромный торт. Я сначала подумала, что мы его будем есть, но оказалось, что внутри сидел клоун с какой-то пушкой типа базуки, и он обстрелял гостей взбитыми сливками. Платья сильно пострадали, — рассмеялась Майя.

Подруга изо всех сил старалась сделать вид, будто ей тоже было весело.

— Давай фотки покажу, — предложила она, размахивая телефоном.

Девочка вспомнила о своем новом айфоне, все еще лежавшем в запечатанной коробке на столе в ее комнате. Тут мать была права. Еще недавно она, как и Майя, ни на секунду не выпускала из рук телефон. Вся ее жизнь проходила через этот аппарат. К счастью, реальность как бы запаздывала и проявлялась уже после фото, поэтому было немного времени, чтобы подготовиться. А сейчас все было так резко, так неожиданно.

— Лучше перешли, — отрезала она. — Мне уже пора, Оскар меня обыскался.

Она повернулась, и вдруг кто-то, проходя мимо, случайно ее толкнул. Майя едва успела ее подхватить.

— Как ты передвигаешься на этих ходулях? Я бы лучше утопилась, — сказала Майя, кивая на костыли. Шутка была в ее стиле.

Девочка тоже рассмеялась, но потом поджала губы, чтобы не расплакаться. Хотелось сказать Майе, как ей не хватало ее присутствия все эти месяцы.

Майя поняла, что ей удалось достучаться до подруги. Словно смотрела на нее через трещину в разделявшей их стене.

— Ты ведь знаешь, что можешь во всем на меня положиться, — сказала Майя.

Да. Пожалуй. Вот только ее секрет был чересчур болезненным даже для нее самой.

Увидев, что подруга молчит, Майя сменила тему:

— Помнишь, как мы в детстве разыграли моего дурачка-кузена, притворившись, что обе в него влюблены?

— Конечно помню.

— А как мы случайно чуть не спалили напрочь шерсть йорку твоей тети, когда пытались высушить его феном?

— Бедняга. Он рванул, как ракета... Мы еще искали его, чтобы полить водой из бутылки.

Обе от души рассмеялись. Девочке с фиолетовой челкой стало немного легче. Она уже не так сильно расстраивалась из-за того, что ангел не захотел с ней увидеться. К счастью, она встретила Майю: их союз держался на ее воспоминаниях, и сейчас подруга хотела напомнить, что их дружба измеряется не минутами, а годами, поэтому она может выслушать любое признание.

— Я пока не готова, — внезапно созналась девочка.

Майя кивнула:

— Мне тоже пора. У меня урок фортепиано. Если опоздаю, отгребу от мамы звездюлей.

Майя была прекрасна, даже когда ругалась как сапожник. Но перед уходом она вдруг спросила:

— Помнишь Танкреди?

— Нет, понятия не имею, кто это, — задумчиво покачала головой девочка.

— Как это? Он тоже был на вечеринке, в такой уродливой клетчатой рубашке.

Девочку прошиб озноб. Почему Майя о нем заговорила? У девочки было плохое предчувствие.

— Прикинь, его вчера вечером ограбили. Он ехал домой на скутере, а его избили и отобрали «Ролекс». Чуть не умер — его бросили посреди дороги, как собаку.

Девочка с фиолетовой челкой почувствовала, как силы покинули ее. Отчего-то ей стало жаль Танкреди. В голове крутилась всего одна ужасная мысль.

Ангел бы так не поступил.

30

Охотница остановилась на пустой парковке. Было пять часов вечера, светило солнце. На поиски дискотеки ушел целый час. Само собой, вывеска не горела, а здание походило скорее на заброшенный завод, который переделали в танцевальный клуб.

Выйдя из машины, она направилась к главному входу, но быстро поняла, что там закрыто. Она присмотрелась к темным стеклам, покрашенным в синий, через проплешины в потрескавшейся краске пытаясь разглядеть внутри хоть что-нибудь. Судя по всему, внутри никого. Однако она не собиралась сдаваться и начала дергать за ручки дверей на заднем дворе, надеясь, что какая-нибудь из них поддастся.

С третьей попытки ей повезло.

Охотница оказалась в коридоре, где находились кассы и гардероб. Затем, откинув красную портьеру, вышла на большой бетонный танцпол, окруженный столиками и диванами. На полу был потертый ковролин, в воздухе стоял запах сырости, к которому примешивалась вонь сигарет. В общем, решила Охотница, при дневном свете это место совсем не выглядело привлекательным; может, ночью, когда горели разноцветные огни и играла музыка, было иначе.

— Есть кто-нибудь? — крикнула Охотница. Ответа не последовало. Однако ей показалось, что где-то зазвенело стекло.

За барной стойкой была открытая дверь. Она решила пойти посмотреть, что там.

За дверью оказалась небольшая кладовая. Охотница увидела мужчину в майке, с татуировкой леопарда на плече, который переставлял ящики с пустыми бутылками и пивные кеги.

— Здравствуйте, — сказала Охотница, чтобы он ее заметил.

Не отрываясь от своего занятия, мужчина взглянул на нее.

— Мы закрыты, — буркнул он.

Охотница пропустила его фразу мимо ушей и подошла поближе.

— Простите за беспокойство. Полагаю, вы здесь работаете?

— Да, я бармен, — кивнул тот. — Если вам нужен владелец, раньше семи он не появится.

— Я просто хотела уточнить, предлагаете ли вы клиентам бесплатный напиток и ставите ли печать на запястье? — спросила Охотница, тыча пальцем в свою руку.

— Есть такое, — подтвердил он. — Это идея жены владельца. Печать видна только при неоновом свете и довольно легко смывается водой.

«К счастью, не так уж и легко», — подумала Охотница.

— А что вам нужно? — с подозрением спросил мужчина.

— У вас это принято ежедневно или по особым случаям?

— По четвергам, когда проходят тематические танцевальные вечера.

Четверг как раз подходил. По мнению Сильви, тело оказалось в озере в ночь с четверга на пятницу. Охотница старалась сохранять спокойствие.

— То есть печать ставится каждому посетителю?

— Разумеется. По четвергам у нас отличная выручка, потому что приходит больше народу. Живая музыка и бесплатная выпивка привлекают клиентов.

— А вы, случайно, не заметили что-нибудь необычное в один из таких четвергов? Две недели назад.

— Вы что, из полиции? — поинтересовался мужчина.

Охотница достала из кармана свою листовку и протянула ему.

— Я хочу понять, не случилось ли что-то с женщиной, которая была здесь в тот вечер, — ответила она, надеясь на его сговорчивость. Однако тот медлил с ответом, и ее надежды таяли на глазах.

— Мне неприятности не нужны.

— Никто не доставит вам неприятностей, уверяю вас.

— Я только недавно откинулся, еще на испытательном сроке, — признался бармен.

Ясное дело, бывший заключенный не хотел иметь проблем с законом, это его останавливало.

— Ну ладно, тогда я вернусь к семи и поговорю с владельцем.

Охотница направилась прочь, но, оглянувшись, заметила, что мужчина внимательно рассматривает листовку.

— Так вы..

Она поняла, что ее узнали.

— Да. Я его мать, — в который раз призналась она.

— И теперь вы занялись вот этим? — удивился мужчина, указывая на листовку.

Охотница помнила, что в тюрьме есть своего рода кодекс чести и тех, кто причинил вред женщинам и детям, там не уважали. И хотя ей была неприятна мысль, что она использует смерть Валентины в своих целях, она кивнула. Ей нужна была помощь этого человека.

Бармен глубоко вздохнул и посмотрел на нее:

— Ладно. Что вы хотите знать?

— Две недели назад сюда приходила женщина, на вид лет шестьдесят — шестьдесят пять.

— Вы знаете, как она выглядит?

— К сожалению, нет. Но возможно, она была не одна. Быть может, вы запомнили кого-то особенного, кто-то из мужчин много выпил и буянил, что-то в этом духе? Устроил скандал?

Мужчина покачал головой:

— Нет, все наши клиенты, как правило, люди в возрасте. Как вы примерно. Не обижайтесь, — добавил он.

Охотница не считала себя пожившей, но предпочла сделать вид, что это не важно.

— Ничего страшного.

— Марио говорит, клиенты у нас постоянные, все друг друга знают, обычно не дебоширят. Иногда он их даже угощает, потому что его друг на этих вечерах втюхивает им свою посуду. — Мужчина ушел от темы. — Хотя, если подумать... Кажется, это было как раз недели две назад...

— Что?

— Был тут один. Высокий такой, крепкий, одет в черное, тонированные очки. Волосы странные такие, как будто их приклеили к голове. Блондин.

Охотница записывала приметы в блокнот, надеясь на продолжение. Возможно, описание удастся сравнить с санитаром, которого она видела на записях с камер больницы.

— Не знаю, бывал ли он здесь и раньше, — я же говорю, я сам здесь недавно.

— А почему вы его запомнили?

— Он был гораздо моложе остальных. Я подумал, что здесь, в компании старушек, ему нечего ловить. — И снова: — Вы уж не обижайтесь.

Охотница в этот раз действительно не обратила внимания на последнюю фразу, сосредоточившись на главном.

— Вы не помните, он был с кем-то?

— Да, он болтал с постоянной клиенткой.

— Как вам показалось, они были давно знакомы или в первый раз здесь встретились?

— Понятия не имею, но я видел, что они ушли вместе.

Охотница почувствовала, как от волнения внутри все заклокотало.

— Вы знаете, как ее зовут?

— Кажется, Магда, — ответил бармен. — Магда Коломбо.

31

Бессонная ночь тянулась бесконечно. Наконец около шести девочка с фиолетовой челкой поднялась с кровати и пошла вниз, в отцовский кабинет. В доме стояла тишина, слышался только стук костылей.

Как она и думала, отец уже проснулся.

Каждый день перед тем, как отправиться в офис, он проводил время в кабинете, читая газеты. Ежедневный ритуал дополнялся серебряным подносом, на котором стояла чашка черного кофе без сахара.

Стучать девочка не стала — подождала, когда отец сам ее заметит.

— Что такое, милая? — удивился он. — Ты чего так рано вскочила?

— Мы можем поговорить? — спросила она, подойдя к столу.

— Мне скоро нужно выезжать в аэропорт, — сказал Роттингер, подчеркивая, что времени у него нет. Затем он снял очки и внимательно посмотрел на дочь: — Что случилось?

— Я все думала о том человеке, который спас меня на озере...

Отец промолчал, всем своим видом показывая, что не хочет вдаваться в обсуждения.

— ...Я подумала, нужно его найти, отплатить за помощь.

Отец улыбнулся.

— Если бы он дал о себе знать, я бы так и сделал, — заверил он.

— Почему ты сам его не найдешь?

Роттингер откинулся на спинку кожаного кресла:

— Ты намекаешь, что я должен публично предложить денег за твое спасение, чтобы он объявился?

«Именно, черт возьми, — подумала она. — А что же еще?»

— Ты не понимаешь, сколько проходимцев потянутся к нам? Сколько мошенников, сумасшедших, не говоря о журналистах.

Девочка хотела возразить, что все эти люди пугают ее куда меньше, чем таинственный незнакомец, не давший ей утонуть. Наверное, она в нем ошиблась и он вовсе не ангел. Кажется, он опасен, а она по глупости впустила его в свою жизнь. Но она не могла поделиться с отцом своими домыслами, иначе пришлось бы рассказать и все остальное. А инженер Роттингер был так уверен, что у него все под контролем — его жизнь и жизнь всех вокруг; он бы не выдержал столкновения с реальностью.

— Кажется, ты против.

Отец покачал головой, недовольный тем, что она продолжает упираться.

— Давай это решат взрослые, хорошо, детка? — с некоторым раздражением снисходительно проговорил он и вновь занялся своими газетами, показывая, что разговор окончен.

Девочка не двинулась с места. Пожелай она сейчас, она могла бы мгновенно сломать отца и разрушить его иллюзию собственного всевластия. Достаточно сказать ему правду, как и должна поступать дочь с тем, кто подарил ей жизнь.

— Помнишь, когда мне было три года, я спала, а ты меня разбудил. Посадил в машину, и мы поехали на смотровую площадку и сидели там часами, глядя на озеро, не выходя из машины, — сказала она. — Ты, наверное, думаешь, что я была еще слишком маленькой и не помню, а я все помню.

— Мы с тобой ждали заката, — ответил отец.

— Ты тогда заплакал. Почему?

Она специально выдержала паузу. Девочка никогда не говорила об этом с отцом — она была уверена, что для этих слез были свои причины. Видимо, Роттингер не всегда был таким сильным, каким хотел казаться. В нем тоже проскальзывала какая-то хрупкость, и она могла сделать его человечнее в

глазах ребенка. Если и правда так, девочка могла бы ему довериться. Между ними возникла бы прочная связь, и она рассказала бы ему обо всем, что чувствует, и плохое, и хорошее.

— Малыш, ты ошибаешься, — холодно отрезал отец, пресекая ее попытку сблизиться. — Ты была совсем крошкой, ты не можешь этого помнить.

Она явно была разочарована.

— Мне стало интересно, как бы ты отреагировал, если бы я умерла тогда, две недели назад?

— Меня бы это убило, — признался отец.

Девочка не знала, верить ему или нет. Она взялась за костыли и уже собиралась развернуться и пойти обратно в кровать, но услышала, как отец прокашлялся.

— Если можно, не надевай пока те часы от «Картье», которые тебе подарила бабушка на Рождество.

Девочка посмотрела на отца, пытаясь угадать причину этой просьбы.

— Ты, может, слышала, что недавно ограбили мальчика чуть старше тебя? У него украли часы.

Танкреди, как же, как же, она не забыла. Это она виновата. Она попросила ангела подать ей знак. Ангел так и сделал.

Отец протянул ей газету и показал на страницу, которую только что прочел.

— Полиция обнаружила часы.

Сердце девочки на секунду замерло. Неужели они нашли таинственного незнакомца с озера?

— По-видимому, их украла банда подростков из цыганского табора.

В ту секунду, когда она наконец снова нашла в себе силы вдохнуть, девочка осознала, какую ошибку совершила. Она несправедливо обвинила единственного человека, который о ней заботился.

Ангел невиновен.

«А я все-таки в чем-то похожа на тебя, папа», — подумала она. Она, очевидно, тоже не особенно разбиралась в людях.

Сначала он хотел оставить эти красивые часы себе и потом подарить девочке с фиолетовой челкой. Он мог бы подложить их ей в примерочную того шумного магазина одежды или подкинуть на подоконник, как медведя на вечеринке, и издалека любоваться ее удивленным лицом. Но когда Фак заговорила с ним через стенку примерочной, он передумал.

«Скажи мне хоть что-нибудь... Пожалуйста...»

Такой подарок — слишком рискованная затея. Не для него, конечно, а для его подопечной: полиция наверняка принялась бы искать тех, кто обокрал парнишку в клетчатой рубашке.

Он не хотел, чтобы из-за него девочка оказалась втянута в это дело.

Он убежал и решил избавиться от часов, кому-нибудь их подкинуть, чтобы снять подозрения с себя. Достаточно было оставить их на столике в баре, где часто тусовались подростки из цыганского табора, известные воришки, промышлявшие мелкими кражами в этом районе. Затем он позвонил в полицию и оставил анонимное сообщение о том, где их можно найти.

Интересно, поняла ли Фак, на что он пошел ради нее.

Мстить за ее честь оказалось приятно. Он никогда еще не чувствовал ничего подобного. Прежде ему и в голову не приходило, что он может кого-то защитить. Он всегда защищал только себя, потому что был уверен в собственной слабости, в своей никчемности. Но роль мстителя пришлось ему по вкусу.

Позапрошлой ночью он отыскал парня в клетчатой рубашке. Он был уверен, что обнаружит его в одном из тех мест, где собираются ребята его возраста и торчат до утра. Он прекрасно знал эти заведения, потому что утром ему не раз приходилось убирать с тротуаров мусор, оставленный после очередной тусовки. Приметив парня в компании сверстников, он стал ждать. Около часа ночи тот попрощался с друзьями и направился к своему мопеду, припаркованному неподалеку. Чистильщик пошел за ним. Когда они остались вдвоем, парень даже опомниться не успел, как ему в лицо прилетел кулак. Кроме этого первого удара, все остальные были мезью за Фак. Свершив справедливый суд, он пошел прочь, охваченный небывалым покоем. «Вот каково оно, когда сделаешь доброе дело», — думал он.

И теперь, сидя за рулем мусорного фургона, он понимал, что, кажется, его настоящим призванием может стать добро. Микки ошибался: он был добрым мальчиком. А вот мир был к нему несправедлив.

Но вдруг сейчас пришло время с ним примириться?

Он решил нарушить привычные правила, которых придерживался, чтобы не подвергаться ненужной опасности, и отправиться к дому 23. Там он мог достать телефон Фак, припрятанный меж досок на чердаке, посмотреть ее фотографии и послушать грустную песню, которая так ему нравилась.

Да, сегодня он это заслужил.

Он добрался до знакомой, обсаженной деревьями дороги и припарковался в пятидесяти метрах от дома со стрельчатыми окнами и щипцами. Он натянул форменную кепку и пешком направился к черному ходу. Утро было свежим, и на душе было хорошо, даже весело. Через ограду сразу лезть не стал — на минуту остановился. Казалось, в доме кто-то ходил туда-сюда. Может быть, всего лишь коты, а может, и нет.

Он прислушался.

Сомнений не оставалось. В доме его подружки Магды поселилась какая-то тень. Отступая, медленно пятясь, он успел на секунду уловить очертания лица через кружевные шторы. Похоже, у гостыи не было ключей, потому что калитка была заперта. Гостыя зашла в заднюю дверь. «Совсем как я», — подумал Чистильщик.

Стало быть, эта женщина лет пятидесяти с короткой стрижкой тоже проникла в дом незаконно.

4 октября

Дверь с хлопком закрылась, но никто не заметил, как он вошел.

Подросток осмотрелся, пытаясь понять, где же его новые родители. Было почти что время ужина. Весь день он провел, катаясь по городу на велосипеде, который ему подарили на окончание восьмого класса. Сейчас он не знал, чего ждать, достанется ему или нет. На нем была та же одежда, что и с утра: шорты, футболка и грязные, пыльные кроссовки, а сам он сильно вспотел.

Он тихонько пробрался по коридору к двери в кухню и стал следить, как его приемная мать ставит в духовку какую-то форму для выпечки. Пользуясь тем, что женщина стоит к нему спиной, он прошмыгнул в ванную. Прежде чем зайти туда, он заглянул в гостиную и увидел приемного отца: на его лице пляшут разноцветные тени от экрана, а он увлеченно внимает выпуску новостей.

Подросток проскочил в уборную, заперся на ключ, а уж затем включил свет.

Ему надо было отдышаться. В ушах стучало от волнения. Он не знал, что будет дальше, не понимал, сможет ли соврать или сразу расколется. Несколько часов он размышлял, какую версию расскажет новым родителям, но так ничего и не придумал.

Зачем слова, когда правда написана у него на лице?

Он подошел к раковине и оперся руками на керамический бортик. Опустил голову, потому что не осмеливался взглянуть на свое отражение. Капельки пота стекали по лбу, щипали глаза. Он вытер глаза краем футболки и стал постепенно подниматься взглядом по своему телу: влажная ткань прилипла к торсу, грудь поднимается и опускается рывками от учащенного дыхания, словно подросток пробежал несколько километров. Взгляд скользит по шее, обгоревшей на солнце. И наконец он ловит в зеркале взгляд, в котором читаются радость и в то же время страх.

Его собственный взгляд.

Отражение в зеркале расплывается в улыбке. Новые зубы. Эта улыбка означает, что кто-то сильно вляпался.

«Меня вычислят, — думает он. — Стоит им на меня взглянуть, все сразу станет ясно». Сомнений нет, но он и сам не знает, так ли это важно. Он не думает о последствиях. Трепет от того, что случилось утром, еще слишком силен.

На дворе осень, но жарко, как летом. Вчера приемная мать взяла с мужа слово, что в воскресенье они с сыном побудут вдвоем. Только отец и сын. Можно сходить за грибами или поохотиться на птиц. Проснувшись, подросток почувствовал запах свежего белья. На кровати для него лежали новые постиранные вещи. Мать приготовила ему завтрак: стакан молока и хлеб с

сахаром. Подросток сказал, что будет рад провести время с отцом, но мать ответила, что тот ушел рано утром, забыв об обещании.

Отец не хотел проводить с ним время и, когда мог, избегал его. Он был неразговорчив. Закрывался в мастерской, где делал кресла-качалки, домики для птиц, фигурки эльфов в больших красных колпаках, маленькие водяные мельницы и флюгеры. Такое у него было развлечение. Из мастерской он выходил только поесть или посмотреть телевизор на диване. Приемная мать, наоборот, была вежлива и много улыбалась. Улыбка у нее на губах не исчезала, даже когда она спала. Подросток часто подолгу смотрел на нее по ночам, стоя у ее кровати.

Поэтому тем воскресным утром он не понимал, что делать.

Потом решил, что, раз уж у него выдался свободный день, можно покататься на велосипеде. Он накачал колеса, пристроил на руле звонок и уже собирался стартовать, как вдруг раздался свист.

Длинный протяжный свист, который призывал его, две бесконечно повторяющиеся ноты.

Оставалось только послушаться. Подросток бросил свои занятия и поднялся в комнату мертвого мальчика. Микки, как и в прошлый раз, сидел в кресле и раскачивался. Он приказал подростку выполнить непростое задание и подробно объяснил, что нужно сделать. Подросток не понял зачем, но не осмелился спросить.

Скоро он уже крутил педали и бороздил просторы полей.

Щебенка шуршала под колесами, цепь скрипела при каждой попытке ускориться. Такую свободу ощущаешь, только когда рядом никого нет. Он уже почти забыл о том, что приказал ему Микки. После очередного крутого подъема он свернул на тропинку к заправке для сельхозтехники.

На парашюте сидел ребенок и играл с маленьким жестяным танком. На вид года три, не больше.

Подросток прыгнул с велосипеда и подошел к малышу. Подумал, что родителям не стоило оставлять такого кроху без присмотра.

Даже теперь, стоя в уборной, он чувствовал запах керосина от бензозаправки. Из-за двери доносились звуки телевизора: приемный отец все смотрел новости. До подростка долетали обрывки фраз. Случилось что-то плохое. Немыслимое, невозможное. И тут он понял, что ведущий говорит о нем. Подросток скорчился и задрожал. Он не думал, что обо всем станет известно так скоро. Теперь его накажут, это точно.

Из скудной хроники он выхватил несколько странных слов. «Поиски», «пропал», «в страхе, что с ним что-то случилось». И еще одно — оно особенно привлекло его внимание.

«Чудовище».

Раньше он думал, что чудовища бывают только в сказках.

— Чудовище, — произнес он тихо, с нежностью выговаривая каждый звук.

«Они думают, это сделал взрослый», — сообразил он. Ему стало смешно. Кажется, ему удалось их провести. Может, удастся обмануть и приемных родителей. Хотя бы мать. Отца вряд ли. Отец точно все поймет. Он с первого взгляда все понял, как только мальчик и Мартина вышли из вагона.

Отец сразу осознал, какую ужасную ошибку они с женой совершили. Но теперь уже слишком поздно, ничего не изменишь.

Малыш на заправке тоже ему поверил. Достаточно было пообещать малышу показать новорожденных котят, и тот пошел за ним. Подросток привел малыша в заброшенный дом за холмом. В доме был колодец. Такой глубокий, что, если бросить туда камень, даже не слышно, как он стукнется о дно.

— Котят там внизу, — сказал подросток. Малыш даже не расплакался. Только смотрел на него широко раскрытыми глазами. Этот взгляд подросток никогда не забудет. В этом взгляде читалось удивление.

В дверь постучали.

— Ужин почти готов, — сказала приемная мать.

Подросток не ответил. Он просто открыл кран и пустил воду, сделав вид, будто моется.

— Вы его никогда не найдете, — бросил он в тишину.

Потом запустил руку в карман шорт, вытащил маленький игрушечный танк и внимательно его осмотрел. Отдаст его Микки. Наверное, из него можно сделать брелок или кулон на шею. Микки будет им гордиться. Не то что приемный отец, который смотрит на него как на ошибку природы.

Вера смотрела на него точно так же.

Наконец умывшись и выйдя из ванной, он направился в кухню, не догадываясь, что его ждет. Он сел за стол перед тарелкой, на которой лежала щедрая порция запеканки из макарон. Он все еще не осмеливался взглянуть на родителей. Но прежде чем поднести вилку ко рту, он поднял голову и все же на них посмотрел.

Ничего. Не произошло ровным счетом ничего.

Все продолжали есть как ни в чем не бывало. Слышались только позвякивание столовых приборов и тиканье настенных часов.

Он был счастлив и ужасно, ужасно голоден.

33

— Район озера Комо — самое спокойное место на Земле, — сказала пожилая женщина-регистратор, пока они шли к двери паспортного отдела. — Я это прочла пару лет назад в какой-то статье, и меня это поразило.

— В каком смысле «самое спокойное»?

— В том, что у нас тут, в Комо и в окрестностях, немало заброшенных домов. Люди умирают, а наследников нет.

Охотница подумала о своем доме, доставшемся ей от родителей. Что с ним будет, когда ее не станет?

— Иногда человек внезапно умирает у себя дома, и никто об этом не знает годами, — продолжала милая старушка. Роста она была небольшого, как девочка. Носила очки в красной оправе. — Но теперь уже существует способ узнать, что человек умер.

— И как же?

— По квитанциям, — с довольным видом ответила женщина. — Через несколько месяцев неуплаты в доме отключают свет или газ. Достаточно сделать запрос в соответствующие службы — и никаких проводов.

— А если счета привязаны к банковской карте?

Женщина обернулась и внимательно на нее поглядела.

— Помню, в новостях писали, что в доме обнаружили мумию старика с пультом в руке. Он сидел в кресле перед включенным телевизором. Шесть лет смотрел один и тот же канал и не мог переключить, — рассмеялась она.

Побывав в доме Магды Коломбо, Охотница решила разобраться и обратиться в паспортный отдел. Два дня она тшечно звонила в дверь, но ответа не было. Наконец, испугавшись не на шутку, она перелезла через невысокий заборчик и обнаружила, что задняя дверь не заперта. Возможно, ее кто-то взломал, хотя Охотница не могла сказать наверняка. Вопреки закону и здравому смыслу она проникла в дом в надежде отыскать доказательства, что Коломбо жива. Но, кроме кошек, в доме никого не было. Кошек, очевидно, кто-то подкармливал: вид у них был упитанный. Может, Магда оставила ключи соседке? Или родственникам? Не похоже, чтобы в доме кто-то жил, будь то муж или жених.

Коломбо была одинокой женщиной.

Охотница засомневалась, правильно ли поступила, и побоялась, что ее заметят и предъявят обвинение в незаконном проникновении в жилище, поэтому решила удалиться. Но сначала сняла с расчески в ванной несколько светлых волосков. Их она передала Сильви, чтобы сравнить ДНК с генетическим материалом руки, найденной в Нессо, но врач сказал, что ждать результатов придется как минимум неделю, поскольку лаборатория перегружена.

Однако главным образом Охотница отправилась в мрачный паспортный отдел потому, что в доме ей не удалось найти ни одной фотографии хозяйки.

Это показалось ей странным. Охотнице не терпелось узнать, как выглядела эта женщина.

Чтобы избежать запрета на сбор личных данных, она рассказала служащей всю правду о своих подозрениях: она опасается, что с Коломбо случилась беда, и для ее поисков требуется фотография. Она понадеялась, что женщина пойдет ей навстречу из женской солидарности, и действительно, служащая ответила, что ей все равно скоро на пенсию, поэтому она может позволить себе отклониться от правил.

Наконец они подошли к столу, стоявшему в отдалении в глубине архива. На нем лежали игральные карты, разложенные для пасьянса, и фруктовый желейный мармелад, стоял термос с кофе. Охотница поняла, что это — укромный уголок ее помощницы. Тут же был старенький компьютер. Женщина включила его, усевшись за стол.

— Посмотрим, сможет ли эта железяка найти нам ответ, — сказала она, с поразительной скоростью стуча по клавишам.

Чтобы найти информацию о Магде Коломбо, хватило имени и места жительства. На экране появилась фотография красивой женщины лет пятидесяти пяти, с пышной светлой шевелюрой, ярким макияжем и замысловатыми сережками, явно не из драгоценных металлов.

— Здесь ей как будто столько же лет, сколько и мне, — заметила Охотница, подумав, что для поисков лучше подошла бы фотография поновее.

— Когда госпожа Коломбо пришла менять документы, она принесла старую фотографию, — пояснила женщина и подмигнула: — Не всем нравится стареть.

Разглядывая фото на экране, Охотница спрашивала себя, может ли эта Магда быть той самой, чью руку нашли в Нессо. От мысли, что другие останки Магды Коломбо покоятся в озере, на дне впадины глубиной четыреста метров, ей было не по себе.

— Вам распечатать фото, милая?

— Давайте.

Старушка положила в лоток цветного принтера несколько страниц и мышью запустила печать.

— Обычно полиция сообщает нам о пропавших, — заметила она, хотя Охотница ни о чем ее не спрашивала.

Та вопросительно посмотрела на старушку.

— Полагаю, вас интересует, что случится, если госпожа Коломбо не объявится?

— И что же? — с любопытством поинтересовалась Охотница.

— Прежде чем ее объявят предположительно мертвой, должно пройти десять лет, это решает суд. До этого пропавшие имеют неопределенный юридический статус. Они словно висят между жизнью и смертью. Их фамилии заносят в отдельный журнал, который у нас называют «книгой призраков».

Охотница подумала, сколько опустевших домов стоит на берегах Комо. Покинуты живыми, еще дышат воспоминаниями о прежних хозяевах. Как и ее собственный дом. Перед глазами возник другой образ. Странный след от укуса на оторванной руке.

— А можно заглянуть в этот список? — спросила она, сама не зная почему. Или она все же знала, но не хотела себе признаваться?

— Конечно, — ответила женщина, протирая линзы очков платочком. — Что будем искать?

Охотница почувствовала, что у нее сперло дыхание, но нашла в себе силы ответить:

— Женщин, похожих на Магду Коломбо, ее возраста. Блондинок и одиноких.

Пока служащая вводила параметры в программу, Охотница молилась. Как ей хотелось ошибиться! Хотелось верить, что в исчезновениях нет системы. Однако на экране одно за другим стали появляться женские лица. Все эти женщины пропали за последние десять лет, но связывало их не только это.

— Невероятно! — воскликнула служащая. — Они же...

– Похожи. Как сестры, – подхватила Охотница.

34

Темные тяжелые облака скользили над озером. Теплый ветер раздувал их, а они становились все больше и поглощали дневной пейзаж. Внутри этих громад, точно капилляры под кожей, просвечивала сеть тонких красных молний.

Охотница припарковалась у дома. На землю упали первые капли дождя. Через секунду они с шумом обрушились на машину, на крышу, на дорожку у дома. Прикрыв голову сумкой, Охотница бросилась к лестнице на цокольный этаж.

Едва она закрыла за собой дверь, как разразилась настоящая гроза. Как будто на небе открыли шлюз и поток воды с грохотом ударился о землю. Войдя в дом, сотрясаемый жутким барабанным боем, который лишь отчасти приглушали стены дома, Охотница сразу направилась к дивану. Пока небо изливало свою ярость в громогласных раскатах, она, точно промокшая дворняга, легла, закуталась в плед и свернулась калачиком. Широко раскрыв глаза, она задрожала. Но боялась она не грозы, а той правды, что открылась ей в пыльном архиве паспортного стола.

Впрочем, доказать эту правду она пока не могла.

Там снаружи орудовал некто – он убивал привлекательных блондинок. Если точнее, за последние десять лет жертв было девять. Может быть, это только те, о которых есть данные. Кто знает, скольких еще не объявили пропавшими.

И как и положено маньяку, жертв он выбирал: это были женщины одного типажа. С первого убийства и до сегодняшнего дня их возраст постепенно увеличивался: с пятидесяти пяти он дошел до шестидесяти пяти. Вероятно, жертвы старели вместе с убийцей. Охотница была уверена, что в этом есть какая-то логика и что преступник легко очаровывал их, так как был моложе, – это подтверждало описание, которое дал бармен из «Блу». Где же эти женщины? Ответ могла дать та самая рука из Нессо.

На дне озера.

Но страшнее всего было то, что за столько лет никто не попытался их разыскать. «Я первая узнала об этом», – подумала Охотница. Однако это не давало ей никаких преимуществ. «Никто мне не поверит», – решила она. Даже если рассказать Памеле, что? она сможет сделать, кроме как доложить начальству? К тому же сведения предоставил «человек с ее прошлым», а значит, к ним отнесутся с подозрением. Охотница снова почувствовала, будто стоит на краю пропасти, и это чувство ей было давно и хорошо знакомо.

Она подумала о том, что случилось на втором этаже дома.

«Так вы...»

«Да, я его мать...»

Трагическая смерть Валентины подтолкнула ее заняться спасением женщин, которые не осознавали, что рискуют жизнью. Она не могла отделаться от страха, что рано или поздно ей придется столкнуться с невидимым чудовищем. Вроде того, что возникло перед ней пять лет назад. Теперь ее кошмар постепенно становился реальностью, и она понимала, что не готова посмотреть страху в глаза.

«Я маленькая хрупкая женщина. Для меня это слишком трудно, слишком больно, — думала Охотница. — Я не справлюсь».

Потоки воды стали затихать, дождь накрапывал реже, отзвуки грома как будто зависли в небе. Теперь Охотница снова слышала, как бьется ее сердце: не в такт окружающим ее звукам. Она как будто свила себе теплый кокон, и ее постепенно захватила дремота. Дыхание выровнялось, веки отяжелели. Ей хотелось забыть обо всем, и, кажется, получалось. Тень прошлого внутри нее отступила, а мрачное настоящее остановилось, еще не успев ее поглотить. Охотница снова обрела покой.

И тут наверху послышались шаги.

Она распахнула глаза, но пошевелиться была еще не в силах. Обратившись в слух, она пыталась понять, не послышалось ли ей. Но над головой отчетливо звучала ритмичная поступь, так что нет, она не ошибалась.

Охотница медленно села. Плед скользнул вниз, и она осталась беззащитной перед холодом. В воздухе повисло облачко пара от ее дыхания, а затем ее снова начала бить сильная дрожь.

«Это всего лишь очередной любопытный подросток, — подумала она. — Или бездомный, что хочет укрыться от дождя».

Но обе версии выглядели недостаточно убедительными. Она выдвинула еще несколько, но смысла в этом не было, потому что вариантов было два: ждать, пока незваный гость уйдет, или выгнать его самой. До посещения паспортного стола она бы не раздумывая кинулась наверх и выдворила мерзавца, который вторгся в это священное место, заставила бы его спасаться бегством. Но после того, что ей удалось выяснить, принять решение оказалось не так-то просто. Поэтому она схватила телефон, чтобы вызывать подмогу. Но вероятно, из-за грозы ретрансляторы вышли из строя и сигнал исчез. Она могла бы попытаться добежать до машины и уехать, но что-то подсказывало ей, что над ее машиной уже поколдовали.

«Чудовище нельзя застать врасплох», — рассудила она.

Между тем наверху кто-то упорно ходил взад-вперед: спокойно, будто и не собирался скрывать свое присутствие.

Охотница взглянула на лестницу, которая начиналась как узкий проход между стенами и вела на верхний этаж. В конце лестницы была дверь, которую она уже давно не открывала.

Теперь стало ясно, что на самом деле выбора у нее нет. Чтобы получить ответы, оставалось только снова довериться родительскому дому.

Она повернула ключ в замке и аккуратно толкнула дверь. С тихим скрипом та открылась. Охотница оказалась в узком коридоре и медленно пошла вперед, оглядываясь по сторонам.

Вдоль коридора было несколько дверей. Бордовый ковролин в ромбик. Со стен, оклеенных зелеными обоями в тонкую бежевую полоску, на нее смотрели пейзажи Комо.

Охотница взяла с собой телефон в надежде, что он заработает. Еще она захватила с собой каминную кочергу с первого этажа. Перочинный нож был бесполезен — она не в состоянии выдержать ближний бой.

Пока она медленно продвигалась по коридору, пытаясь уловить в каждом шорохе движение незнакомца, ей показалось, будто она слышит тиканье старых часов, которые отец купил сразу после свадьбы и которые так любила мать. Часы давным-давно не заводились, но их звук как будто проник в атмосферу дома. То был звук ее детства, отрочества и большей части взрослой жизни. Так было, пока она сама не остановила бег этих часов и время в доме, из-за события, произошедшего спустя много лет после смерти родителей. С того самого дня это место оставалось священным и туда не ступала нога человека. Жизнь не допускалась в это святилище — в этих стенах продолжала царить смерть.

Охотница шла вперед, догадываясь, что ее уже ждут.

Кто бы это ни был, он проник в дом через окно гостиной: оно было открыто. Занавески, которые ее мама пошила для приданого в юности, когда готовилась выйти замуж, трепетали на ветру, и в проем окна хлестали струи косого дождя. На полу и на подоконнике уже образовались лужи. Над большим каменным камином висели семейные фотографии и чучела рыб — предмет отцовской гордости. Диваны и прочая мебель были укрыты белыми покрывалами.

Охотница пошла дальше.

На одной из стен старой кухни уже появилась плесень, которая частично перебралась на буфет: тонкий и ворсистый бело-зеленый ковер поднимался по стенке от пола и почти до потолка. В раковине стояла черная жижа, вылившаяся из труб из-за грозы.

Охотница все еще не могла определить, где затаился незванный гость, но ощущала его присутствие где-то рядом. Теперь она была совершенно в этом уверена.

Из ванной доносился неприятный запах стоялой воды из слива. Даже зеркало покрылось каким-то белесым налетом. Когда Охотница проходила мимо, ей показалось, что там промелькнуло привидение.

Комната родителей почти не пострадала от неспешной жестокости времени. Немного пыльно, и только. На кровати по-прежнему сидела фарфоровая кукла. В углу стоял внушительный дубовый шифоньер, который в детстве пугал Охотницу своим суровым видом. Этажерка с бельем, пошитым на приданое. На одной тумбочке стояла стеклянная колба с фигуркой Мадонны с раскинутыми руками и молящими глазами. На другой — стакан и будильник, Евангелие и маленькая вазочка, для примул или маргариток.

До конца чудесной экскурсии по дому ужасов оставалось немного: самая последняя комната — ее собственная. Та самая, где она жила, пока не вышла замуж за профессора Ринальди, любовь всей своей жизни, единственную любовь.

В отличие от других комнат, дверь была не заперта, а лишь притворена. Охотница уже знала, что ее ждет за порогом, за этой последней тонкой гранью.

Непокрытый матрас с большим темным пятном. Кровь Валентины пропитала плотную ткань и внутренние слои, так что даже попала на пол.

Все прочее Охотница выбросила. Все свои постеры с певцами, кумирами юности, мелкую утварь, диплом и аттестаты, а кроме того, все воспоминания тех времен, когда она начала работать по профессии, которая теперь была в прошлом.

В этом храме ненависти осталась только кровать. Ее она выкинуть не смогла. Это было бы неправильно.

Кто знает — вдруг незванный гость туда и прилег отдохнуть? Это легко выяснить.

Одной рукой Охотница покрепче обхватила рукоятку кочерги, а другую положила на дверь и уже приготовилась ее распахнуть, как вдруг в кармане зазвонил телефон. Связь вернулась. Она попыталась прервать телефонную трель, вытащила аппарат из кармана, но уронила на пол. Она успела разглядеть надпись «Незнакомый номер» и в который раз подумать о превратностях судьбы: та была, как обычно, пунктуальна. Охотница наклонилась за телефоном, и тут что-то со всей силы обрушилось ей на голову. Удар пришелся на затылок, и она упала вперед.

— Звонок за счет принимающей стороны. Разрешение номер двести шестьсот семь, — произнес механический женский голос на записи, пока темнота застилала ей глаза. — Если вы хотите ответить на звонок, нажмите «девять».

Пятью годами ранее

Прозрачные двери больницы открылись перед ней, точно занавес. В душе она уже догадывалась, что, если переступит порог, пути назад не будет. Но иной раз лучше сомневаться, чем знать правду. После сообщения от профессора она не знала, чего ждать.

Было восемь вечера, самый обычный день. Вдали на темном небе разгорался закат. В воздухе уже повис запах еще не начавшегося дождя. Внутри и вокруг больницы Святой Анны былолюдно и цариласуета.

Войдя, она окунулась в толпу медиков и полиции; никто не обратил на нее внимания. Она озиралась, не понимая, куда идти. Профессор заметил ее и направился навстречу. Обняв, прижал ее к себе.

— Что случилось? — спросила она, все еще думая, что хочет знать, что у нее хватит сил смириться с ответом и выдержать столкновение с реальностью, какой бы она ни была. — Повсюду полиция, я хотела приехать раньше, но меня не пропускали.

— Дети, — ответил профессор. Всего одно слово. «Ребята».

— Что с детьми? — спросила она, от ужаса распахнув глаза и стараясь прочесть ответ в его глазах. — С ними все в порядке?

Профессор вытащил ее из людского потока и отвел в сторону.

— Ребята сегодня были в доме твоих родителей. Хотели побыть вдвоем и поехали туда.

Она сама не раз им намекала, что можно встречаться в доме родителей. Ребята еще не получили права — зачем рисковать и прятаться в машине, когда есть свободный дом? Вокруг столько ненормальных и любителей подсматривать. Охотница даже чувствовала себя современной, продвинутой матерью. Ее мать никогда бы не позволила ей ничего подобного.

— Не знаю, как это могло произойти, — бормотал профессор.

Она все еще не понимала, что именно. В голове проносились мысли о несчастном случае. И тут к ним подошла молодая женщина в форме карабинера.

— Памела Де Джорджо, — представилась она. — Раз уж вы оба тут, я должна задать вам несколько вопросов.

Охотница еще не пришла в себя: все происходило слишком быстро. Она схватила мужа за плечо и спросила:

— Ты не ответил — что с ребятами?

Он опустил глаза:

— Валентина наверху, в операционной. Она потеряла много крови.

— А что с Диего?

Муж внимательно взглянул на нее:

— Его ищет полиция.

36

В этот раз, открывая замки на двери в свою квартиру, он чувствовал странное возбуждение. Чистильщик не появлялся здесь уже несколько дней. В качестве нового пристанища он выбрал дом 23, но теперь был не уверен, что сможет снова туда вернуться. Нужно как-то забрать оттуда спрятанный на чердаке телефон Фак. Не оставлять же его там.

Ступая по коридору и зажав в руке брелок в виде танка, толком не понимая, что делать, он думал о женщине, которая лишила его убежища. Кто знает — а что, если и за этим порогом его ждет неприятный сюрприз?

Увидев в доме своей подруги Магды неожиданную гостью, он вернулся к мусорному фургону. Надежно спрятавшись за лобовым стеклом автомобиля, он увидел, как незнакомка перебралась через забор и ушла. Он следил за ней весь день, стараясь держаться на должном расстоянии и спрашивая себя, кто она и что ищет. Так он выследил ее до самого дома.

Незнакомка проживала в небольшом доме, стоящем в отдалении от других, с видом на озеро.

И тут разразилась гроза. Тогда он решил воспользоваться обстоятельствами и нанести хозяйке дома неожиданный визит. Когда он увидел, что она спустилась в полуподвал, он устроил поломку в ее машине, а потом через окно пробрался на верхний этаж.

Он осматривал дом, который был похож на заброшенный, шагая громко и не пытаясь скрыть свое присутствие: так его легко услышат внизу.

Он уже собирался спускаться, когда хозяйка сама поднялась.

Он спрятался как следует. Дождался, пока она дойдет до самой последней комнаты, той, где дверь была приоткрыта, выскочил из-за нее женщине за спину и ударил ее палкой, которой утрамбовывал мусорные пакеты в контейнер внутри фургона. Ее отвлек внезапно зазвонивший телефон. Но когда он оглушил ее и приготовился воздать ей по заслугам, дверь в комнату распахнулась. Его взгляду предстал окровавленный матрас. Тогда он решил перевернуть незнакомку и посмотреть ей в лицо.

Узнав ее и сообразив, в каком доме оказался, Чистильщик замер. Он не мог еще раз причинить боль. Он сбежал, оставив женщину без сознания, не зная, выживет ли она.

Теперь он снова стоял на пороге своей квартиры. Наконец решился и принялся открывать замки один за другим. Внутри его ждала привычная тишина и слабый свет, проникающий из затянутого пленкой окна. Он замер в ожидании чего-то, не решаясь взглянуть на зеленую дверь.

— Где ты так долго пропадал? — спросил Микки.

— Гулял, — соврал он, понимая, что его друг на это не купится.

— Я свистел, звал тебя, но ты не пришел, — упрекнул его голос, в котором, впрочем, не слышалось злости.

— Извини, — выдохнул он.

— Ну, теперь, раз ты явился, нам надо поговорить.

Чистильщик не понимал, не знал, стоит ли ему бояться, но слушал дальше.

— Я много думал о нас в последнее время. Давно мы с тобой ничего не делали вместе.

Тогда до него дошло: Микки хочет поручить ему новое дело.

— Но мы еще не готовы, — воспротивился он. — Я еще не нашел избранницу, не изучил материалы...

— Хватит уже таскать домой этот дерьмовый мусор, — перебил его Микки. — Теперь будем работать, как в старые добрые времена, помнишь?

Конечно, он помнил. Когда-то Микки хватало уличной проститутки, которую удавалось заманить в укромное местечко. А ему приходилось потом все подчищать.

— Но это опасно. Мы уже не раз сильно рисковали, кто-то может нас увидеть.

— Век шлюхи недолог. Даже легавые это понимают.

Он не знал, как убедить Микки. И приведи он хоть тысячу аргументов, за Микки всегда оставалось последнее слово. Потому что, если он что-то вбил себе в голову, заставить его передумать невозможно.

— Ну ладно. Сейчас же начну готовиться, — ответил Чистильщик.

— Умница, мой мальчик, — довольно рассмеялся Микки.

37

Много лет Чистильщик спрашивал себя, зачем появился на свет.

Этот вопрос мучил его с детства. Еще до того, как мать попыталась утопить его в мерзком бассейне. «Зачем я родился, если никто меня не любит? — думал он. — Зачем я живу?» Он долго не мог найти ответ. Быть может, другие люди тоже чувствовали нечто подобное. Иногда ему казалось, что он одинок и с этой точки зрения.

Он родился по ошибке, и его выбросили — как мусор.

Мусор — доказательство того, что тварный мир неидеален. А поскольку обычно людям не нравится, когда им напоминают об их недостатках, когда мальчик вырос, он стал Чистильщиком, и его задачей было избавлять других от этих воспоминаний.

И правда, никого ведь не волновало, куда девается мусор, когда его выбрасывают.

Но однажды он понял, что все в мире имеет свое предназначение. Даже мусор имеет свою ценность. Он нужен затем, чтобы люди вроде него могли работать; мусор можно перерабатывать, генерировать энергию — или он может становиться материалом, из которого создается что-то новое, и оно снова участвует в жизненном цикле вещей.

Чистильщик годами искал свое предназначение. Наконец он нашел его там, куда никто не осмеливался заглянуть.

Находясь на самом дне пропасти, он осознал, что даже такое ничтожное существо, как он, может быть полезным.

Поначалу он испугался. Он не готов был посмотреть правде в глаза. Но постепенно понял и научился принимать свое значение. Справедливость не может существовать без несправедливости. Радость без горя. Без смерти нет жизни. Нет, он не пустое место, потому что Микки показал ему цель.

Так что он снова открыл зеленую дверь и стал готовиться к привычному ритуалу.

Сначала он долго и тщательно мылся. Из-за алопеции ему не нужно было бриться или удалять волосы любым другим способом. Но после мытья он все равно тщательно избавился от мертвых клеток эпителия, растерев тело жесткой мочалкой и затем смазав отшелушивающим кремом. Поскольку малейший

кусочек кожи мог раскрыть его личность, оставлять их где попало не следовало. Нужно стереть их, чтобы превратиться в Микки. Ему нравилась мысль, что Микки доверяет ему своего рода работу санитара. После мытья он постриг ногти на руках и ногах и подпилит их как можно короче. После чего аккуратно, точными и легкими движениями кисти распределил по блестящему лысому черепу клеящую субстанцию и пристроил на голову блондинистый парик. Посмотрев в зеркало и убедившись, что пробор лег точно по центру головы, он нанес на лицо тонкий слой автозагара, чтобы не казаться слишком бледным. Наконец он надел голубые линзы и водрузил на нос затемненные очки. Натянув кожаный блейзер и повязав бордовый галстук, Чистильщик перешел к аксессуарам. Позолоченные часы. Кольцо с бирюзой. Металлическая зажигалка «Зиппо» и «Мальборо» в красно-белой мягкой пачке. Коричневый кожаный кошелек.

Он надел высокие ботинки и встал посреди комнаты.

Он неподвижно стоял так до тех пор, пока комната не погрузилась во тьму, которая словно перетекла в квартиру через окно. Почувствовав, что пора, он положил руку в карман. Нашупав маленький танк, он подцепил пальцем ключи от машины, свой юношеский амулет. Оставалась последняя деталь.

Он откашлялся и четко произнес:

— Очень приятно, Микки!

Преображение удалось на славу.

38

К ужину она не спустилась. Так и сидела в своей комнате в одной пижаме, сославшись на то, что ей нужно учить историю, и сказав, что поест позже. Через месяц она заканчивает среднюю школу, и ей предстоит сдавать экзамены. Если бы она призналась, что ей кусок в рот не лезет, родители бы точно встревожились.

Если последние недели были сложными, то последние дни в корне изменили жизнь девочки.

Как-то она прочла в интернете, что, если ты был на волосок от смерти и не умер, как и произошло с ней, затем все меняется к лучшему. Словно жизни время от времени требуется какой-то резкий толчок, чтоб она возобновила свой ход: так встряхивают механические часы, чтоб они снова пошли. Еще недавно девочка с фиолетовой челкой часами сидела на этих сайтах. Там встречались девчонки с разноцветными, как у нее, волосами с разных концов света. По крайней мере, именно такими ей нравилось представлять своих виртуальных подруг, с которыми она обменивалась советами, как спрятать еду в салфетку, чтобы не заметили родители, когда нужно вызывать рвоту, чтобы полученные с последним приемом пищи жиры и углеводы не успели усвоиться, или как безопаснее всего порезать себя бритвой, как выбрать такое место, чтобы скрыть шрамы.

Вот почему мать тщательно следила за тем, что и как она ест, требовала раздеваться в ее присутствии, перед тем как принять душ, и заставляла регулярно взвешиваться.

До случая на озере она успешно прошла все проверки, и родители думали, что худшее уже позади. Отчасти родители не ошиблись, потому что в начале отношений с Рафаэле у нее появился отличный повод не вредить себе. Но когда она начала догадываться, что стоит за его чувствами, все стало резко ухудшаться, и ее попытка утопиться стала кульминацией. Естественно, родители боялись, что это повторится.

Девочка лежала в кровати в полной темноте, глядя в потолок и прижимая к груди медведя, которому таинственное создание, сотканное из мрака, вернуло жизнь, пришив оторванную голову.

Она чувствовала себя виноватой.

Перед отцом, матерью и перед таинственным спасителем. Перед родителями — за то, что совсем не ценила их любовь, перед ангелом — за то, что упустила второй шанс, который он ей подарил.

Она часто думала о том, как выглядит ее ангел-хранитель, увидятся ли они когда-нибудь.

Она представляла его шатеном, зеленоглазым, с красивой улыбкой. Наверное, он любит природу, животных — даже игрушечных... Видимо, он взрослый, гораздо старше ее, и ему нельзя любить ее так, как он бы хотел. Вот почему он не показывает лица.

Внезапная вспышка света проникла через окно, озарив стену позади девочки. Та приподнялась и села, повернувшись к окну. Новая вспышка. Девочка слезла с кровати и, притаившись за шторами, выглянула в окно. В темноте ничего не было видно, как вдруг луч света, бивший откуда-то снизу, озарил ее балкон. Кто-то пытался поговорить с ней и хотел, чтобы она спустилась в сад. Она снова вспомнила о том, как они обменивались знаками в примерочной, и подумала, что это может что-то значить; сердце екнуло.

Подпрыгивая на одной ноге, она доскакала до ванной и умылась, быстро нарядилась, стоя перед зеркалом, — хотелось выглядеть лучше. Вернувшись в комнату, она открыла шкаф и достала толстовку.

Теперь можно идти.

Хотя костыли сковывали движения, ей удалось улизнуть через черный ход, и ее никто не заметил. Она прошла по дорожке из щебенки, что тянулась между двумя высокими стенами живой изгороди. Она принялась бродить по лабиринту — так она называла это место в детстве, когда играла там в прятки с кузенами. Девочка не знала, как подать гостю знак, что она пришла. Вдруг за спиной раздались чьи-то шаги, и она обернулась: кто-то включил фонарик, ослепив ее. Она прикрыла глаза ладонью, пытаясь разглядеть, кому принадлежит темный силуэт, что приближался к ней.

— Какого хрена ты не отвечаешь?! — послышался недовольный голос Рафаэле.

— У меня больше нет телефона, — разочарованно ответила она. — Утонул в озере, когда я туда бросилась.

Парень схватил ее за руку, отчего она потеряла равновесие и едва не упала.

— Не вздумай мне врать, — пригрозил он. — Ты видишь мои сообщения, но не отвечаешь уже несколько дней.

В его глазах блеснула ярость — девочка уже испытала на себе, что он может быть безжалостным. Она ничего не ответила на его угрозы. Она догадывалась, что раз он пробрался к ней в сад, то не просто так.

— Ты меня не заставишь, — сказала она.

— Еще как заставлю, — самоуверенно ответил Рафаэле. — А не то в вашем семейном альбоме появятся любопытные снимки.

Девочка мысленно взмолилась, чтобы ангел явился прямо сейчас и унес ее отсюда. Но ничего не произошло.

— Что я должна сделать?

— Узнаешь в среду вечером.

— А что сказать родителям?

— Придумай что-нибудь, мне-то какое дело? — Он посмотрел на нее, взял ее рукой за подбородок и поцеловал в губы. — И приведи себя в порядок.

39

Она очнулась в луже рвоты и крови. Подняться удалось не сразу: голова сильно кружилась. Охотница ухватила за дверной косяк и попыталась устоять на дрожащих ногах. Ей было холодно, снаружи стемнело. Телефон почти разрядился, на экране еще горел номер: последний входящий вызов.

«Если вы хотите ответить на звонок, нажмите „девять“», — вспомнила она.

Записанный на пленку голос эхом раздавался в ушах. Годовщина, вспомнила она, как раз на днях. Опираясь на стену, Охотница заковыляла к двери на первый этаж. Потом спустилась по лестнице; колени подгибались.

Внизу она тут же пошла в туалет.

Отражение, которое она увидела в зеркале, включив свет, будто принадлежало не ей. По левой стороне лица тянулась струйка запекшейся крови, от носа и рта до уха. Белки глаз тоже налились кровью от лопнувших капилляров, под глазами растекались темные синяки. Видимо, результат черепно-мозговой травмы, степень тяжести которой станет известна лишь через несколько часов.

Она открыла кран и включила холодную воду.

Сейчас ее интересовала причина, по которой напавший предпочел оставить ее в живых, а не прикончил. «Возможно, подумал, что я все равно умру», — рассудила она.

Сплюнув в раковину, Охотница зачерпнула руками воды и энергично умылась. Капли еще стекали по лицу, когда она открыла шкафчик с лекарствами и пошарила в коробках в поисках обезболивающего, чтобы унять мигрень. Найдя эрготамин, она тут же проглотила пару таблеток, не посмотрев на срок годности. В таком состоянии ей нужно скорее попасть в больницу, но совсем не хотелось. Вместо этого она собиралась наковырять из холодильника льда,

завернуть его в полотенце и развалиться на диване, крепко прижимая ко лбу компресс и ожидая, когда мироздание перестанет быть к ней враждебным. Но когда она уже закрывала шкафчик, взгляд упал на старую губную помаду, которая стояла там с незапамятных времен.

Она пригляделась к тюбику.

Несмотря на то что последние годы она занималась помощью пострадавшим от насилия женщинам, сама она никогда не знала, что значит терпеть побои от мужчины. Теперь, получив этот опыт, она поняла, что это в тысячу раз хуже, чем она себе представляла. Помимо боли физической, она чувствовала нечто более глубокое и пронзительное.

Унижение.

Она вдруг поняла, что ни один мужчина никогда не сможет испытать подобных мучений: чувства, что ты слабее, уязвимее. Оно возникло не только из-за неравных сил. Это было внезапное осознание, почти что озарение: на самом деле за жестокостью таилось чувство собственного превосходства. Мужчина бьет не потому, что он сильнее, а потому, что чувствует себя вправе.

«Звонок за счет принимающего абонента. Разрешение номер двести шестьсот семь...»

Каждый год в эти дни Диего отчаянно пытался связаться с ней из тюрьмы. Охотница понимала, что ему нужно. Он снова станет просить у нее прощения за смерть Валентины, но она ему не верила. Он делал это лишь потому, что надеялся скостить срок. И она, и профессор Ринальди могли не поддерживать эту меру, и он бы и дальше оставался в тюрьме. Однако Ринальди, в отличие от нее, кажется, уже не был уверен, что это наилучшее решение.

«Прошло уже пять лет, он имеет право на второй шанс...»

Тошнота сменилась мрачной злобой. Охотница не могла допустить, чтобы случившееся повторилось. Она бы не вынесла, если бы пострадала еще одна женщина. Поэтому она взяла помаду, открыла колпачок и начала осторожно водить им по губам, пытаясь сдерживать дрожь в пальцах. Вдобавок ей удалось найти консилер, чтобы замазать мешки под глазами, а также тени, карандаш и даже тушь. Приведя в порядок короткие волосы, она вышла из ванной и направилась к шкафу, где устроила вещам естественный отбор: сразу отбросив удобную одежду, она стала искать нечто более женственное. Когда надежда найти нужное почти улетучилась, она чудесным образом откопала обтягивающее черное платье до колена. И вспомнила, когда последний раз надевала его: на похороны Валентины. Охотница восприняла это как знак свыше. Однако самое сложное было впереди. Попытавшись надеть платье через голову, она поняла, как сильно поправилась за последние пять лет. Помимо живота, с которым она стала походить на древние статуэтки богини плодородия, с бедрами было что-то не то: такое чувство, будто таз перекошен вправо. Надев туфли на каблуках, она с удивлением обнаружила, что, несмотря на обезболивающее, она еще нетвердо стоит на ногах. Икры болели — она уже отвыкла ходить, поднимая пятки на пять сантиметров от земли. Нетвердой походкой она направилась к выходу, взяла телефон, который был уже на последнем издыхании, и поискала в интернете заведения для тех, кому за шестьдесят.

В музыкальном баре «Глория» как раз был тематический вечер.

Она не была уверена, что тот, кого она ищет, вновь примется за дело именно сегодня вечером, как и в том, что он отправится искать жертву именно в это заведение. Наверное, лучше было бы остаться дома и отойти от последствий удара по голове.

«Он злится, — думала она. — Вот почему он пришел за мной». Но отчего-то она не оказалась на дне озера. «Я не в его вкусе: не тот возраст и не блондинка». Именно поэтому Охотница была уверена, что убийца захочет отыгаться на другой жертве.

Да, это случится сегодня.

Она вышла из дома и села в машину. Она была уверена, что тот, кто напал на нее, позаботился и о машине, чтобы женщина не сбежала. Хотя она могла бы вызывать такси. Однако мотор завелся с первого раза.

«Тем лучше», — решила она и бросила последний взгляд в зеркало заднего вида. Поскольку макияж не смог скрыть следы побоев, она вытащила из бардачка и надела темные очки.

Доступная, уверенная в себе и загадочная. Отличная приманка для мошкеры.

40

За время своего существования «Глория» пережила несколько эпох. Это место было дискотеккой, ночным клубом, стриптиз-клубом, клубом для свингеров. Красные бархатные шторы, ковер с длинным ворсом, хрустальные светильники, диваны и пуфы. Все было окутано сладковатым запахом дыма, производимого специальным прибором.

Микки толкнул дверь с небольшими окошками вроде иллюминаторов, и затем створки закрылись у него за спиной. Сначала он увидел певицу, стоящую в самом центре зала у большого рояля, клавиши которого на самом деле были как у синтезатора, электронные. Вокруг рояля кружились в танце четыре пары.

Как обычно, Микки прошел вперед, озираясь и прикидывая, чего ждать от этого вечера. В зале он приметил две-три компании и нескольких одиночек. Женщин гораздо больше, чем мужчин. Значит, среди них есть проститутки.

Микки расположился за барной стойкой, окаймленной латунными перилами. Перед баром стояли двенадцать круглых барных стульев с мягкой обивкой. Микки выбрал место на углу стойки, чтобы лучше видеть, что происходит в зале. Он заказал спрайт, который при необходимости можно было выдать за джин-тоник, и стал присматриваться к женщинам, прикидывая, кто из них мог бы стать новой избранницей.

По обыкновению, выбор делал не он, а она.

Поскольку он решил довериться судьбе, следовало быть настороже, чтобы не совершить ошибку.

Чистильщик был прав, когда советовал ему не выходить из дома, не подготовившись как следует. Обычно Микки уже все знал об избраннице и сохранял контроль над ситуацией. Но ему не хотелось соглашаться с неблагодарным мальчишкой, который пропал на несколько дней, не сказав ни слова. Ему хотелось наказать Чистильщика, и вскоре он, возможно, этим займется, но сейчас настало время веселиться.

Микки заметил, что из противоположного конца зала на него кто-то смотрит. Эта женщина сначала долго буравила его взглядом, а теперь медленно и развязно шла к нему, сжимая в руке бокал с коктейлем. У нее были короткие волосы, не светлые, но он сразу узнал ее, несмотря на темные очки, закрывавшие лицо. У него перехватило дыхание.

— Привет, — проговорила она, устраиваясь на соседнем стуле и ставя бокал на стойку. — Нужна компания?

Микки не отрываясь глядел на нее и не знал, как поступить.

Женщина хрипло рассмеялась:

— Ну что ты воды в рот набрал? Или по-нашему не понимаешь?

— Понимаю, — наконец ответил он, боясь, что его могут узнать.

— Ждешь кого-то?

Он на секунду задумался.

— Ждал. Тебя.

Женщина снова рассмеялась и протянула ему руку:

— Вера.

— Микки, — ответил он, эту руку пожимая.

Женщина и бровью не повела. Она была другая, ни капли не похожа на ту, прежнюю Веру, которую он видел много лет назад. Куда исчезла ее прекрасная светлая шевелюра, как у голливудской дивы? Красота, что завораживала его в детстве, увяла. Вместо лица — сморщенная маска, в морщинах вокруг глаз скопились излишки косметики. Кожа пожелтела. И она как будто стала ниже ростом.

— Так кто же ты на самом деле, Микки?

«Она меня не узнала, — подумал он. — Она даже не догадывается, кто я».

И правда, она флиртowała с ним как ни в чем не бывало, и он решил показать свою фирменную улыбку.

— Для тебя — кто угодно.

— Кажется, ты не женат, раз так нагло за мной ухлестываешь?

— Разумеется, — подтвердил он. — Ни жены, ни детенышей.

— Интересно, почему я тебе не верю? — усмехнулась женщина, отхлебнув из бокала.

— А ты? — спросил он. — Семья есть?

Она снова рассмеялась, на сей раз развязно.

— Черт возьми, нет, конечно. — С этими словами она придвинулась и шепнула ему на ухо: — Твоя машина на парковке?

— Да.

Она взяла его руку и положила ее себе на грудь.

— Может, поищем место потише?

Микки замялся.

— Если уйдем прямо сейчас, могу сделать тебе скидку... А ты можешь делать со мной все, что захочешь. — И она подмигнула, покусывая губу.

41

Охотница увидела, как парочка вышла из клуба — где-то в десяти метрах от нее. Заплывшие глаза и темные очки не позволяли разглядеть их лица. И все же она постаралась запомнить, как они выглядели.

Не верилось, что ей с первого раза так повезло.

Она заметила, как двадцать минут назад в клуб зашел мужчина. Высокий, крепкий, чем-то похож на уборщика с камер в больнице Святой Анны. Он был одет в темное, в тонированных очках, в точности как его описывал бармен из «Блу» — он еще сказал, что у парня были странные блондинистые волосы, «как будто их приклеили к голове». Увидев его сейчас, Охотница подумала, что эти волосы — скорее всего, парик.

Но самое главное, незнакомец был слишком молод для подобного заведения.

Она следила за ним все время, пока он не уселся в самом дальнем углу у стойки, откуда было удобно наблюдать за всем, что происходило в зале. Она видела, как он заказал спрайт, и именно этот выбор его выдал. Вряд ли непьющий мог оказаться в таком месте. А он явно не хотел напиваться.

Прошло всего несколько минут, и у стойки нарисовалась женщина лет шестидесяти и села рядом с незнакомцем.

«Сейчас он ее пошлет», — подумала наблюдательница, потому что женщина совершенно не соответствовала типу, который предпочитал тот, на кого она устроила охоту.

Она не была блондинкой.

Но к удивлению Охотницы, незнакомец принял предложение дамы, и вскоре они вместе направились к выходу.

Охотница поднялась с диванчика, стоявшего поодаль от остальных, и пошла следом за парочкой, держась на расстоянии нескольких метров, но не упуская их из виду. Выйдя из клуба, они зашагали по пустынной дороге. Стук каблуков мог выдать Охотницу, поэтому она сняла туфли и осталась босиком.

Женщина взяла мужчину под руку — на вид обычная влюбленная пара. Наконец они подошли к старому «фиату-фьорино». Мужчина открыл женщине дверь и обошел машину, чтобы сесть за руль. Охотница воспользовалась этим моментом, чтобы добежать до своей «рено-клио» и залезть внутрь: за парочкой надо проследить.

«Фиат» быстро выехал из жилого квартала на темную дорогу, что петляла вдоль озера.

Охотница держалась метрах в ста от фургона; этого было достаточно, чтобы ее не заметили, но с такого расстояния номер машины не разглядишь. У нее с собой не было оружия, даже складного ножа, и к тому же телефон почти разрядился. Она взяла аппарат с пассажирского сиденья и рассудила, что успеет сделать последний звонок. Не раздумывая, она набрала номер Памелы.

— Что такое, черт возьми? — недовольно ответила та.

— Слушай, у меня мало времени, телефон вот-вот отключится. — Помимо всего прочего, связь барахлила. — Кажется, я нашла того, кто убил женщину из Нессо.

— Что? — запнулась Памела. — Что ты сказала?

— Он был сегодня в «Глории», я сейчас еду за ним, потому что он заарканил новую жертву!

— Что ты несешь? С чего ты взяла, что он убийца?

— Точно он, зуб даю!

— Ты спятила.

— Нет. Я не спятила, и у меня для тебя полно доказательств.

Разумеется, Памела ей не поверила. И все же заволновалась за подругу.

— Где ты сейчас?

— Недалеко от озера, мерзавец снова едет в Нессо.

— Ты что, правда за ним следишь? — Очевидно, вопрос был риторическим. — Ладно, я еду, не делай глупостей.

— Может, вызовешь подкрепление? — Охотница удивилась, что подруга решила ехать одна. — Этот сукин сын опасен.

— Не знаю, что ты задумала, но, по-моему, бояться нужно тебя.

Охотница нажала отбой, телефон протяжно запиликал и через пару секунд выключился. Она бросила его на соседнее сиденье и вцепилась в руль, чтобы не вылететь за обочину на повороте, где дорога сужалась. «Рено» слегка занесло, но Охотница смогла его удержать. Однако после этого маневра она очутилась слишком близко к «фиату», и водитель легко мог заметить ее в зеркале заднего вида. Охотница решила сбавить скорость. Но как только ее нога опустилась на педаль тормоза, что-то пошло не так.

Ей показалось, что скорость машины не соотнобразуется с силой, с которой она давила на педаль.

Охотница снова нажала на тормоз и поняла, что он не работает. Дорога пошла под уклон, и Охотница отпустила педаль газа. Машина, однако, легко преодолела подъем. В панике Охотница схватилась за ручной тормоз и потянула на себя изо всех сил. Без толку.

Она готова была ругать себя на чем свет стоит, но времени не было. Она потеряла управление. После очередного поворота капот задрался; машина словно сошла с ума и, оторвавшись от земли, взлетела.

— Не притормозишь на минутку?

Микки послушно припарковался на обочине. Вера, прихватив с собой сумочку, вылезла из «фиата»; ее пошатывало. Она встала рядом с машиной и попыталась отдышаться. Микки смотрел на нее через приоткрытую дверцу. Веру, должно быть, укачало.

— Тут столько поворотов, и, кажется, я слегка перебрала, — сказала она, подтвердив его догадки.

«Когда-то алкоголь делал ее жестокой, — думал Микки. — Она превращалась в какое-то дикое животное. А теперь раскисла». Он на секунду почувствовал к ней отвращение: это была уже не его Вера.

Женщина сняла очки и уронила на землю. Нетвердой походкой она направилась по тропинке, что терялась в лесу.

Микки решил пойти за ней.

Вера шла вперед, покачивая бедрами, — вот так же она когда-то шагала прочь от бассейна, где тонул ее сын. Микки держался поодаль. Фары машины еще освещали их спины, но чем дальше они углублялись в лес, тем слабее становился свет. Скоро в чаще стало так темно, что Микки потерял Веру из виду, перестал даже слышать ее шаги.

Но вдруг деревья расступились, и они очутились на смотровой площадке в свете луны.

Вера сидела у парапета, откуда открывался особенно чудный вид на озеро. Отсюда оно казалось огромным масляным пятном: черным, блестящим и неподвижным. Листья деревьев шелестели на ветру, будто приветствуя их гулом аплодисментов. Глядя на Веру, Микки подумал, что жизнь обошлась с ней особенно жестоко. Он уже заметил, что у нее случались короткие провалы в памяти. Помутнение рассудка, разумеется, было следствием какой-то болезни — возможно, ранней деменции. Чистильщик бы с удовольствием воспользовался этой неожиданной встречей, чтобы разузнать о своем «прошлом». Жаль, его здесь нет.

Микки неторопливо приближался к ней.

— Ты помнишь, как я однажды в подвале запер голову твоего шестилетнего сына в стальные тиски? У него на голове остались шрамы. А помнишь, как я вырывал ему клещами зуб каждый раз, когда он не слушался? Помнишь, Вера?

Микки замедлил шаг, оттягивая момент.

— Ты была рядом и даже не пыталась меня остановить. — Он уже стоял в паре метров от парапета. — А потом твоего сына забрали, но он все равно пытался тебя отыскать. Ты знала? Я всегда был рядом с ним, я не смог бросить его на произвол судьбы. Кроме меня, у него никого нет.

Он заметил, что Вера закрыла глаза. Потом глубоко вздохнула и открыла. И снова ноль реакции. Казалось, она даже не слышала, что он сказал.

— Знаешь... Сама не знаю почему, но сегодня странный день, — спокойно ответила она. — Я вспомнила о своем дне рождения. Ты когда-нибудь думал о своем дне рождения?

Микки не понял, к чему она клонит, поэтому промолчал, но Вера продолжала:

— Говорят, день рождения — самый важный день в жизни, именно потому, что ты появился на свет. Поэтому ты празднуешь его каждый год, и все вокруг такие добрые, может, даже подарки дарят. Но понимаешь это не сразу — тебе объясняют, что именно этот день для тебя особенно важен. — Вера помрачнела. — А я даже не знаю, когда у меня день рождения, никогда не знала. В моем свидетельстве о рождении поставили дату наугад. А знаешь, почему так? Потому что мать не хотела об этом говорить. Сколько я просила в детстве — ну мам, ну скажи, ну когда я родилась, у всех есть день рождения, я тоже хочу. А она молчала...

Вера выудила из сумочки сигареты и зажигалку. Невидимый ветерок снова и снова гасил пламя, и она никак не могла закурить. После нескольких попыток она сдалась.

— Зачем я тебе это рассказываю? Мы едва знакомы... — Она снова притворно рассмеялась, но ее надтреснутый голос выдавал, что ей совсем не весело.

Микки стоял в шаге от нее. В свете луны ее шея, казалось, была цвета слоновой кости. Можно дотронуться — только руку протяни.

Женщина резко обернулась и вдруг погладила его по щеке.

— Я знала одного парня по имени Микки, — припомнила она; в голосе прозвучала ностальгия и грусть. И она вгляделась в его лицо, будто заметив знакомые черты.

«Да, — мысленно ответил он. — Меня породила гнилая вода бассейна. Я научился дышать в грязной воде. Та яма стала моей плацентой, а жидкая грязь — околоплодными водами». Он подошел еще ближе и обхватил ее за бедра.

Вера потянулась обеими руками, чтобы снять с незнакомца темные очки, а затем пристально его оглядела.

Он не противился.

То, что она увидела за голубыми линзами, ее напугало. Выражение ее лица изменилось, будто она заглянула туда, куда смотреть не стоило. В бездонный колодец, в порочное хранилище потаенных инстинктов. Но пути назад не было, она это знала.

— Кто ты? — нерешительно спросила она.

— Я — бездна, — с улыбкой ответил Микки.

Наступил его четырнадцатый день рождения.

Приемная мать приготовила банановый торт и попросила приемного отца соорудить что-нибудь особенное из дерева в мастерской, дабы отпраздновать это событие. Они собирались устроить скромный праздник. Приемная мать намекнула, что готовит для него сюрприз, но, кроме этого, ничего не сказала.

Весь день с самого утра он только и гадал, что это может быть.

Это был особенный день рождения, потому что неделю назад он проснулся посреди ночи в мокрой пижаме. Он не знал, что случилось, и испугался. Сначала подумал, что описался, как бывало, когда он жил с Верой и в приюте. Но потом понял, что произошло нечто иное. Он попробовал обсудить случившееся с приемным отцом, но его ответ озадачил мальчика:

— С мужчинами такое случается.

Больше отец ничего не сказал, просто закрылся в мастерской и больше не возвращался к этой теме. Позже, обдумывая случившееся, мальчик понял, что раз приемный отец сказал «с мужчинами», стало быть, он больше не ребенок, и обрадовался.

Стол накрыли в гостиной, банановый торт поставили по центру. Вокруг тарелки и приборы из праздничного сервиза. Кувшин с апельсиновым лимонадом и бутылка мятной газировки.

Приемный отец, как обычно, сидел перед телевизором. Казалось, происходящее его не интересует. Приемная мать устроилась в кресле-качалке у камина и орудовала спицами: из шерстяного клубка должен был получиться свитер для мальчика. Они кого-то ждали, но кого?

В дверь позвонили.

Мать отложила вязанье и пошла открывать. Через несколько минут на пороге появилась Мартина. В руках у нее была коробка с подарком. Вот он, сюрприз. Они не виделись уже несколько лет, и мальчик был рад, что она приехала.

— Как дела у моего любимого подопечного? — спросила Мартина.

— Хорошо, — ответил он. И прибавил: — Я теперь мужчина.

Мартина улыбнулась и погладила его по голове:

— Разумеется, милый. Ты уже совсем взрослый.

Приемная мать помогла Мартине снять пальто. Под пальто обнаружилось такое, чего мальчик никак не ожидал, — огромный живот.

— Какой срок? — спросила приемная мать.

— Осталось совсем немного, — ответила Мартина.

— Мальчик или девочка?

— Мы не стали узнавать пол, пусть это будет сюрприз, — сказала она, поглаживая живот, и мальчик понял, что там внутри живет малыш, который вот-вот родится. Ему вдруг стало грустно. Он и сам не знал почему, просто так вышло.

Мать зажгла свечи на торте. Мальчик их задул. Мать и Мартина захлопали в ладоши, а приемный отец наблюдал за происходящим издалека. Мальчик натянато улыбнулся, но чувствовал себя несчастным.

Потом пришло время открывать подарки. Приемный отец сделал для него какую-то деревянную коробочку.

— Это шкатулка, — пояснила мать. — Можешь положить туда то, что тебе дорого, хранить свои воспоминания.

На крышке было вырезано: «С днем рождения. От мамы и папы».

Потом пришел черед подарка от Мартины. Он развернул обертку, хотя ему было неинтересно, что внутри.

— Это плеер для дисков, — сказала Мартина. — На нем ты сможешь слушать музыку.

— Спасибо, — ответил мальчик, подхватил подарки и побежал наверх, в свою комнату. Оказавшись на пороге, он вдруг передумал.

Он направился к комнате другого мальчика. Открыл зеленую дверь.

— Она уже тебя забыла, парень, — начал с порога Микки, глядя ему в лицо.
— Да что там, она даже нашла тебе замену.

— Неправда. И вообще, я уже не мальчик, я мужчина, — возразил он.

Микки рассмеялся.

— Что смешного? — разозлился мальчик.

Микки продолжал хохотать. Это бесило. Чтобы заставить его замолчать, мальчик швырнул свои подарки об пол, и они разлетелись на куски. Микки захохотал еще громче.

— Я женюсь на Мартине, — решительно сказал мальчик.

— Тогда тебе придется засунуть в нее свою морковку. А тебя уже кто-то опередил.

Не в силах больше выносить Микки, мальчик развернулся и снова спустился вниз. Он затаился у входа в гостиную. Из-за двери раздавались голоса приемной матери и Мартины. Они не заметили, что он весь на нервах. Что ж, так даже лучше. Поняв, что успокоился, он вошел в комнату.

— Где ты пропадал? — с мягкой улыбкой спросила Мартина. Она сидела там, где недавно вязала приемная мать, играла с красным шерстяным клубком и покачивалась в кресле у камина.

Мальчик молча подошел к ней.

— Хочешь, послушаем музыку? У меня в машине куча дисков, я могу научить тебя пользоваться плеером.

— Потом, — ответил он, подойдя к ней вплотную. Его тянуло спросить, не хочет ли она выйти за него замуж и быть с ним до конца жизни. Но он не мог подобрать нужных слов.

«Придется тебе сунуть в нее свою морковку...»

— Что с тобой, милый? — спросила Мартина.

Он наклонился к ней.

— Понятно, ты хочешь, чтобы я тебя обняла?

Мартина раскинула руки, и он нырнул в ее объятия. «Как от нее вкусно пахнет», — подумал он, а затем отстранился, выпрямился и шагнул назад. Улыбка медленно сползла с губ Мартины. В ее взгляде читались грусть и непонимание. Затем она опустила глаза и с изумлением посмотрела на спицу, что торчала у нее из живота. Приемная мать закричала. Приемный отец наконец-то оторвался от телевизора и вышел посмотреть, что случилось. Все трое ошеломленно застыли.

Мальчик понял, что ему нельзя здесь оставаться. Он повернулся к двери и убежал.

43

Гвидо Роттингер никогда не хотел иметь детей. Девочка узнала об этом случайно, когда рылась в вещах матери. Она нашла несколько писем: родители общались по переписке перед тем, как она родилась. Девочка думала, что наткнется на слащавые и трогательные выражения, из-за которых родители почувствовали бы себя неловко, знай они, что дочь прочитала их послания друг другу. Однако письма были все на одну тему.

Мать умоляла отца передумать и позволить ей родить хотя бы одного ребенка.

«Похоже, ей удалось его убедить», — подумала девочка, горько и иронично усмехнувшись про себя. Но мысль о том, что инженер Роттингер смирился с ее появлением на свет, все же причиняла ей боль.

«Интересно, как бы ты отреагировал, если бы я умерла тогда, две недели назад?»

«Меня бы это убило».

Ей хотелось верить отцу, но увы. В тех письмах отец объяснял матери, что возненавидит их ребенка, и объяснял, почему не желает иметь детей. Наконец он согласился, но при одном условии: какого пола будет ребенок, решать ему. Поэтому мать трижды делала аборт до того, как родить ее. И все три раза это было рациональное решение, основанное на тесте ДНК. Так что отец все же терпел это создание по единственной причине: оно родилось девочкой.

Жизнь Гвидо Роттингера была уже расписана.

Он был старшим из трех сыновей и однажды должен был перенять бразды правления: продолжить дело, которое создал его предприимчивый дед и унаследовал выдающийся отец. Его судьба была решена в ту же секунду, когда он издал свой первый крик. Изменить или подстроить ее под себя было никому не под силу. За него уже решили, какой будет его жизнь. Взамен он получал уверенность в том, что никогда не будет голодать или сомневаться

в своем будущем, и все те привилегии, о которых большинство людей могут только мечтать; у него всегда было преимущество, ради которого ничего не нужно делать.

Но главная причина его нежелания заключалась в том, что эти условия должны были передаваться и его потомкам.

Гвидо Роттингер не мог противостоять собственной судьбе, но мог не допустить, чтобы с его сыном случилось то же самое. Отказаться от наследника означало разорвать патриархальное семейное проклятие, в плену которого прошла вся его жизнь, которое лишило его всех чаяний, подавило любые попытки проявить свои таланты. И все же не стоило обманываться — то было не проявление исключительного родительского великодушия. Роттингер думал только о себе и в этот раз. Он поступил так затем, чтобы его ребенок, плоть от плоти, не возненавидел его, как он возненавидел своего отца, — в чем он не мог признаться из-за своего положения в обществе.

Девочка с фиолетовой челкой подумала, что ее отец как будто понес наказание, и заслуженное, за то, что вмешался в Божий промысел, ведь его единственная дочь стала проституткой. «Я не должна была появиться на свет», — мысленно повторяла она. Она родилась лишь потому, что они убили трех невинных зародышей, бывших до нее. Где они теперь? Чем они заслужили такую судьбу? И почему вместо них родилась она?

«Узнаешь в среду вечером».

Сидя за письменным столом в своей комнате, девочка думала о последней встрече с Рафаэлем и о тех отвратительных вещах, на которые пошла ради него. Она не знала, чего еще ждать. Что она обязана будет сделать на этот раз. А главное — с кем. Она пыталась сосредоточиться на учебе — экзамены не за горами, — но ничего не выходило. Единственный выход — тот, что она уже испробовала.

Покончить со всем. Вернуться в небытие, откуда ее вытащили силой, чтоб она заняла место трех несчастных нерожденных детей.

Но в отличие от других рутинных действий, которые с каждым разом даются все легче, когда пытаешься набраться смелости и покончить с собой во второй раз, невозможно игнорировать правду: умирать невыносимо больно. Уморить себя голодом тоже не поможет, поскольку среда уже завтра.

«Наверное, можно попробовать поговорить с Майей», — подумала девочка. Но она уже заранее знала, что посоветует подруга. Ей было проще убежать из дома, чем открыться родителям. Но на костылях и со сломанной лодыжкой далеко не усклечешь. Она в западне.

Девочка посмотрела на кровать — и ее взгляд упал на плюшевого медведя с пришитой головой.

После сцены в саду, когда Рафаэлем снова унижил ее, она уже не верила, будто есть какой-то ангел, что наблюдает за ней издали и хранит ее. А без него спастись непросто.

Как она ни старалась, другого варианта не было.

Она встала и похромала к двери. Дотащившись до лестницы, она начала спускаться. Стоя на последней ступеньке, убедилась, что в коридоре никого нет, и направилась в кабинет отца.

Отец уехал в командировку. Мать отправилась в город по делам. Прислуга, которая неотступно следила за девочкой, заглядывала в комнату каждые пятнадцать минут.

Времени предостаточно.

Стараясь не шуметь, она закрыла за собой дверь. В комнате царил приятный полумрак. В воздухе чувствовался знакомый запах отца: сандал, табак и мускатный орех. Уникальная композиция эфирных масел, созданная в Париже, в магазинчике рядом с Пале-Рояль.

Девочка направилась к книжному шкафу, в центре которого располагался коллаж Альберто Бурри – один из его знаменитых «мешков», приобретенный родителями у частного коллекционера в Милане. Девочка нащупала в верхней части рамы кнопку и нажала. Картина подалась вперед, отстыковавшись от шкафа. Девочка отодвинула ее, открыв доступ к маленькому сейфу с электронным замком. Она знала комбинацию цифр, это был самый надежно хранимый секрет ее семьи. Она набрала дату рождения матери, и дверца открылась.

Девочка запустила руку в сейф и достала черный бархатный мешочек.

Взяв его в руки, она направилась к отцовскому столу и села во вращающееся кресло. Повернулась спиной к столу и к двери. Утренний свет просачивался сквозь задернутые шторы, лучи солнца падали на мешочек, покоившийся у нее на коленях. Она открыла его и просунула внутрь руку, чтобы достать револьвер. Он был разряжен, но в мешочке валялось несколько пуль. Девочка сдвинула барабан и дрожащими руками принялась вставлять их одну за другой.

«Я просто попробую. Попробую, и все», – повторяла она про себя, пытаясь успокоиться.

На самом деле она не была в этом уверена. Потому что, стоило ей найти в себе силы, она бы не колеблясь нажала на курок. Как в тот день на озере, когда, стоя на краю пирса, она почувствовала нестерпимый зов ледяной воды.

Зарядив пистолет, девочка вдохнула и открыла рот. Сняв оружие с предохранителя, она вставила ствол между зубами и почувствовала, как железо коснулось неба. Если ей повезет, через секунду все будет кончено.

Сердце бешено забилося, руки вспотели. Интересно, какой станет ее последняя мысль перед смертью? Глупо думать о том, что нужно о чем-то думать, но ей не хотелось уходить из жизни с неправильными мыслями или образами в голове.

«Какого хрена ты не отвечаешь?»

В голове зазвучали слова Рафаэле, его резкий голос. Так он сказал в тот вечер в саду среди живых изгородей. Внутри все заклокотало от злости и досады. «Теперь ты меня не достанешь, – подумала она. – Придется тебе самому отдуваться».

«У меня больше нет телефона. Утонул в озере, когда я в него бросилась», – услышала она собственные слова.

«Не вздумай мне врать. Ты видишь мои сообщения, но не отвечаешь уже несколько дней», – злобно ответил Рафаэле, схватив ее за руку.

Девочка вспомнила, что перед тем, как положить телефон в полиэтиленовый пакет вместе с бутылкой виски, она отключила все пароли, чтобы нашедший мог вернуть его родителям. Они бы узнали о том, что стояло за ее поступком, если бы увидели фотографии. Но, прокрутив в голове свой план, девочка выключила телефон. Это она помнила четко.

«...ты видишь мои сообщения, но не отвечаешь...»

Револьвер как будто потяжелел в руке. Она медленно вытащила дуло изо рта. Значит, кто-то нашел ее телефон на пирсе. И включил.

44

Когда Микки рассказал ему о Вере, Чистильщик проплакал весь день.

— Теперь ей хорошо. Она больше не будет мучиться, — произнес Микки.

— Что дальше? Наша миссия окончена?

Он понял, что, поручая ему найти жертву, Микки годами разыскивал именно Веру. Вот почему он хотел, чтобы избранницы были примерно того же возраста, что и она.

— Посмотрим, — ответил Микки расплывчато и немногословно.

Чистильщик подумал, что теперь он больше не нужен другу, что он ни на что не годен, разве только убирать мусор. Раньше ему было бы больно от мысли, что Микки уйдет, но теперь он только этого и ждал. Наверное, ему тоже стоило признаться, что он внезапно кое-кого встретил.

Кто знает, испугается ли Микки, когда он упомянет об Охотнице.

Но пока что больше всего его мысли занимала Фак. Он мечтал снова ее увидеть, узнать, как она. Но сначала ему нужно было достать телефон, спрятанный в доме номер 23.

Охотница могла сообщить силам правопорядка этот адрес, но Чистильщик все равно прокрался в дом тем же утром, в час, когда весь район был еще погружен в спокойную дремоту и лишь кое-где раздавалось жужжание газонокосилки. Коты, как обычно, вышли ему навстречу. Все было по-прежнему. Но у него не было времени их накормить, нужно было спешить. Он бегом поднялся на чердак по лестнице. В полутьме сразу обнаружил нишу под настилом крыши, куда спрятал телефон. Взял его в руки и некоторое время рассматривал. И хотя он знал, что не стоит задерживаться в доме дольше, чем следует, почувствовал искушение — и включил аппарат. Дождался, пока телефон загрузится и появятся знакомые иконки, чтобы скорее открыть фотографии Фак. Он был весь в нетерпении, как ребенок в ожидании праздника, — и счастлив.

Вдруг телефон начал наигрывать какую-то жутковатую мелодию.

Чистильщик растерялся, но потом понял, в чем дело.

Ему кто-то звонил.

На звонок кто-то ответил.

Он далеко не сразу на это решился и, очевидно, долго слушал мелодию из сериала «Очень странные дела», которую она установила вместо звонка. Но в конце концов ответил. И теперь молчал.

Девочка с фиолетовой челкой сидела на полу в своей комнате. Она наконец-то распаковала и вытащила из коробки новый телефон, который ей купили родители взамен старого, который, как все думали, стинул в озере.

— Это ведь ты, да? — спросила Фак. — Это ты, тот, кто меня спас...

В трубке слышалось лишь чье-то дыхание.

— Ты принес мне медвежонка, ты пришил ему голову.

Все еще молчание.

— Это ты был в соседней примерочной в магазине... Хотя бы это ты можешь сказать?

Ни слова в ответ.

Это было неприятно и унижительно, но она собралась с духом и заговорила опять:

— Я сделала кое-что гадкое. И мне за это стыдно. Я не хочу продолжать, — на одном дыхании произнесла и сразу уточнила: — А он меня заставляет. — Она всхлипнула, едва не расплакалась. — Не знаю, зачем я тебе это говорю, но кому я могу открыться? Я даже не знаю, кто ты, какой ты, но ты должен мне помочь, мне это нужно... помоги мне еще раз. — И теперь уже слезы катились по ее щекам ручьями. — Завтра вечером Рафаэле придет за мной и куда-то повезет. Я не знаю куда, но знаю, что не хочу туда ехать.

Она взмолилась про себя, чтобы загадочный собеседник правильно расслышал эти слова, и подождала, когда он хоть как-то обозначит, что понял.

Но через несколько секунд связь оборвалась.

Одна створка окна была открыта, но муха никак не могла найти выход и упрямо билась о стекло там, где закрыто; она сама усложняла себе жизнь и, вероятно, обрекала себя на неминуемую смерть. Так продолжалось уже десять минут, и Охотница не могла оторвать от нее взгляда: она чувствовала себя точно такой же мухой.

Второй раз в жизни она попала в больницу. В первый раз это случилось накануне родов. И оба раза профессор Ринальди оказывался рядом.

— Хорошая новость в том, что твоя развалюха почилла с миром и тебе придется с этим смириться, — сказал бывший муж, собирая ее вещи перед выпиской.

Охотница помнила, как ударилась о дерево, как пахло лесом, как все перевернулось вверх ногами. Остальное — тьма. Она не помнила, что ее нашла Памела и что она же вызвала «скорую»; не помнила и то, что подруга ехала с ней вместе в машине до самой больницы Святой Анны. Хотя ей сообщили, что она все это время была в сознании и даже отвечала на вопросы медперсонала.

Она отделалась переломом руки и несколькими ссадинами, а могло быть гораздо хуже.

Все решили, что авария произошла из-за того, что за пару часов до этого она получила черепно-мозговую травму. Никто не верил, что к ней в дом проник опасный убийца. Все считали, что это был обычный вор, а когда она его обнаружила, он оглушил ее, чтобы скрыться. Убийцы убивают, а не ранят — таков был их главный неопровержимый довод.

— Кто-то повредил тормоза, — в изнеможении возразила Охотница.

— Ты уже говорила, но это не машина, а рухлядь, теперь уже страховая во всем разберется.

Помятый чуть более, чем обычно, вид Ринальди свидетельствовал о том, что сегодня он еще не выпил ни капли спиртного. Как и все алкоголики, приняв на грудь, он выглядел лучше — более расслабленно, и руки переставали трястись. Алкоголь излечивал от хвори, вызванной самим же алкоголем. И хотя через некоторое время профессор снова приложится к бутылке, сейчас он был трезв — ради нее, — и это ей, безусловно, было приятно.

Никто из них не упомянул о трагическом событии, что связывало их с этим местом.

Пока Ринальди доставал из сумки одежду, в которой Охотнице предстояло через час покинуть больницу, она думала о том, что неплохо было бы погладить ему рубашку. В браке они делили домашние дела пополам — все, кроме глажки. Ей эта работа никогда не давалась, но пришлось научиться. И хотя ей было противно оттого, что некоторые люди судили о достоинствах жены по рубашкам мужа, ей было важно, чтобы профессор появлялся на работе в опрятном виде.

Дверь была открыта, но кто-то все же постучал.

Охотница обернулась и увидела Памелу, которая выглядывала из-за двери с милой улыбкой на лице. Охотницу это даже задело, ведь обычно подруга всегда была на взводе.

— Как себя чувствуешь? — спросила та; Охотница услышала в ее тоне фальшь и разозлилась.

— Уже получше, спасибо, — отозвался Ринальди вместо нее.

— Стало быть, это правда, ты едешь домой.

Охотница заметила, что Памела одета в форму. Значит, заглянула ненадолго.

— Чего тебе? — резко бросила Охотница.

— Похоже, ты все еще на меня злишься. — Памела развела руками в знак бессилия.

— Еще бы, ведь ты мне не веришь, — сердито ответила Охотница. — Хотя я дала тебе все необходимое, чтобы понять, с кем мы имеем дело.

Памела взяла стул и села у койки.

— Я только что заезжала к Сильви, — сказала она. — После аварии он ускорил работу над материалом и сравнил ДНК волос с расчески Магды и найденной в озере руки.

— И что? — нетерпеливо спросила Охотница.

— Соответствий не обнаружено.

Охотница похолодела:

— Как так?

— Все просто. Светлые волосы, которые ты сняла с расчески, не настоящие. Это парик.

Ей не приходило в голову, что волосы женщины были не настоящими.

— Можете вернуться туда и взять еще какой-нибудь образец, — возразила она.

— С чего бы? На то есть веская причина?

Вопрос ее поразил.

— Хотя бы потому, что с этой женщиной, возможно, случилась беда.

— На будущее: если решишь устроить еще один незаконный обыск, бери лучше зубную щетку, — с иронией заметила Памела.

— А что насчет других девяти блондинок, исчезнувших за последние десять лет в районе Комо? Это тоже плод моей фантазии?

Памела начала терять терпение.

— Если мы сейчас отправимся в паспортный стол и проведем такой же поиск по другим параметрам, например, «мужчина, брюнет, возраст под сорок», результатов тоже будет немало.

— А что ты скажешь насчет следов от укуса на руке?

— Ничего, но это и не доказывает убийство.

Профессор Ринальди молча наблюдал за их перебранкой. Охотница умоляюще смотрела на него, ожидая поддержки, но профессор не обращал на нее внимания. Тогда она потянулась к подруге и схватила ее за запястье.

— Послушай! — взмолилась она. — Убийцы делятся на две категории — дисциплинированные и нет. Дисциплинированные, прежде чем начать убивать, планируют каждую мелочь. Они отлично вписаны в общество, работают, платят налоги и знают законы. Они безжалостны, но думают, будто у них есть высшая цель. Они крайне осторожны и стараются не оставлять следов, по

которым их могут опознать... Вторые же действуют импульсивно, они не выбирают жертв, а убивают наугад. У них нет ни семьи, ни друзей, они изгои. Они не способны на чувства и убивают лишь из удовольствия. Таких особенно сложно вычислить — если они и ошибаются, этого никак нельзя предугадать...

Теперь Памела слушала внимательно. Тогда Охотница отпустила ее руку и продолжила:

— Тот, кого я видела в «Глории», убивает блондинок. Но из бара он ушел с брюнеткой. Он отлично умеет избавляться от трупов, но не заметил отломанный ноготь, и тот каким-то образом оказался во рту дочери Роттингеров. Он держится особняком, но достаточно социализирован, чтобы очаровать будущую жертву. Он не способен сочувствовать, однако спас тонущую девочку.

— Как по мне, эти черты противоречат друг другу, — рассудила Памела, она все еще сомневалась. — К какой категории он тогда принадлежит?

— К обеим, — емко резюмировала Охотница. — И это худшее, что может быть.

Памела ничего не ответила, а нить рассуждений подхватил Ринальди:

— Этот человек движим злостью, и она сопровождает его с самого детства. Он вырос в жестоком мире, воспитан в насилии, терпел разные издевательства. И все же он научился выживать, он подстроился.

Охотница помолчала и продолжила:

— Он мстит не только миру, который равнодушно наблюдал за его страданиями, и людям, которые не стали ему помогать, когда он был маленьким и беззащитным. Не следует так думать, эта роковая ошибка может нам дорого стоить. Наоборот, есть некая причина, что толкает его на убийства; та же самая, что побуждает тебя работать в полиции, Ринальди — преподавать в школе, а меня — охотиться на «мошкар». Он думает, что так и должно быть, что такова его природа.

Памела облокотилась на спинку стула и с удивлением смотрела на Охотницу.

— Откуда ты все это знаешь? Кто тебя этому научил, а главное, почему ты это знаешь... — пробормотала она.

Охотница перевела взгляд на бывшего мужа. В отличие от Памелы, тот прекрасно знал ответ.

— После смерти Валентины ей нужно было во всем разобраться, — объяснил Ринальди, давая понять, что, к несчастью, им пришлось столкнуться с одним из таких чудовищ, когда он только вступал на преступный путь и нашел первую жертву. Потому что некоторые характеристики, которые перечислила Охотница, как нельзя лучше описывали поведение Диего. Ринальди подошел к Охотнице, и в глазах его стояли слезы.

— Мы должны были защитить бедную девочку, — тихо сказал он и коснулся ее щеки. — В конце концов, мы тоже виноваты.

— Я попробую еще раз поговорить с лейтенантом, — сказала Памела. — Но ничего не обещаю. И поклянись мне, что твое незаконное расследование на этом закончится. Если этот тип действительно так опасен, он еще придет за тобой.

Охотница подтвердила, что расследований с нее уже довольно.

Памела встала.

— Лучше займись другим случаем, — подмигнула она. — Парниша на белом «порше». У нас осталось незакрытое дело, или ты забыла?

Ринальди вопросительно посмотрел на Охотницу.

— Это наши женские штучки, — отрезала девушка в форме. Затем она поцеловала подругу в щеку и вышла из палаты.

Когда они остались наедине, Ринальди подошел к койке и хотел поправить подушку, на которую Охотница положила загипсованную руку, но та остановила его, сухо произнеся:

— Я хочу с ним увидеться. — Больше добавить ей было нечего. — Отвезешь меня?

Ринальди посмотрел на нее, а затем кивнул.

47

На момент совершения ужасного преступления убийце Валентины еще не исполнилось восемнадцати, поэтому первые годы заключения он провел в воспитательной колонии. Когда он достиг совершеннолетия, его перевели в обычную тюрьму.

По случаю запланированного свидания профессор снова сел за руль. Охотница ехала на пассажирском сиденье. В руках она держала фотографию Валентины. Она даже не глядела на снимок, но чувствовала необходимость иметь эту вещь при себе. Кто знает, как бы Валентина выглядела сегодня, если бы выжила, избежала жестокой судьбы. Охотница была уверена, что девушка стала бы настоящей красавицей. Именно поэтому после оглашения приговора Охотница не хотела больше встречаться с Диего, даже смотреть на его фотографии, которые какой-нибудь папарацци, любитель пощекотать нервы, ухитрялся сделать, пока заключенные выполняли общественные работы вне тюрьмы. Поэтому она не знала, изменился ли он за пять лет. Смогла бы она узнать его с первого взгляда? Чем бы окончилась их встреча? Удалось бы ему убедить Охотницу в том, что он раскаялся, или же он снова разочаровал бы мать? Она знала лишь, что сейчас едет с конкретной целью и не позволит собой манипулировать.

Вскоре машина подъехала к монолитному зданию, одиноко возвышавшемуся посреди равнины. Они припарковались и направились к главному входу. Охотница повернулась к бывшему мужу.

— Лучше я сама, — сказала она.

— Ты уверена?

— Да, не волнуйся.

— Ни в коем случае не забывай, с кем имеешь дело.

Услышав это, Охотница догадалась, что Ринальди уже приезжал сюда. И еще — что она ошибалась, думая, будто отец стал снисходительнее к Диего. Ринальди прекрасно понимал, что за человек был по ту сторону тюремной решетки.

Она оставила Ринальди наслаждаться пригожим солнечным деньком на парковке, а сама направилась к дверям.

Пройдя все необходимые процедуры и пункты контроля и получив все нужные документы, она наконец оказалась в комнате для свиданий. Вместо стен здесь были стекла толщиной сантиметров пять, не меньше. Из обстановки — только железный стол и два прикрученных к полу стула.

Она села и вцепилась в подлокотник, как утопающий цепляется за первый же проплывающий мимо обломок корабля, лишь бы не пойти ко дну. Ждать пришлось минут пятнадцать. Затем сквозь стеклянные стены она увидела, как охранники ведут высокого худощавого юношу с зачесанными на сторону волосами, в очках с толстыми стеклами. Дверь открылась, и его усадили перед ней, приковали наручниками к цепи, продетой сквозь кольцо в центре стола. Все это время Диего избегал смотреть ей в глаза. Наконец надзиратели оставили их вдвоем — вышли и закрыли за собой тяжелую дверь.

Охотница молча смотрела на парня. С тех пор как они виделись в последний раз, он сильно вырос, стал мужчиной. И все же она заметила на щеках подростковые прыщи. Редкую щетину. Детскую привычку грызть ногти.

— Привет, Диего, — сказала она.

— Привет, мам.

Охотницу давно уже никто так не называл. Это поразило ее, она не была готова, но надо было продолжать.

— Я не стану просить об изменении меры пресечения. Мы с твоим отцом выступили против тебя на суде, потому что были уверены, что твое место здесь. По крайней мере, пока не отсидишь весь срок. Потом будет видно.

— Тогда зачем ты приехала? — спросил он тоненьким детским голосом.

— Послушать твою версию событий.

— Ты ее уже слышала, мои показания есть в материалах дела.

— Да. Но это то, что ты сказал другим, а я хочу знать правду.

Парень покачал головой, все еще не поднимая глаз.

— Думаешь, я соврал? Думаешь, у меня выбили признание? — Он с довольным видом рассмеялся.

К сожалению, она знала, что на суде сын сказал правду. Но в его признании не было важных для него деталей, его сокровенных чувств, его оценок — все это обычно не учитывается при вынесении приговора.

— Приговор не ошибочный — ты здесь потому, что заслужил.

Парень набрал воздуха в грудь и наконец-то взглянул на мать:

— Валентина готовилась к устному опросу в школе, оставался последний перед каникулами. Я позвонил ей, спросил, не хочет ли она встретиться в бабушкином доме. Сама знаешь, мы часто бывали там, чтобы заняться

любовью. Я уже до этого почувствовал, что между нами что-то не ладится, мы отдалялись друг от друга, но я не понимал почему. Поначалу она сказала, что не может приехать, но я настаивал, и наконец она согласилась. Я приехал первым и стал ждать.

— У тебя был нож, — напомнила Охотница, вспомнив о многочисленных ранах на теле девушки.

— Да, был. Но тогда я не думал, зачем его взял, правда. Может, чтобы ее напугать. Мне хотелось показать ей, что я готов на все, лишь бы не потерять ее.

— А дальше?

— Я был в доме, когда услышал, как к дому подъезжает скутер. Я открыл дверь и увидел ее. Боже мой, она была такая красивая...

— А дальше? — вновь с нетерпением спросила мать.

— Я хотел отвести ее в твою старую спальню, заняться с ней любовью, вернуть то, что было между нами прежде. Это волшебное, особенное чувство. Но она взглянула на меня и сказала, что познакомилась кое с кем и они начали встречаться.

Вне себя от гнева, Охотница наклонилась к нему:

— И что же ты тогда сделал?

— Я схватил ее за волосы и потащил в комнату. Бросил ее на кровать, разорвал на ней одежду. Она плакала, умоляла, пыталась меня остановить.

— Ты ее изнасиловал, — сухо констатировала мать.

— Я хотел, но не смог, — спокойно признался он. — Я почувствовал, что ни на что не способен, и схватился за нож.

Охотница утратила дар речи. Эти слова искренне произнес ребенок, которого она выносила под сердцем. Которого она выкормила, вырастила, воспитала, стараясь дать ему все самое лучшее. Не догадываясь, на какую жестокость способен ее ангелочек.

— Почему ты ее убил?

— Я был слаб, а она воспользовалась этим и ранила меня, сделала мне больно.

Охотница с отвращением осознала, что, несмотря на возраст, мужчины, которые издеваются над женщинами, всегда находят себе одни и те же оправдания. Тогда она закричала:

— Почему?!

— Я был сильнее и хотел, чтоб она страдала, — наконец признался Диего.

Он расплакался. Слезы стекали у него по щекам, от всхлипов грудь вздымалась и опускалась. Он казался беззащитным, как котенок. В Охотнице проснулись материнские чувства — хотелось утешить его, прижать к груди. Она понимала, что это неправильно, но, пусть и не собиралась потакать желанию, не могла перестать об этом думать.

— Ты — моя самая большая ошибка, — сказала она, чувствуя, как сердце разрывается на части.

— Ты не виновата. И папа тоже. Я, по-моему, всегда был таким, — ответил мальчик. — Я с детства чувствовал, что когда-нибудь встречу со смертью лицом к лицу. Не знаю, как это объяснить, но как будто так было задумано.

Охотница уже почти разжалобилась, но вдруг вспомнила о таинственном спасителе дочери Роттингера, кровожадном чудовище, что бросился на помощь девочке.

— Понимаешь, это не оправдание, а наоборот, даже хуже. Это тебя не оправдывает, нельзя просто сказать: «Я такой, какой есть, ничего не поделать», — спокойно произнесла она. — Вместо того чтобы убивать, ты мог ее спасти.

— От чего спасти? — поинтересовался Диего.

Мать печально поглядела на него:

— От самого себя.

Через несколько секунд в комнату вошли надзиратели и отвели его обратно в камеру. Охотница наблюдала с такой же болью, с какой мать смотрит, как несут гроб с телом преждевременно погибшего сына. Наверное, так же чувствовали себя и родители Валентины, поэтому она думала, что заслужила это.

После того как за ней закрылась последняя дверь тюрьмы, она снова оказалась на парковке, совершенно не представляя, что ждет ее дальше. Она больше не находила в себе ни сил страдать, ни боли.

Она увидела, как Ринальди спешит ей навстречу. Не произнес ни слова, он обнял ее, и оба расплакались. И хотя они понимали, что никогда больше не будут вместе, сейчас они снова чувствовали себя молодыми ребятами, что встретились и полюбили друг друга задолго до того, как их любовь произвела на свет ребенка.

И перед тем как снова проститься, они, пусть и ненадолго, стали, как прежде, одной семьей.

48

Спокойствие бездны. Вечный покой морской пучины. Она неподвижно застыла в холодной воде, пока ее тело качается на поверхности, влекомое течением. Глаза открыты, она озирается. Вокруг тишина, что защищает ее. Никто и ничто не может причинить ей зла. Девочка с фиолетовой челкой часто представляла себе эту картину спокойствия и считала часы, которые отделяли ее от неизбежного.

Утром она побывала у ортопеда, и он осмотрел ее ногу. Кость срасталась быстро, ей разрешили отказаться от костылей и поменяли ортез на более легкий — в нем передвигаться было проще.

Но эта новость не радовала: девочка знала, что ждет ее вечером.

Она вытащила из шкафа первый попавшийся спортивный костюм, собрала волосы в хвост, как делала, если не успевала помыть голову. Решила не принимать душ и опрыскала себя мерзко пахнущими духами. Ей хотелось стать непривлекательной, послушаться приказа Рафаэле «привести себя в порядок». Она надеялась, что парень, которому ее продали в этот раз, откажется от покупки. Но к девяти вечера она растеряла всю свою смелость и боялась, что этот поступок будет воспринят как непростительная дерзость.

Чтобы ей разрешили уйти из дома вечером посреди недели, пришлось сказать матери, что ее пригласил на свидание самый крутой парень школы. К несчастью, так оно и было. Однако госпожа Роттингер не задалась вопросом, почему он заинтересовался именно ее дочерью. Она тут же вообразила, что он разглядел в ней задатки материнской красоты. В конце концов, она просто хотела убедиться, что девочка не станет ненавидеть мать за то, что не смогла передать ей свое очарование.

Рафаэле прибыл на виллу в назначенное время на новом мотоцикле, который ему подарил отец. Он пристально оглядел девочку. Вместо того чтобы разозлиться на нее, он рассмеялся.

— Ну хоть без долбанных костылей, и на том спасибо, — сказал он, протянул ей шлем, помахал госпоже Роттингер, которая задержалась на пороге, чтобы с ними попрощаться, и завел мотор. Типичный подросток из обеспеченной семьи с озера Комо.

Пока они летели на бешеной скорости, девочка прижималась к Рафаэле и чувствовала тепло его тела под порывами ветра. Она на секунду закрыла глаза и представила, будто она и правда его девушка. Как было бы здорово, если бы все сложилось иначе. На самом деле ситуация была отвратная. Она почувствовала, как к горлу подступает тошнота, широко раскрыла глаза и, глядя на слепящие фары встречных машин, резко приподнялась над сиденьем и дернулась назад, потянув парня за собой. Мотоцикл опасно завилял; раздался и тут же затих за спиной автомобильный гудок.

— Ты что творишь?! — взревел Рафаэле, выравнивая мотоцикл. — Жить надоело?

«Да!» — хотела было прокричать она, но лишь пробормотала:

— Извини.

Почти полчаса они ехали вдоль озера и наконец свернули на неосвещенную тропинку, что вела вверх на холм. Мотоцикл остановился у здания семидесятых годов постройки с вывеской «Гостиница».

Девочка слезла с мотоцикла и огляделась. Здание было старым и неухоженным. Или она была слишком юна, чтобы в нем оказаться.

— Нам же нет восемнадцати. Никто не сдаст нам номер, — заметила она.

— Не твоего ума дело. Помалкивай и иди за мной, — ответил он, отстегивая от мотоцикла сумку, прикрепленную сверху на бензобак.

Они вошли внутрь. Там было еще хуже, чем снаружи, если такое вообще возможно. От деревянной мебели пахло плесенью и освежителем воздуха. Рафаэле жестом велел ей стоять и ждать, пока он договаривается с портье. Девочка видела, как он перешептывается с щуплым мужчиной в тесном синем пиджаке; тот взял у Рафаэле двадцать евро и с презрением покосился на девочку. Она смутилась и опустила глаза. Вскоре ее мучитель вернулся с ключом.

Они поднялись и направились к номеру 209.

Рафаэле распахнул дверь и пропустил ее вперед. Он включил свет, и девочка очутилась в угнетающе тесной комнате. Десять квадратных метров, не больше, и почти весь номер занимала кровать. На стене висел старый кинескопный телевизор, в углу адски тарахтел мини-бар. Из грязного туалета тянуло мочой. Коричневый плед на кровати был весь засаленный, как и занавески, прикрывавшие единственное окно. Рольставни на нем были опущены до середины.

— Что стоишь как пень? — грубо бросил Рафаэле, открывая рюкзак.

Она сделала шаг, думая о том, что ее ждет. Потом увидела, что Рафаэле что-то раскладывает на кровати. Женское белье: чулки, прозрачные трусики и бюстгальтер, явно рассчитанный на девушек, у которых, в отличие от нее, есть грудь. Он протянул ей косметичку. Вот почему ему было плевать на ее неприглядный вид.

— Иди в ванную, накрасься. А потом надень вот это.

Девочка схватила его за руку:

— Подожди.

— Чего еще?

Она хотела было припугнуть его, сказать, что ему придется за это заплатить, что ангел придет к ней на помощь. Но после немногого «разговора» по телефону она уже ни в чем не была уверена. Когда она попробовала перезвонить по старому номеру, никто не взял трубку.

— Ничего, — ответила она, собрав с кровати белье и взяв косметичку.

— Имей в виду, что этот тип заплатил за тебя бешеные бабки, — сообщил Рафаэле, прежде чем она успела скрыться в ванной.

Вероятно, говнюк считал, что это комплимент. Но ей было противно. В том числе и от себя.

— Не важно, кому из друзей ты продал меня на этот раз, — главное, чтобы он, как и все, поскорее закончил, — ответила она.

Рафаэле расхохотался. Девочка закрылась в ванной.

Нанося на лицо тушь и помаду, она услышала, как в номер вошел кто-то третий. Похоже, прибыл «тип». Девочка задумалась. Почему Рафаэле называл своего друга «типом»? Она услышала, как он разделся, затем раздался знакомый скрип матрасных пружин, и она поняла, что он лег на кровать и ждет ее.

Она выключила свет, уперлась в дверь лбом, глубоко вдохнула и постаралась набраться смелости. В конце концов решила и открыла дверь.

В комнате было темно. Она стояла на пороге, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Когда ее глаза немного привыкли к темноте, она увидела, кто ждал ее, лежа на кровати.

Не подросток, а взрослый мужчина с огромным животом и эрегированным членом, будто нарочно выставленным напоказ.

— Иди сюда, дай я на тебя посмотрю, — мерзко и одновременно слащаво сказал он. — Ну же, не бойся.

Она прошла вперед и встала перед кроватью, спиной к двери.

— Ты такая красивая, — сказал мужчина, слглатывая слюну.

«Нет, я совсем не красивая, — мысленно ответила она. — Я самая обычная девочка. А ты — чудовище». Сама того не заметив, она вдруг расплакалась.

— Ну что ты, — с притворной заботой спросил мужчина. — Чего ты плачешь? Мы просто немного порезвимся.

Но, поняв, что она не может успокоиться, он вышел из себя.

— Прекрати! Черт, ты так все испортишь! — взревел он.

Она старалась перестать, но нет, ей было слишком больно. Мужчина тяжело задышал.

— Не хочешь полежать со мной рядом? — предложил он, сдвигаясь, чтобы освободить ей место на кровати.

Она уже готова была подойти и тут услышала, как позади нее открылась дверь.

На лице мужчины мгновенно отразилось возбуждение, сменившееся изумлением и, наконец, страхом. Девочка почувствовала, что кто-то стоит у нее за спиной.

— Не оборачивайся! — крикнул этот кто-то.

Она подчинилась. Кто-то набросил ей на плечи плащ или что-то похожее. Нет, серую утепленную куртку.

— А теперь уходи.

Несмотря на ортез, она как можно быстрее рванула к приоткрытой двери. Распахнув ее, она увидела, что Рафаэле, бездыханный, лежит на полу. Его избили — лицо сплошь покрыто синяками и отеками. За дверью послышались жалобные стоны мужчины.

— Ты кто такой? — спросил толстяк и ничего не услышал в ответ.

Девочке следовало бежать дальше по коридору, не оглядываясь, но искушение хотя бы раз увидеть лицо ангела было слишком сильно. Она незаметно обернулась и, словно в замедленной съемке, увидела, как великан, сотканный из тьмы, запустил руку себе в рот и открыл беззубую улыбку: десны цвета слоновой кости, острые, как лезвия.

В проем закрывающейся двери девочка успела разглядеть, как ангел распахнул пасть и набросился на пораженного грешника.

Девочка не почувствовала ни ненависти, ни жалости. Она хотела лишь поскорее убраться оттуда.

В два часа ночи добравшись до дома, он обнаружил, что ключей нет. В подъезде было тихо, вокруг ни души, а он был весь в крови. Он, наверное, их где-то потерял. Другого объяснения быть не могло. «Точно, куртка», — вспомнил он. Он оставил ключи в кармане куртки, которую отдал Фак. «Нет, по связке ключей и железному танку они меня не найдут», — подумал он. Да и девочка никогда этого не допустит.

Ведь они друзья.

У него была еще одна связка, спрятанная под колпаком запасного колеса в машине. Он спустился за ней. Так или иначе, по возвращении с работы он собирался на всякий случай сменить ключи. Сейчас план был такой: принять душ, переодеться и уйти как можно быстрее, пока Микки ничего не заметил. Но едва он открыл дверь, как до него донесся голос соседа.

— Что ты от меня скрываешь, пацан? — послышалось за зеленой дверью.

— Ничего, — ответил Чистильщик.

— Не пытайся меня обдурить. Ты же знаешь, со мной такое не проходит, — пригрозил Микки.

— Мне нечего скрывать, — повторил Чистильщик, понимая, что звучит неубедительно.

— Тогда что это у тебя в кармане?

Чистильщик опустил глаза. Из переднего кармана брюк торчал телефон Фак. Чистильщик взял его в гостиницу, но потом забыл о нем и даже не спрятал. Непростительная ошибка.

— И как ты это объяснишь? — подначил его Микки.

Чистильщик не знал, что ответить.

— Думаешь, я ничего не вижу, ничего не знаю.. Так, пацан? Думаешь, Микки дурачок, — менторским тоном повторил он.

— Нет, — сразу отозвался Чистильщик.

— А вот и да! — рявкнул Микки. — Думаешь, старину Микки проведет жалкий соплик?

— Нет, — снова ответил Чистильщик, покорно склонив голову.

— Быстро положи этот гребаную игрушку на стол, — приказал Микки.

Чистильщик подчинился.

— А теперь скажи: на хрена тебе этот чертов телефон?

— Я смотрел фотки, — еле слышно сознался Чистильщик.

— Что? Я что-то не слышу, пацан, говори громче...

— Фотки. Я смотрел фотки, — повторил он.

— Ты разглядывал фотки какой-то девочки, я верно тебя понял? Ты что, извращенец?

— Нет, — возразил Чистильщик; сравнение с женщиной из гостиничного номера ему не понравилось. — Мы просто друзья.

Голос Микки прозвучал печально и презрительно:

— У тебя не может быть друзей.

Чистильщик понадеялся, что на этом его мучения закончатся, что Микки накажет его и отстанет.

— Прости меня, — сказал он, пытаясь ускорить развязку. — Я был не прав и заслужил наказание.

— Конечно заслужил, — согласился Микки. — Открой-ка ящик.

Чистильщик не знал, что задумал Микки, но лучше было с ним не спорить.

— Видишь отвертку?

Он видел и не знал уже, что думать.

— Что мне сделать? — спросил он, давая понять, что готов на все.

— Знаешь, как наказывают тех, кто любит подглядывать?

Нет, он не знал. Но спросить не осмеливался.

— Зачем тебе два глаза, парень? Ты и одним обойдешься, — угрожающе произнес Микки.

Чистильщик сглотнул слюну и почувствовал, как покрывается потом.

— Что? Кишка тонка?

— Нет... То есть да...

Он протянул руку, взял отвертку, но не решался поднести ее к лицу.

— Чему я тебя учил все эти годы?

— Страх бесполезен. Страх мне не поможет, — ответил он.

— А еще?

— Что это только ради меня. Для моего же блага.

— Так чего же ты ждешь?

Чистильщик не знал, сможет ли.

— Ты просто ссыкун, меня от тебя тошнит.

Чистильщик поднес отвертку к лицу, держа обеими руками, и направил на левый глаз. Посмотрев вниз, он с ужасом увидел, как кончик инструмента приближается к главному яблоку; отвертка поцарапала скулу, на щеке выступила капелька крови. Он лихорадочно дышал, пытался набраться решимости и исполнить наказание и одновременно унять дрожь. Но черт возьми, это было слишком сложно.

— Есть только ты и я, — продолжал Микки. — Не обманывай себя. У тебя нет никого, кроме меня.

Когда отвертка была уже буквально в миллиметре от глаза, Чистильщик вдруг понял, что Микки не прав. У него, Чистильщика, была Фак. Она доказала свое отношение, когда попросила еще раз спасти ее. Неведомая прежде злость охватила все его существо, и прежде чем отвертка успела лишиться его глаза, он воспротивился воле Микки и отбросил отвертку к зеленой двери с оглушительным криком, в который вложил всю силу своих легких.

— И это после всего, что я для тебя сделал! Неблагодарный, — презрительно произнес Микки.

Чистильщик застыл, вглядываясь в пустоту и тяжело дыша. Затем сорвал с себя одежду и надел рабочую форму. Хватит уже подчиняться приказам. Телефон Фак он положил на стол, поскольку уже знал, что она снова позвонит. На этот раз он все же заговорит с ней. Чистильщик взял запасную связку ключей и уже собирался уйти, когда Микки снова подал голос:

— Ты еще вернешься, пацан, ты сам знаешь... Без меня ты никто...

50

Она сбежала из гостиницы с серой курткой на плечах и в ужасном белье. Босая и растерянная, она оказалась на улице, не понимая, куда идти. Машины проносились мимо и гудели, в последнюю секунду сворачивая на соседнюю полосу, чтобы ее не сбить. Наконец один водитель сжалился: остановился и предложил подвезти. Оказавшись дома, девочка с фиолетовой челкой разбудила родителей, бросилась им в объятия и расплакалась. Она во всем призналась, опустив лишь одну деталь — то, что ее снова спас загадочный ангел.

— Как же тебе удалось сбежать? — не веря своим ушам, спросила мать.

— Завтра утром я позвоню адвокату, — сказал отец, не успела она ответить и выдать ангела. — Я этого так не оставлю, они за это заплатят.

Она еще никогда не видела, чтобы отец был так решительно настроен защищать их семью. И хотя она ожидала обратного, родители сразу все поняли и были готовы поддержать и утешить ее, в чем она сейчас особенно нуждалась.

Мать набрала ей горячую ванну.

— Тебе нужно было обо всем мне рассказать, — сказала мать, аккуратно натирая ей кожу мочалкой.

Девочка сидела в ванне, обняв руками колени, пока мать помогла ей вымыться.

— Я бы могла тебе помочь, — повторила мать без тени укора.

Девочка не осмелилась ответить. Она закрыла глаза. Рука матери погружалась в ванну, а когда снова оказывалась над поверхностью, с нее

стекали ручейки воды, и плеск отдавался эхом в тишине, наполненной парами лаванды.

— Он правда это сделает? — робко спросила она.

— Что?

— Папа... Он заставит их заплатить?

— Я хорошо знаю твоего отца и уверена, что он не даст тому, кто тебя обидел, избежать наказания.

Это обещание немного ее утешило.

— С тобой такое случилось? — спросила девочка, заранее страшась любого ответа.

Мать на мгновение замялась.

— Да, — призналась она. — Когда я работала моделью, ко мне обращались... с непристойными предложениями, которые я не хотела принимать.

— И что ты делала?

— Чаще всего мне удавалось отказаться...

Это выстраданное признание немного успокоило девочку и сгладило чувство вины. Скорее всего, этой подробности не знал даже отец, и девочка впервые почувствовала, что между ними с матерью возникло глубокое взаимопонимание. Все остальное время они обе молчали. Девочка тихо ждала, пока мать смоет с нее боль и поможет ей надеть приятно пахнущую пижаму.

Прежде чем девочка заснула, мать присела к ней на кровать, как делала, когда та была маленькой. Она откинула дочери волосы со лба.

— Ты ведь рассказала нам всю правду, да?

Девочка прикусила губу и уже готова была рассказать о том, что скрыла, но вспомнила о челюстях, их хищном оскале в темноте комнаты, о том, как ангел превратился в демона-мстителя. Нет, она была еще не готова.

— Да, — солгала она. — Конечно, все.

Мать поверила и перевела взгляд на серую куртку, лежавшую на стуле.

— Нужно вернуть ее тому милому мужчине, который подвез тебя домой, — сказала она.

Девочка промолчала.

Мать поцеловала ее в лоб и вышла из комнаты, оставив в двери шелку, чтобы свет из коридора проникал в спальню. Прислушиваясь к ее удаляющимся шагам, девочка с фиолетовой челкой почувствовала, как на нее внезапно накатила усталость. Но очень может быть, что это было лишь принятие, примирение.

Однако еще до рассвета она проснулась в тревоге. Она свернулась калачиком и укрылась одеялом с головой, надеясь, что тревога пройдет сама собой. Но вскоре поняла, что избавиться от тревоги будет не так-то просто. Из-под одеяла она увидела серую куртку, которой ангел ее укрыл. Его броню. Она протянула руку к стулу, взяла куртку и затащила в свое укрытие. С силой

прижав ее к груди, девочка почувствовала, что под тканью проступает что-то острое. Она ощупала куртку, запустила руку в передний карман и обнаружила связку ключей с брелком в виде маленького игрушечного танка.

Она долго смотрела на эти ключи и размышляла, что именно ими открывают. А вскоре опять уснула.

И снова очнулась от боли в лодыжке. Когда открыла глаза, было уже светло, но неясно, который час. Нужно было сходить в туалет, а значит, одеваться и спускаться по лестнице. Девочка все еще чувствовала слабость.

Спустившись, она обнаружила, что, кроме слуг, в доме никого нет. Проследив за прислугой, которая куда-то направлялась с подносом в руках, девочка увидела, что родители сидят во внутреннем дворе за столом. С ними обедал семейный адвокат. Отец доверял этому человеку бо́льшую часть своих дел и именно о нем упоминал вчера вечером, говоря, что заставит виновных заплатить.

Спрятавшись за шторами в гостиной, девочка прекрасно расслышала бы, о чем они говорят. Ей стало любопытно, что они решили сделать с ее обидчиками.

— Повторюсь, больше всего меня беспокоят фотографии, — говорил адвокат. — Мы не можем не упомянуть о них в заявлении. И тогда за ними начнут охотиться — в особенности это касается прессы.

— Но мы даже не знаем, существуют ли они на самом деле, — возразила мать.

— Однако, если существуют, кто-то может этим воспользоваться. Думаете, человек, который продавал вашу дочь как девочку по вызову, постесняется распространять фотографии?

Девочка по вызову. Ее задела эти слова.

— Послушай, Гвидо, — сказал адвокат отцу, который до этой секунды хранил молчание. — Тебе не нужен скандал, это недопустимо. Ты должен дать мне возможность как можно скорее замять эту неприятную историю.

Девочка была уверена, что адвокат намекает на подкуп. Она считала, что отцу предлагают заплатить обидчикам за молчание. Однако она была уверена и в том, что отец никогда на это не пойдет.

— Если ты не сделаешь это сейчас, подумай, что будет, когда твоя дочь повзрослеет? — продолжал он. — Хочешь, чтоб она всю жизнь расплачивалась за ошибку, которую совершила в тринадцать лет?

— Нет, этому не бывать, — возразила мать. — Мы увезем ее отсюда, если понадобится.

Отец погладил подбородок, затем тяжело вздохнул.

— Мы не станем светиться, — наконец сказал он.

Его слова стали для девочки настоящим ударом. Куда делись его вчерашние обещания? У нее в голове еще крутились слова, сказанные с неожиданной твердостью: «Они за это заплатят». Она не могла поверить, что отец так легко поддастся на уговоры; может, он просто волновался за семью — это-то можно понять. Ей хотелось выбежать и крикнуть этому проклятому адвокату, что она готова на любой скандал, только бы этих мерзавцев наказали. И ей нет дела, что о ней подумают люди, ведь отец заставит их замолчать. Но то, что сказал инженер Роттингер, заставило ее столкнуться с суровой реальностью.

— Мне это невыгодно.

Он снова ставил себя превыше всего. И его дочь должна была с этим смириться. Оставалось надеяться, что мать воспротивится, как раньше, с новой силой.

— Значит, мы отправим ее в какой-нибудь пансион в Швейцарии, подальше отсюда, — смиренно предложила мать.

Рафаэле предупреждал, что родители начнут ее стыдиться. Так оно и вышло. Девочка отвернулась и ушла наверх. По ее щекам текли горячие от гнева слезы.

Девочка вернулась к себе и громко хлопнула дверь. Упав на кровать, она зарылась лицом в подушки и что есть силы завывала от отчаяния. Прокричавшись, она подняла голову, и ее взгляд упал на серую куртку и связку ключей на тумбочке рядом с белым медвежонком. Она подумала, где сейчас может быть ее ангел-хранитель.

И тут ей в голову пришла одна мысль.

Новый айфон лежал на столе. Она синхронизировала его с облачным хранилищем и восстановила все данные. Но не стала отключать функции старого айфона. Внезапно она вспомнила об одной из них.

Она взяла телефон и нашла приложение для определения геолокации, позволяющее отыскать потерянное устройство. Судя по данным, телефон был включен — его сигнал отображался на карте города в виде мигающей точки. Девочка могла позвонить еще раз, потому что телефон работал; может быть, на этот раз ей ответят.

Но она передумала — появилась идея получше.

51

Она не пользовалась общественным транспортом уже целую вечность. Но даже если бы машина была на ходу, нельзя садиться за руль с загипсованной рукой. Стоял жаркий день, самое начало лета, в автобусе работал кондиционер, поэтому было комфортно. Охотница выбрала место в середине салона, у окна, и теперь наслаждалась видами озера.

Она направлялась в Комо. Агент по недвижимости назначил встречу на три часа дня. Она решила продать родительский дом. Понятно, что хорошую цену за него не дадут — дом в жалком состоянии и пользуется дурной славой. Но кто знает, может быть, поселись в нем новые жильцы, например молодая пара с детьми, им бы удалось развеять проклятие. Охотница на это надеялась.

Поскольку автобус подолгу ждал пассажиров на каждой остановке, поездка длилась гораздо дольше, чем она ожидала. И все же народу было немного, и Охотнице приятно было сидеть у окна, подставляя лицо лучам теплого солнца.

Когда автобус проезжал мимо озера, вдали показался остров Комачина.

Охотница вспомнила, что именно здесь незнакомец спас дочь Роттингеров. После встречи с Диего она пообещала, что оставит это дело, поэтому отогнала от себя мысли, вытащила из сумки телефон и попыталась отвлечься. Все равно автобус скоро отъедет от остановки, напротив которой располагался пляж, и она сможет опять забыть о случившемся. Но ее не оставляло беспокойство. Какой-то древний инстинкт взывал к ней. И как она ни старалась сосредоточиться на экране телефона, никак не удавалось выбрать, в какое приложение зайти, чтобы не думать. Электронная почта, браузер, соцсеть – все равно ее мысли занимало нечто иное. Перед тем как автобус свернул с набережной, Охотница поняла, что не может сопротивляться, и решила больше не медлить. Она встала и помахала рукой так, чтобы водитель увидел ее в зеркале над кабиной.

– Извините. Мне нужно выйти.

Едва ступив на раскаленный асфальт, Охотница почувствовала себя гораздо лучше. Автобус поехал дальше, и она осталась одна. Пока шум мотора затихал где-то вдали, она огляделась. На небольшом пятачке, выделенном под парковку, не было ни одной машины. От парковки к озеру спускалась небольшая тропинка, петлявшая сквозь лес. Охотница пошла по ней, оправдывая себя тем, что все равно полезно подышать воздухом, а до назначенной встречи еще есть время. На самом деле она хотела увидеть то место, где впервые появился таинственный человек с тысячью противоречивых черт характера, где он поставил себя под удар, спасая незнакомую девочку.

Шагая по дорожке среди деревьев, Охотница обратила внимание, что по сторонам стоят деревянные столы для пикника, специально для тех, кто приезжает сюда на выходных. Но несчастный случай произошел в рабочий день, и, по идее, отдыхающих там не было.

Охотница села на скамейку под кипарисом и оглядела пляж, куда девочку вытащили из воды. На этой узкой полоске земли, засыпанной галькой, невинный ребенок встретился с безжалостным убийцей. Охотница попыталась представить, что он увидел в тот день: тело девочки, барахтающейся в воде, влекомое течением. Возможно, у нее хватило сил позвать на помощь. Он понял, что времени мало, нужно скорее решаться. И не раздумывая бросился в пучину, рискуя попасть в коварный водоворот, скрывающийся под внешне спокойной гладью озера.

Но почему он побежал на помощь? Что его подтолкнуло? Вокруг никого не было, он мог бы пройти мимо, не подвергать опасности свой бесценный секрет – свою личность.

Охотница вспомнила свидетелей, которые после бегства таинственного героя нашли девочку на пляже и вызвали врачей. Один садовник, работал в доме неподалеку, еще трое – рабочие, ремонтировали чью-то виллу, и, наконец, почтальон, который развозил по округе письма и уже собирался домой. Их показания она прочла в рапорте, который по секрету передала ей Памела. Ни один лица спасителя не разглядел. Однако все они так или иначе были заняты делом, поэтому и оказались рядом с пляжем; все, кроме загадочного спасителя.

В самом деле?

Что ты здесь забыл наутро после того, как убил и расчленил несчастную Магду Коломбо? Ты избавился от тела за несколько километров от этого пляжа – почему ты оказался именно здесь с утра пораньше?

Убийца все еще был на свободе, он мог убить снова. В это никто не верил, но Охотница это знала. Она постоянно задавалась вопросом, где он

скрывается, вместо того чтобы задуматься, почему в пятницу, когда все началось, он оказался здесь, у острова Комачина.

Кроны деревьев зашелестели от легкого порыва ветра. До Охотницы долетел аромат цветущей где-то вдалеке липы. Она закрыла глаза и с удовольствием ощутила дуновение ветра, прониклась сонмом звуков природы, пробудившейся от этого дуновения. Шорох птичьих крыльев, плеск воды в озере, скрип веток, веселый шелест листвы.

Но в этой мелодии слышалась фальшивая нота.

Охотница сосредоточилась, пытаясь понять, что это. Какой-то инструмент, как будто не из этого оркестра. Она открыла глаза и попыталась найти его глазами.

Недалеко от скамейки, где она сидела, была деревянная урна. Вот откуда исходил странный звук. У нее перед глазами возникла фигура санитара из отделения интенсивной терапии, того, что вез перед собой машину для мойки полов. Единственный раз, когда это невидимое чудовище решило явиться взору, оно приняло облик уборщика. Следуя за этой мыслью, Охотница встала и подошла к урне. Она заметила, что вдоль дорожки стоят еще несколько точно таких же урн. Заглянув, внутри каждой она увидела зеленый полиэтиленовый пакет. Сейчас тот, на который она смотрела, был пуст, поэтому шуршал при каждом движении воздуха. А это означало лишь одно.

Кто-то регулярно их менял.

52

Девочке понадобилось полтора часа, чтобы добраться до спального района на окраине города. Еще полчаса ушло на то, чтобы разыскать дом, откуда исходил сигнал старого телефона. Это был комплекс из нескольких зданий с внутренним двором, где дети играли в футбол, а взрослые пили пиво, курили и разговаривали под латиноамериканскую музыку. Девочке понравилась атмосфера этого места, похожая на вечеринку с гостями из разных стран мира. Проходя среди людей, она замечала, что многие приветственно ей улыбаются.

На ней было короткое и обтягивающее голубое платье – куплено было давно, но все это время провалялось в шкафу, потому что она решила, что с ее фигурой такое носить нельзя. А теперь ей было комфортно, потому что она снова поверила в себя, но самое главное – она не сомневалась, что ангел примет ее такой, какая она есть. На здоровой ноге был высокий черный ботинок и один гольф в шотландскую клетку. Еще она надела серую куртку. Та была ей сильно велика, но это вещь ангела, и девочка чувствовала себя под его защитой. Она держала руки в передних карманах куртки – в одной сжимала связку ключей, в другой телефон. Изредка она доставала его, сверяясь с картой.

Сигнал исходил из здания, расположенного в центре комплекса. На крыше виднелся большой бак для воды.

Девочка вошла в подъезд и направилась к лифту. Но на какой этаж подниматься, по приложению понять было невозможно. Она не учла, что сигнал передвигается только по горизонтали, вот незадача. Тогда она

решила снова позвонить ангелу и признаться, что она здесь, в подъезде, — у него тогда не будет выбора. Но на звонок снова никто не ответил.

Тогда она продолжила набирать номер и попыталась расслышать, не заиграет ли где-нибудь музыка из заставки к «Очень странным делам». Отличная идея.

Ортез мешал, но девочка с телефоном в руке обошла несколько этажей. Когда звонок прерывался, она снова нажимала кнопку вызова. На седьмом этаже она уловила еле слышный звук, доносившийся из квартиры в конце длинного коридора.

Тяжело дыша, она подошла к двери с тремя замками.

Звуки доносились из-за этой двери. Момент истины приближался. В нетерпении девочка сбросила звонок, набрала воздуха в легкие и постучала. За дверью было тихо. Она снова постучала, молясь, чтобы ангел оказался дома, — может, он просто не ответил на звонок.

Но очевидно, его там не было.

Девочка с досадой фыркнула.

Но она и не думала сдаваться. Опершись спиной о дверь, она сползла и села на пол. Она останется здесь и будет его ждать. Она достала из сумки жвачку и отправила в рот. Потом запустила игру на телефоне, но время тянулось слишком медленно, а недавнее волнение переросло в невыносимую скуку. Она взглянула на часы: шестнадцать часов. Она проверяла время каждые пять минут. Стало ясно, что долго она не продержится.

Тогда девочка достала из кармана куртки связку с игрушечным танком и поглядела на нее, одновременно взвешивая в руке ключи и оценивая только что пришедшую в голову мысль.

Ничего страшного не случится, если она зайдет, чтобы забрать свой телефон. Можно даже оставить ангелу записку и поблагодарить его за все, что он для нее сделал, а еще назначить нормальную встречу. Жаль, что она не взяла с собой медвежонка — можно было бы оставить игрушку ему.

Наконец она решила, что так и сделает. Она встала и принялась орудовать ключами в замках.

Войдя, она притворила за собой дверь. Пришлось задержаться на пороге, пока глаза не привыкли к темноте: единственное окно было заклеено матовой пленкой и едва пропускало свет. Девочка огляделась. Она была в некоем подобии гостиной, совмещенной с крохотной кухней. Везде царил идеальный порядок. За исключением разбросанной по полу окровавленной одежды. Взглянув на нее, девочка вспомнила мужчину, который собирался изнасиловать ее в гостинице, — вспомнила его испуганное лицо.

«Кто ты такой?»

Она поймала себя на том, что ее не особенно волнует его дальнейшая судьба. Она была уверена, что ангел свершил правосудие по велению высших сил, а это оправдывало даже насилие.

Странную дверь справа, покрашенную зеленой краской, девочка заметила сразу.

Но для начала она решила осмотреться там, куда попала. К гостиной примыкала маленькая ванная без окон. Диван-кровать, двустворчатый шкаф, стол, покрытый скатертью в цветочек, на котором лежал ее старый телефон.

Она подошла и, взглянув на экран, поняла, что едва успела вовремя, потому что батарея была почти разряжена и телефон скоро выключится. Она снова положила его на стол, потому что заметила под столешницей открытый ящичек. Заглянула внутрь: латексные перчатки, ножницы и тетрадь, заложенная карандашом. Она взяла тетрадь и принялась листать. Записи были странные: неровным почерком и со множеством ошибок. Несмотря на это, ей удалось разобрать несколько строк. В них перечислялись какие-то предметы, различные вещи и продукты, еда; какой-то длинный список.

Если вдуматься, он напоминал содержимое мусорного ведра.

Девочка положила тетрадь на место и подошла к шкафу. Открыв левую створку, она увидела ряд вешалок с одинаковой одеждой. Темно-серые свитера, светлые джинсы, белые и голубые рубашки. Внизу стояли черные ботинки на шнурках. Тут же висел черный полиэтиленовый фартук и пустая сумка через плечо. За другой створкой шкафа — черный кожаный блейзер, рубашка в цветочек и завязанный вокруг вешалки тонкий бордовый галстук. В отдельной секции были высокие кожаные ботинки, ремень с посеребренной пряжкой, позолоченные часы, тонированные очки и кольцо с бирюзой. На соседней полке лежали тетрадки вроде той, что была в столе.

Навскидку не меньше тридцати.

Протянув руку к тетради, девочка заметила на верхней полке какой-то крупный предмет, накрытый полотенцем. Поднявшись на цыпочки, она потянула за край полотенца.

На полке стояла человеческая голова.

В ужасе девочка отпрянула и, не удержав равновесия, плюхнулась на пол. Но потом, присмотревшись, поняла, что голова не настоящая, а из пенопласта, и на нее надет блондинистый парик.

Она почувствовала себя идиоткой, и поделом. Девочка оперлась на ладони, чтобы встать, и вдруг заметила на полу перед зеленой дверью какой-то предмет.

Подобравшись к нему на четвереньках, она увидела, что это отвертка. На двери была вмятина, словно кто-то изо всех сил швырнул туда эту отвертку. Девочка встала и попробовала повернуть ручку, однако дверь была заперта на ключ. Все в этом доме было странно. Тогда она решила попробовать открыть дверь ключом из связки.

Ей это удалось. С третьей попытки дверь отворилась.

53

Девочка открыла зеленую дверь. Из темноты на нее пахнуло чем-то затхлым. Запахом стоячей воды и хлорки. Вероятно, жалюзи никогда не поднимали и свежий воздух сюда не попадал. Но был и другой, резкий запах. То ли мужские духи, то ли лосьон после бритья, подумала она.

Как будто кто-то приглашал ее войти.

Девочка с фиолетовой челкой задрожала всем телом. Она шагнула вперед и пошарила рукой по стене, нащупывая выключатель. Нашла. Тусклый свет единственной лампочки, подвешенной в центре к потолку, осветил комнату. Однако то, что открылось взгляду, было необъяснимо и бессмысленно.

В комнате было пусто.

Почему вся мебель стоит в другой комнате, а этой как будто не пользуются? Девочка неуверенно сделала несколько шагов вперед, обернулась, пытаясь разобраться. Нарастала тревога, как будто закружилась голова. Девочка не могла объяснить почему, но ей казалось, будто она в опасности. Внезапно к горлу подступили слезы. Лампочка мигнула, как при скачке напряжения. От легкого дуновения воздуха, возникшего непонятно откуда, девочка похолодела. Все это походило на страшную галлюцинацию. Не успела девочка разобраться, мимо как будто прошмыгнула тень, и она ощутила ее незримое прикосновение.

Да, теперь сомнений не оставалось. В комнате, кроме нее, был еще кто-то — кто-то злой.

Пока она подыскивала разумное объяснение своим ощущениям, за спиной раздался голос.

— Тебе здесь не место, — сказал кто-то.

54

Она обернулась и увидела высокого крупного мужчину, болезненного и довольно бледного. Он был одет в зеленую форму уборщика, на голове — бейсболка, из-под которой торчали странные рыжеватые волосы, похожие на кукольные. «Наверное, парик», — подумала девочка. За толстыми стеклами очков виднелись маленькие черные глазки, словно лишенные радужки.

«Он не может быть моим ангелом-хранителем», — подумала она.

— Фак, — испуганно сказал он, — тебе нужно уйти, Фак.

Девочка растерялась. Она не понимала, что ему нужно и почему он обзывается, но потом вспомнила о чехле от своего старого телефона. Этот человек считал, что там написано ее имя. Чушь какая-то. Она не знала, что делать, но ей было страшно.

— Да, я уже ухожу, — заверила она.

Она направилась к двери, но мужчина преградил ей путь.

— Нет, ты не уйдешь, — решительно заявил он.

Почему он так резко передумал? Она уже ничего не понимала.

— Она никому ничего не скажет. — Он схватил ее за плечи и затряс. — Ты же никому ничего не скажешь, Фак? Я прав?

— Я ничего не скажу.

— Она здесь ни при чем, отпусти ее!

Девочка поняла, что мужчина обращался не к ней, а к неведомому существу, чье присутствие она только что ощутила в зеленой комнате.

— Да. Я никому ничего не скажу, — пообещала девочка, хотя уже перепугалась не меньше его.

— Хватит, пацан, давай уже покончим с этим, — сказал незнакомец, и голос его почему-то звучал грозно. Девочка поняла, что он не только поменял интонацию.

В глубине его голоса был другой голос.

Не успела она объяснить себе, что это значит, мужчина ее обнял.

— Ты не причинишь ей зла, я тебе не позволю, — жалобно проскулил он.

Девочка не знала, как быть, — казалось, незнакомец правда мучается, а его руки сжимали ее все крепче.

— Пожалуйста... Мне больно, — прошептала она.

— Будь ты проклят! Проклят! — воскликнул мужчина. На глаза его навернулись слезы, а объятия сжимались все теснее.

Нечто подобное она уже чувствовала, когда бросилась в озеро. Она поняла, что вот-вот задохнется. Повинуясь инстинкту самосохранения, девочка принялась вырываться. Но стало только хуже, и вместо того чтобы отпустить, незнакомец прижимал ее к себе все сильнее и сильнее.

— Накажи меня! — отчаянно кричал он, наворачивая круги по комнате. — Это я во всем виноват!

Девочка закатила глаза и готова была лишиться чувств, но мужчина держал ее на весу, приподняв над полом. Они все продолжали этот странный танец, и в глазах у нее помутилось — теперь ей не хватало воздуха, и она уже не могла ни сопротивляться, ни говорить.

Вдруг раздался грохот. Топот.

— Отпусти ее! — крикнул кто-то.

Мужчина все кружился, пропустив приказ мимо ушей.

— Сейчас же отпусти ее! — снова раздался женский голос.

Послышались крики, но девочка уже ничего не разбирала. Потом прогремел выстрел.

А потом как будто пошел дождь.

Ангел застыл на месте. Он распахнул крылья, и девочка рухнула вниз. При падении она стукнулась головой о мокрый пол, и боль от удара вернула ее к реальности. Выяснилось, что она все еще задерживает дыхание, и если не заставит свои легкие вдохнуть, то умрет. Девочка задышала, и мир вокруг постепенно приобрел ясные очертания. Но теперь все было как в замедленной съемке. Оттуда, где она лежала, она увидела, как женщина в полицейской форме пробирается к ним сквозь плотную завесу дождя, вытянув вперед руку с пистолетом. Спаситель лежал на спине. Из отверстия в горле струей была блестящая красная жидкость. Девочка подползла к нему и попыталась руками

остановить фонтан крови, которая смешивалась с потоками воды, низвергавшимися с полотка. Женщина велела ей не приближаться, потому что этот человек опасен. Ее голос девочка еле расслышала – его заглушал вой противопожарной сигнализации, да и ей было все равно. Ее поступок казался девочке безумным, несправедливым, она точно знала, что мужчина в конце концов отпустит ее, разожмет объятия.

«Вы не так поняли, он бы не обидел меня, он меня защищал!»

Ангел увидел, что она пытается его спасти, и улыбнулся. Он тонул. Сделав последний вдох – воздуха оставалось мало, – он сказал:

– Когда я был маленьким, я чуть не утонул в бассейне. Может, лучше было утонуть.

– Но тогда ты бы не спас меня, – всхлипнула девочка с фиолетовой челкой.

Внезапно кто-то оттащил ее от него и повел прочь, а бессмысленный дождь лился и лился с потолка. Но все время, пока этот человек еще был жив, они продолжали смотреть друг другу в глаза.

55

Пока они ехали в машине, у Памелы был какой-то чересчур довольный вид. Охотница никогда не видела ее такой, поэтому не знала, стоит ли беспокоиться.

– У тебя ведь что-то произошло, – с уверенностью заявила Охотница.

– Нет, ничего, – ответила Памела.

– Неправда. И ты от меня скрываешь.

Памела только еще раз улыбнулась.

– В чем дело?

– Ничего такого. – Памела повернулась к ней. – Мы с Джорджей расписываемся.

– И ты вот так об этом сообщаем? – опешила Охотница.

– Она сделала мне предложение три дня назад, мы уже рассказали родным.

– Но ведь это отличная новость, – заметила Охотница. – Ты наконец-то решилась сделать ее честной женщиной.

Несмотря на стертую сексистскую шутку, подруга рассмеялась. Охотница была рада за Памелу, хотя и считала, что Джорджа не самый подходящий для нее человек. Разумеется, свое мнение она держала при себе.

Она была обязана Памеле, а та была обязана ей.

После того как Охотница поняла, что загадочный спаситель с пляжа не кто иной, как уборщик, она позвонила Памеле и попросила узнать через фирму,

кто из работников занимался уборкой пляжа в то злополучное утро, когда дочь Роттингеров упала в озеро. Удалось выяснить имя и адрес. Отправившись по адресу, Памела неожиданно оказалась свидетельницей невообразимо жуткой сцены.

В квартире она обнаружила мужчину, который душил девочку с фиолетовой челкой, крепко прижимая ее к себе.

«Его натура — не спасать, а убивать», — подумала Охотница.

Памела несколько раз выстрелила из пистолета. От звука выстрела сработала старая противопожарная система, соединенная с баком для воды на крыше здания. Мужчина погиб на месте, пуля пробила ему яремную вену. Обе эти истории связывал некий общий элемент.

Вода.

Охотница вспомнила, с чего все началось. Теперь ей казалось, что озеро как будто пытается завоевать себе место, сыграв роль и в финале истории.

Девочку передали родителям, которые отправили ее на лечение в какой-то центр, чтобы помочь ей пережить полученную травму. Охотница надеялась, что девочка справится.

В деле оставалось еще много белых пятен.

Предположения Охотницы о том, что спаситель девочки — опасный убийца, пока не подтвердились; ее версию отменили. У полиции не нашлось никаких компрометирующих сведений. Как не обнаружилось и связей с предполагаемыми жертвами из списка, составленного в паспортном столе. Его личность оставалась неразрешимой загадкой.

Он будто возник из ниоткуда.

При устройстве на работу он воспользовался поддельными документами. С их же помощью был открыт счет в банке, приобретена машина и заключен договор на аренду квартиры. Кроме того, никто не мог объяснить, зачем он ходил по клубам переодетым, выдавая себя за другого человека. Охотница не стала расспрашивать подругу, как выглядел убитый, опасаясь, что начнет видеть его во сне.

Его похоронили в безымянной могиле.

Не узнав имени незнакомца, про себя Охотница назвала его «Чистильщиком».

— Что с тобой? — спросила Памела, заметив, что подруга задумалась.

— Ничего, — ответила та, ища удобное положение для загипсованной руки.

— Мы почти приехали, — успокоила Памела.

Через несколько минут они припарковались перед одним из самых дорогих магазинов Комо. Охотница собиралась уже вылезти из машины, но Памела остановила ее:

— погоди, у меня есть для тебя кое-что...

И протянула ей пакетик с красным бантиком. Охотница с удивлением уставилась на сверток. Затем, не сказав ни слова, развернула подарок. Внутри лежал маленький брелок в виде танка.

— Это я нашла у незнакомца, — объяснила подруга. — Его собирались выбросить вместе с другими вещами, но я решила прихватить его тебе на память.

— Зачем?

— Потому что без тебя я бы не успела приехать вовремя.

Охотница рассматривала издававший виды брелок, задаваясь вопросом, как и почему эта игрушка оказалась у незнакомца. Впрочем, она понимала, что никогда не узнает ответ.

— Ну что, ты готова, пошли? — спросила Памела.

— Готова, — кивнула Охотница.

Она положила брелок в карман и вылезла из машины. Затем направилась ко входу в магазин. Навстречу ей сразу же устремилась консультант:

— Здравствуйте, чем я могу вам помочь?

— Позовите, пожалуйста, хозяйку магазина, — ответила Охотница.

Девушка уставилась на нее, недоумевая, почему ее присутствия недостаточно. Однако потом все же удалилась вглубь магазина. Через несколько минут вышла удивительно красивая женщина лет шестидесяти.

— Вы хотели со мной поговорить? — улыбнулась она.

— Вы меня не узнаете? — немного помолчав, спросила Охотница.

— А разве мы знакомы? — удивленно спросила та. — Мы уже где-то встречались?

— Лично я вас вижу впервые, — призналась Охотница.

— Извините, тогда я правда не понимаю, откуда я могу вас знать, — смутилась хозяйка магазина.

— Присмотритесь как следует, может быть, вспомните, — настаивала Охотница.

Раздосадованная хозяйка заподозрила, что над ней пытаются подшутить. Но потом сообразила.

— Вы та самая...

Охотница уже привыкла, что ее все узнавали. Комо — маленький город. Она ответила так же, как и обычно.

— Да. Я его мать, — всегда отвечала она.

Хозяйка смутилась еще сильнее. А Охотница начала свой рассказ:

— Моего сына задержали на третий день поисков. Он пытался купить бутерброд на вокзале в Милане, расплатившись мелочью, которую собрал, прося милостыню. Он признался не сразу. Утверждал, что невиновен, и хотя на нем обнаружили кровь зарезанной девушки, он продолжал обвинять в убийстве какого-то незнакомца, проникшего в дом через окно.

Женщина слушала не перебивая, что было хорошим знаком.

— Мы с мужем тут же пошли в полицию, и нам позволили поговорить с сыном несколько минут. Когда я его увидела, он казался обиженным, точно побитая собака, и, клянусь, я готова была задушить его собственными руками. А он все повторял, рыдая и всхлипывая, свой бессмысленный рассказ. Но на какое-то мгновение я увидела, как в его глазах мелькнула некая черная тень, и все поняла. Он не только не раскаивался в содеянном — ему было наплевать.

Женщина внимательно смотрела на Охотницу, пораженная ее рассказом.

— Лишь мать может понять, что происходит в душе у ее сына. И я поняла. Поняла с такой ясностью, какой хотела бы избежать. И тогда я сказала себе: «Господи, сделай так, чтобы ему не поверили, чтобы никто не купился на эту отвратительную ложь».

Охотница глубоко вздохнула.

— Мы думаем, что знаем наших детей лишь потому, что подарили им жизнь, но часто любовь, которую мы к ним испытываем, уводит нас от правды, и мы отказываемся видеть очевидное. Однако в душе мы уже знаем ответ... И если ты ничего не сделала, чтобы помешать ребенку совершить зло, это твоя вина.

— Почему вы мне это рассказываете? — взволнованно спросила женщина.

— Потому что у вашего сына есть белый «порше» и потому что его молодая и красивая подруга скрывает следы побоев под свободной одеждой и слоями косметики. И еще потому, что я сама заметила слишком поздно...

Женщина задумалась, нервно ломая пальцы. Взгляд ее потух, ей было очень не по себе. Охотница больше не произнесла ни слова. Она развернулась и вышла из магазина.

23 февраля

Дневной свет понемногу затухал, зимний день клонился к закату. Последние лучи солнца проникли в больничную палату, мягко осветив кровать Мартины. Она полулежала, облокотившись спиной на подушки. Взгляд ее был печален, утроба опустела.

— Врачи сделали все возможное, чтобы спасти моего малыша, — грустно сказала она девушке-полицейскому. Та сидела рядом. В руках она держала блокнот, который достала в начале их разговора, но пока так ничего туда и не записала.

— Что вы можете рассказать об этом подростке?

— Я не думала, что он способен на такое, даже из ревности. Но я не могу злиться на него. По-вашему, это странно?

— Не знаю. Как посмотреть.

— В пять лет он чуть не утонул в бассейне на территории заброшенной гостиницы. Уже тогда мы должны были понять, что это был не несчастный случай.

— То есть?

— С ним была мать. Она сказала, что на минуту отвлеклась, но все было иначе. Она видела, что мальчик тонет, и сознательно его бросила.

— И после этого, вы считаете, она начала издеваться над мальчиком?

— Тот случай должен был насторожить нас. Думаю, Вера никогда не любила сына. Более того, она испытывала к нему отвращение.

— То есть вы думаете, она его ненавидела? И как вы этого не заметили?

— Объяснений множество. Прежде всего потому, что в католической культуре принято идеализировать образ матери, или потому, что мы изначально не готовы мириться с мыслью, что можно презирать существо, которому мы подарили жизнь. Мы думаем, что всегда можем выбрать вместо любви безразличие, и любой психолог вам подтвердит, что для большинства людей это действительно так; но не для матери. В отличие от всех остальных, у матери нет выбора. И зачастую она сама этого не понимает.

— То есть мать способна только любить или так же сильно ненавидеть?

— Именно. И Вера тому пример. Кроме того, она постоянно заводила отношения с тиранами, меняла одного на другого. Поэтому мы и поверили ей, когда она рассказала о Микки.

— Микки?

— Она убедила нас в том, что этот Микки, один из ее приятелей, истязал мальчика, а она не могла этому помешать.

— И это была ложь?

— Да.

— И как вы об этом узнали?

— Однажды их сосед услышал крики ребенка и вызвал полицию. Когда полиция прибыла, Вера снова свалила вину на Микки, но в квартире, кроме нее, никого не было.

— Стало быть, она убедила в этом и вас, и сына?

— Я понимаю, звучит дико, что правда вскрылась не сразу. Я не ищу оправданий, в этом есть и наша вина. И больше всех виновата я. Так вышло, потому что мы всё еще разделяем стереотипное и бессмысленное мнение, будто только мужчина может быть жестоким, а женщина и особенно мать — нет.

— А когда вы поняли, что она издевается над мальчиком, вы устроили его в интернат.

— Да, но он хотел, чтобы ему нашли приемную семью.

— Через несколько лет его все же усыновили.

— Возможно, он уже был слишком взрослым, чтобы адаптироваться к жизни в семье. Когда я нашла пару, потерявшую сына примерно его возраста, я подумала, что мальчик может дать им ощущение, что жизнь продолжается, и это, вероятно, облегчит их страдания. Кроме того, никто больше не стремился его усыновить. Все остальные отказывались из-за его прошлого.

— Прошлого?

— Микки — так называли отца Веры. Который стал и его отцом — мальчик появился на свет в результате инцеста.

— Зло — это порочный круг.

— Думаете, вы сможете его найти?

— Весьма вероятно: куда может податься четырнадцатилетний подросток?

— Не будьте с ним слишком суровы, хорошо?

— Хорошо.

В эту секунду слышался детский плач.

Девушка наклонилась над боксом у кровати. В боксе лежал младенец.

— Вы уже решили, как его назовете?

— Мой муж хотел, чтоб его назвали в честь дедушки. Диего.

Девушка из полиции спрятала блокнот, где так ничего и не записала, и взяла сумку, собираясь прощаться.

— Он называл сожителей матери «мошкаррой», — добавила Мартина, вспомнив эту деталь. — За Верой постоянно увивались мужчины. Только я могла держать их подальше, припугнуть их — вот почему он называл меня «Охотницей на мух».

Девушка в форме зашагала к двери.

— Позаботьтесь о своем сыне и забудьте об этой жуткой истории.

Мартина проводила ее взглядом. Затем потянулась к боксу и вытащила рыдающего младенца. Она расцеловала его щечки, улыбнулась ему и приложила к груди. Пока он жадно сосал грудь, она разглядывала его, спрашивая себя, какое слово он произнесет первым, когда проявит характер, каким он станет, когда вырастет. Чудом спасенный мальчик — Бог словно избрал его для какой-то особенной роли. Конечно, в глубине души Мартина понимала, что думать об этом глупо, гадать о будущем сына слишком рано, но какая разница?

Скоро Диего сможет мечтать о будущем сам. А пока что его мама думает и грезит за него.

Примечание автора

В основе сюжета лежат реальные события.

Благодарности

Сердечно благодарю Стефано Маури, моего издателя и друга. И вместе с ним всех сотрудников издательств, публикующих мои произведения в других странах.

А также Фабрицио Кокко, Джузеппе Страццери, Рафаэллу Ронкато, Элену Паванетто, Джузеппе Соменци, Грациеллу Черутти, Алессию Уголотти, Патрицию Спинато, Эрнесто Фанфани, Диану Волонте, Джулию Тонелли, Джакомо Ланаро, Джулию Фоссати, Кристину Фоскини.

Мую команду литературных агентов: Эндрю Нюрнберга, Сару Нанди, Барбару Барбьери, выдающихся сотрудников лондонского филиала. Тиффани Гассук, Анаис Бакобца. Оттавио, который принял нас как родных. Вито, что всегда подставит плечо. Акилле. Антонио Падовано, чьей дружбой я особенно дорожу. Паоло Павоне за его щедрость и внимание. Джанни Антонанджели, дающего ценные советы. Антонио Таккья за его заботу и внимание. Жанпьеро Кампанелли за его преданную дружбу. Марию Джованну Луини, моего поводыря во мраке. Мой книжный клуб «Секта семерых». Л. М. за то, что «Чистильщик» наполнился жизнью. Моих родителей Антонио и Фьеттину. Мую сестру Кьяру. Сару, мою «вечную спутницу».

Примечания

1

Все плачут... Все друг другу лгут напропалую... Все ошибаются... (англ.)

2

Бесплатный напиток (англ.).